

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1961

902.6

И71

Сборник содержит сообщения о докладах и наиболее интересных полевых открытиях украинских археологов за последние годы в области первобытной эпохи, скифо-сарматского времени, ранних славян и периода Киевской Руси.

Рассчитан на специалистов археологов и историков, музеиных работников, преподавателей и студентов вузов, а также интересующихся древней историей нашей Родины.

Редакционная коллегия:

*С. Н. Бибиков (ответственный редактор), В. А. Ильинская, М. П. Кучера,
Е. В. Максимов, Л. М. Славин, Д. Я. Телегин.*

Печатается по постановлению ученого совета Института археологии АН УССР

Редактор издательства В. Н. Денисова

Технический редактор Е. Н. Розенцвейг

Корректор Ю. Э. Григорьев

БФ 15733. Зак. № 1022. Изд. № 14. Тираж 800. Формат бумаги 70×108 $\frac{1}{4}$. Печ. физ. листов 6.25+вкл.
Условн. печ. листов 8.9. Учетно-изд. листов 7.6. Подписано к печати 23.IX.1961 г. Цена 46 коп.

Типография Издательства АН УССР. Киев, Репина, 4.

О ПЕРВИЧНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

С. Н. БИБИКОВ

В настоящее время условно намечается несколько ареалов палеолитических культур на территории Европейской части СССР — Уральский, Волжский, Донской, Донецко-Азовский, Днепро-Деснянский, Крымский и Буго-Днестровский. Особую область палеолитических местонахождений, смежную с южной половиной Европейской части СССР, представляет Кавказ (рис. 1).

Мустьерские памятники юга Европейской части СССР составляют с мустьерскими памятниками Северного Кавказа и Кавказского перешейка единый культурно-исторический пласт.

Обращает на себя внимание, что для восточноевропейских стоянок мустьерского возраста еще не выявлено достоверных памятников, которые можно рассматривать как генетическую подоснову мустье. Восточноевропейские мустьерские местонахождения как бы изолированы по нисходящей линии эволюционного развития. Сказанное относится и к Крыму — этой классической палеолитической области.

Памятники верхнепалеолитического возраста в южной части Восточной Европы свидетельствуют о ясно выраженной генетической связи их с мустьерскими. Эти мустьерские традиции запечатлены на преемственных чертах кремневых орудий и на формах домостроительства.

Иную картину видим на Кавказе. Здесь великолепно представлены памятники, составляющие подоснову для мустьерской культуры, то есть ашельские комплексы. Они широко известны в западной Грузии, Юго-Осетии, Армении, а также по зарубежным местонахождениям (Иран, Турция, Сирия, Палестина).

Однако памятников позднего палеолита на всем Кавказском нагорье и северных склонах Кавказа почти не встречено. Поздний палеолит на Кавказе хорошо представлен только на Черноморском побережье, где подразумевается его автохтонное происхождение.

Отсутствие в Восточной Европе памятников, хронологически подстилающих мустьерскую культуру, и наличие таковых на территориально смежном Кавказе дает основание думать, что заселение Восточной Европы в эпоху среднего палеолита шло с Кавказа.

Сказанное не исключает и возможных инфильтраций мустьерских групп с Запада, через Центральную и Юго-Восточную Европу. Однако путь этот отмечен слабыми следами мустьерской и более ранних культур и поэтому, видимо, носил эпизодический характер.

¹ Тезисы доклада, прочитанного на объединенной сессии Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР 6 мая 1960 г. в Киеве. Расширенный текст доклада по этой теме под названием «О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита» печатается в сборнике Четвертичный период. Выпуски 13, 14, 15. К VI конгрессу INQUA. Издание Комиссии по изучению четвертичного периода Института геологических наук АН УССР, К., 1961, стр. 339—362.

Какие же причины побудили древнего человека оставить Кавказское нагорье и начать заселение Восточно-Европейской низины? В числе экономических причин следует назвать хищническое ведение охотничьего хозяйства, принуждавшее древнее население к частым сменам угодий в связи с истощением охотничьих ресурсов. Это обстоятельство особенно давало себя знать при росте численности населения, что наблюдалось на Кавказе в эпоху раннего палеолита. Таким образом, и в первобытном обществе неуклонно действовал закон, открытый

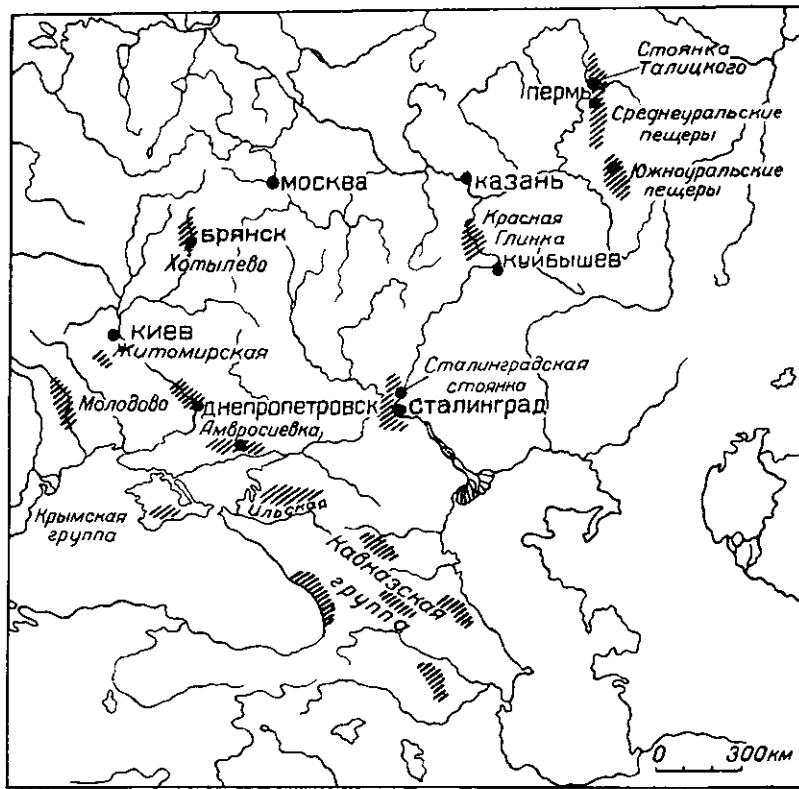

Рис. 1. Схема расположения раннепалеолитических памятников (Европейская часть СССР, Кавказ).

К. Марксом,— о давлении избытка населения на производительные силы, действующий в обществах с низким уровнем развития производительных сил².

Помимо экономических причин, сыграли свою большую роль и физико-географические факторы. Комплексом данных доказано, что уже в первую половину плейстоцена Кавказ начал испытывать сильное влияние оледенения, распространявшегося в Европе. По данным геологии, геоморфологии, палеозоологии, палеоботаники, на Кавказе и в смежных областях Причерноморья и Прикаспия наступили значительные видоизменения в природной обстановке.

Археологические факты говорят о том, что на рубеже раннего и позднего палеолита Кавказское нагорье было оставлено первобытным человеком вследствие наступающих значительных по территориально-му охвату гляциальных явлений. Уровень снеговой линии приближается или даже перекрывает отметки, на которых располагались ранне-

² К. Маркс. Вынужденная эмиграция, К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., Госполитиздат, 1952, стр. 333.

палеолитические стоянки. Можно предположить, что в период наибольшего похолодания на Кавказе начинается освоение пещер как убежищ. Пути передвижения древнего человека с Кавказского нагорья шли, по крайней мере, в трех направлениях:

1) на южное предгорье Кавказского массива, на Черноморское побережье, заселенное еще в период ашель-клектона;

2) на запад и северо-запад. Этот путь отмечен стоянками Северного Кавказа, Приазовья и Крымского полуострова;

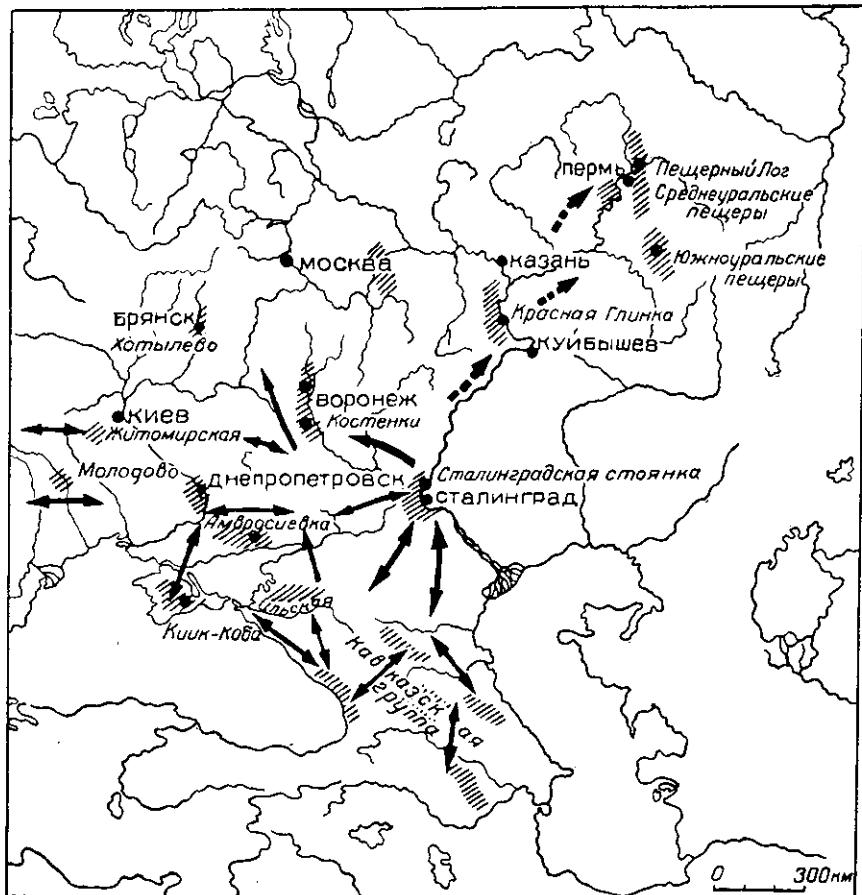

Рис. 2. Схема расселения человека в эпоху раннего палеолита (Европейская часть СССР, Кавказ).

3) в район Поволжья (стоянка Сухая Мечетка у Сталинграда). Это первый этап расселения человека с Кавказа на рубеже нижнего и среднего палеолита (рис. 2).

Второй этап связан с дальнейшим расселением мустырцев в направлении к северу. Этот этап характеризуется заселением средней Волги, Приуралья и Уральского нагорья. Возможно, что в то же время заселяются мустырцами и бассейн Дона, восточная окраина Средне-Русской возвышенности. Такая передвижка к северу от Кавказского нагорья была вызвана развитием хвалынской трансгрессии, отложения которой перекрыли мустырскую стоянку у Сталинграда (Сухая Мечетка).

Положение мустырских стоянок — Пещерный Лог в Приуралье, Красная Глинка, Тунгус, Сухая Мечетка на Волге, Шубное в бассейне Дона, Хотылево на Десне, Орел на Днепре, Житомирская стоянка на

Волыни, Молодова I на Днестре — как нельзя лучше обрисовывает контур максимального днепровского оледенения и датирует стоянки рисским возрастом (рис. 3).

Таким образом, сейчас определилась настоятельная необходимость привлечения кавказских палеолитических материалов для восстановления истории первичного заселения Восточной Европы. Следовательно, приоритет западноевропейских и южноевропейских путей сложения

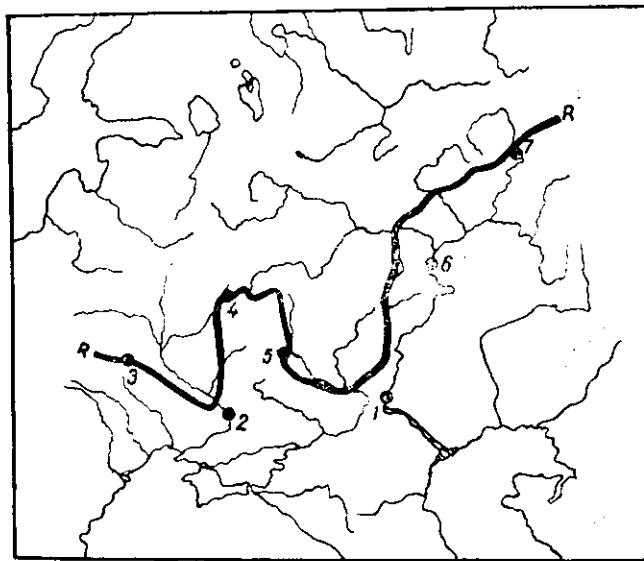

Рис. 3. Схема расположения мустьерских памятников на периферии максимального оледенения.

1 — Сухая Мечетка; 2 — Надпорожские мустьерские стоянки; 3 — Житомирская стоянка; 4 — Хотылевская стоянка; 5 — Шубное; 6 — Красная Глинка; 7 — Пещерный Лог; R—R — граница оледенения.

древних палеолитических культур в Восточной Европе значительно поколеблен.

В результате анализа археологических и естественно-исторических источников удается установить время заселения Восточной Европы, причины, которые привели сюда древнего человека, пути, по которым шло это заселение.

Можно считать установленным, что оставление древним человеком горных районов Кавказа произошло в раннемустьерское время. В то же примерно время, но в абсолютном исчислении несколько позднее (в период позднего мустье), было оставлено человеком и Поволжье. Для Кавказа, Северного Прикаспия и всей Восточной Европы это будет время, предшествующее хвалынской трансгрессии, то есть рубеж раннего и позднего палеолита. Оно отвечает верхнеказарскому веку, совпадающему, как показывают отложения в Сухой Мечетке, с максимальным рисским, или днепровским, оледенением. Именно поэтому и северная граница позднемустьерских памятников Восточной Европы проходит по экстрагляциальной полосе, не слишком удаленной от границ максимального оледенения.

Пока еще не достаточно точно устанавливаются те центры, где складывались в очень сложных взаимодействиях в позднемустьерское время верхнепалеолитические культуры. Это происходило в Северном Причерноморье (Крым, Кавказ), в южной полосе Украины (Надпорожье и, возможно, Северский Донец), вероятно, в среднем Подонье (Костенки, Шубное), в западном Приуралье и нагорной полосе Южного Урала.

ПРАРОДИНА СЛАВЯН И ЛУЖИЦКАЯ КУЛЬТУРА¹

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

Благодаря совокупным успехам языковедения и археологии в настоящее время вопрос об относительном определении местонахождения прародины славян в I тысячелетии до н. э. можно уже считать разрешенным. Все ученые пришли к единому выводу, что она находилась на территории, которая раскинулась от Одера на западе до среднего и верхнего течения Днепра на востоке, от Карпат на юге и до Балтийского моря на севере. Спорным остается вопрос уточнения местонахождения прародины славян в указанных географических пределах. По мнению одних ученых, она находилась в Средней Европе, в бассейне Одера и Вислы, другие считают, что она лежала к востоку от Вислы, в Поднепровье, третьи размещают прародину славян на всей этой обширной территории.

Дискуссионным остается вопрос локализации прародины славян в I тысячелетии до н. э. Автохтонистская познаньская школа археологов, возглавляемая И. Костшевским, и некоторые следующие ей польские лингвисты (особенно Т. Лер-Славинский)² и антропологи доказывают, что прародина славян находилась в бассейне Одера и Вислы, причем праславян они идентифицируют с лужицкой культурой, экспансией которой в Среднем Поднепровье объясняется начало славязизации Восточной Европы. Теория западного происхождения славян не находит поддержки среди большинства языковедов-славистов. Однако она получила значительную популярность в советской историографии³. В дальнейшую разработку вопросов происхождения и прародины славян много нового внес IV Международный съезд славистов в Москве в 1958 г.⁴

В свете сообщений античных авторов, в поле зрения которых междуречье Одера и Вислы впервые попадает только в начале нашей эры, древние славяне-венеды являлись обитателями Сарматии, западной границей которой была Висла. Никаких данных относительно заселения древними славянами территории к западу от Вислы письменные источники не дают.

Польский языковед Г. Улашин доказывает несостоятельность попытки археолога И. Костшевского подтвердить гипотезу среднеевропейской прародины славян ссылками на выводы лингвистики. При этом он

¹ Краткое содержание доклада, прочитанного на объединенной сессии Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР 6 мая 1960 г. в г. Киеве.

² T. Lehr-Sławinski, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946.

³ Всемирная история, т. I, М., 1955, стр. 464—466; т. II, М., 1956, стр. 160—165.

⁴ Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов), М., 1958.

устанавливает, что заключение языковеда Т. Лер-Славинского о том, что родина праславян находилась к западу от Вислы, опирается не столько на выводы языкоznания, сколько на построения археологии, которая не может в данном конкретном случае иметь решающего значения в этногенезе без достаточно достоверных данных письменной истории или лингвистики⁵.

В Скифии, кроме собственно скифских ираноязычных племен, в северо-западной ее части и севернее обитали скифы-пахари и невры Геродота. В последних, как обитателях современной Волыни, в науке давно уже принято видеть праславян, что подтверждается их локализацией и славянской этимологией этнического имени (невры). Праславянская принадлежность населения территории лесостепи к западу от Днепра подтверждается тем, что в первых веках н. э. венеды — древние славяне указываются в качестве обитателей Сарматии, к востоку от Вислы, а также сообщением анонима Ровенского (не позже VII в.) о происхождении славян из Скифии⁶.

Отсутствие иранских названий в топонимике Среднего Поднепровья⁷, славянская гидронимика к югу от Припяти, «буковый аргумент» и прочие ботанические доводы лингвистов также указывают на то, что прародина славян находилась в лесостепном междуречье Днестра и Днепра⁸, а не к западу от Вислы и не к северу от Припяти, где начинается область с балтийской гидронимикой⁹.

Большая близость славянских языков между собой привела языковедов к выводу, что они развились из языка-основы, занимавшего ограниченную территорию. Начало распада общеславянского языка и в целом этнического славянского единства относится к первым векам нашей эры. Исходя из этого этнического единства, становится очевидным, что праславяне в I тысячелетии до н. э. были представлены не несколькими, а одной археологической культурой.

Вероятнее всего, праславян можно идентифицировать с культурой земледельческо-скотоводческих племен скифского времени, которая ведет свое происхождение от чернолесской и белогрудовской культур позднего бронзового и самого начала железного века и представлена в лесостепи между Днестром и Днепром подольской, киево-черкасской и волынской локальными группами. Праславянская принадлежность этой культуры подтверждается также тем, что от нее происходит зарубинецкая культура древних славян-венедов, которые, согласно греческим и латинским авторам, обитали к востоку от Вислы, в Сарматии.

В настоящее время Ю. В. Кухаренко высказана исторически ошибочная, основанная на неправильной датировке памятников зарубинецкой культуры, гипотеза, согласно которой эта культура формируется в результате экспансии из Прибалтики поморских племен «западных» венедов, сливающихся с носителями лужицкой культуры в западном Полесье. Оттуда, как из первоначального центра, зарубинецкие племена якобы лишь в I в. до н. э. достигают Среднего Поднепровья, а в дальнейшем расселяются по другим территориям¹⁰. В конечном счете, гипотеза происхождения зарубинецкой культуры Ю. В. Кухаренко представляет собой переработку подобных же научно не обоснованных по-

⁵ H. Ułaszyn, *Praojczyzna Słowian*, Lódź, 1959.

⁶ Л. Нидерле, *Славянские древности*, М., 1956, стр. 30.

⁷ M. Vasmer, *Untersuchungen über ältesten Wohnsitze der Slawen*, I, Die Iranier in Südrussland, Leipzig, 1923, стр. 78.

⁸ K. Moszyński, *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*, Kraków, 1957; О. Н. Трубачев, *Лингвистическая география и этимологические исследования*, «Вопросы языкоznания», 1959, № 1.

⁹ Б. В. Горунг, *О балто-славянском языковом и этническом единстве*, сб. «Вопросы языкоznания», т. VII, № 4, 1958, стр. 56.

¹⁰ Ю. В. Кухаренко, *К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры*, СА, 1960, № 1, стр. 289 и сл.

строений познанских археологов-автохтонистов и следующих им языковедов, например Т. Лер-Славинского¹¹.

Зарубинецкая культура формируется в Среднем Поднепровье на базе местного культурного развития племен скифского времени. Расселяясь, племена зарубинецкой культуры, как это доказано экспедицией П. Н. Третьякова, проникают в свой состав остатки подгорцевских (милоградских) и юхновских племен¹². Вероятнее всего, с расселением зарубинецких племен связано появление памятников этой культуры и в западном Полесье. Появление элементов зарубинецкой культуры в культуре позднескифских городищ на нижнем Днепре, по данным Н. Н. Погребовой, археологически засвидетельствовано для конца III—II вв. до н. э.¹³ Тем самым решительно опровергается заключение Ю. В. Кухаренко, что памятники зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье никак не могут быть датированы раньше I в. до н. э.

Совокупность письменных исторических и археологических данных убедительно свидетельствует об ошибочности теории происхождения славян в междуречье Одера и Вислы и идентификации их с лужицкой культурой. Праородина славян находилась не на западе, а на востоке.

Языковые связи праславян, лингвистико-ботанические данные, гидронимика и свидетельства античных авторов о скифах-пахарях, неврах и венедах говорят в пользу того, что праородина славян находилась к югу от Припяти, в лесостепи между Днестром и Днепром. Представляется наиболее вероятным, что праславянами являлись носители культуры земледельческо-скотоводческих племен, обитавших в I тысячелетии до н. э. в лесостепи к западу от Днепра, которые известны нам по генетически связанным между собой памятникам белогрудовской, чернолесской и скифообразной культур.

Археологическим подтверждением этого вывода является то, что зарубинецкая культура праславян-венедов западной части Европейской Сарматии ведет свое происхождение от скифообразной культуры Среднего Поднепровья.

Распространение зарубинецкой культуры из Среднего Поднепровья, начавшееся в последние века до нашей эры, вероятнее всего, было связано с началом расселения праславян и, таким образом, может рассматриваться в качестве свидетельства о начале распада общеславянского этнического единства. Движение это, как о нем можно судить по археологическим и историческим данным, было направлено вверх по Днепру, в бассейн Вислы, в сторону Прибалтики и на юг к степному Причерноморью.

¹¹ «Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 47—49.

¹² П. Н. Третьяков, Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура, СА, 1960, № 1, стр. 40.

¹³ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, 1958, стр. 141—142, 211—215, 244—245.

РЕЛЬЕФ ИЗ ГОРОДИЩА СКЕЛЬКИ БЛИЗ ОЛЬВИИ

(К вопросу о вотивных рельефах
на территории Северного Причерноморья).

А. П. МАНЦЕВИЧ

(Ленинград)

В связи с изучением ольвийской периферии в 1947 и 1948 гг. была проведена разведка по левому берегу Бугского лимана к северу от г. Станислава в направлении к г. Николаеву до с. Кисляковки¹.

В числе других поселений было обследовано городище Скелька², расположенное почти против Ольвии. Оно было открыто В. И. Гошкевичем в 1895 г. и обследовано им в 1909 г.³

В 1927 г. сотрудниками Николаевского краеведческого музея под руководством Ф. Т. Каминского был собран на этом городище подъемный материал, который вместе с находками В. И. Гошкевича хранится в николаевском музее⁴. Материал, полученный при обследовании городища в 1947 и 1948 гг., вместе с коллекцией николаевского музея обработан Ф. М. Штительман в ее диссертации «Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII — II вв. до н. э.»⁵.

Одной из наиболее интересных находок 1948 г. является миниатюрный рельеф из грубого известнякового камня⁶. Место находки рельефа — городище Скелька расположено на двух плато, защищенных с востока валом, с севера и северо-запада оврагом Павлютина балка, с юго-запада и юга лиманом. Городище сильно изрыто многочисленными траншеями. Культурный слой северного плато более мощный и достигает до 1,2—1,5 м, тогда как на южном он не превышает 1 м.

В 1948 г. на северном плато были произведены зачистки стенок траншей и сделано несколько шурfov, выявивших два горизонта культурного слоя. В верхнем горизонте найдены строительные остатки в виде отесанных камней неправильной формы, иногда снабженных углублениями и желобками, куски жженого сырца и черепицы. Кроме того, здесь была собрана масса обломков керамики: грубой лепной, иногда с лощеной поверхностью, а также изготовленной на гончарном круге. Среди последней выделяется посуда из красной глины, часто покрытая

¹ Работа проводилась Бугским отрядом Ольвийской экспедиции в составе Ф. М. Штительман и Р. И. Ветштейн под руководством автора настоящей статьи.

² Ф. М. Штительман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, № 50, стр. 255—257, 262.

³ В. И. Гошкевич, Летопись музея за 1909—1911 гг., вып. 2, Херсон, 1912, стр. 11.

⁴ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья УССР, К., 1951, приложение 8.

⁵ Автореферат, М., 1952, стр. 8.

⁶ Дневник разведки Бугского отряда, стр. 53.

слоем копоти, употреблявшаяся для приготовления пищи на очаге, а также посуда из серой глины, иногда покрытая лощением, которая использовалась только для принятия пищи (миски и кувшины). Чернолаковая посуда представлена единичными обломками киликов и солонок III в. до н. э. Кроме того, здесь были найдены обломки двустольных ручек амфор, а также ручка амфоры с астиномным клеймом.

Наиболее поздними находками этого слоя являются обломок чаши, покрытой плохим красно-бурым лаком, и днище римской амфоры, свидетельствующие о существовании городища еще в I—II вв. н. э. Среди подъемного материала особо следует отметить обломок зернотерки. Здесь же были найдены кости быка, лошади, мелкого рогатого скота, свиньи, собаки, косули, крупных осетровых рыб⁷.

В нижнем горизонте культурного слоя на глубине 0,95 м встречены обломки лепной посуды, лощеной или с рельефным пояском у венчика, относящейся не позднее чем к концу VI в. до н. э. Что касается основной массы материала, то он принадлежит к IV—III вв., когда жизнь на поселении была наиболее интенсивной.

В шурфе А площадью 2×2 м был выявлен обвал разрушенной пожаром постройки, перекрывшей вырытую в материке грушевидную яму с плоским дном (глубина 0,90 м), служившую, вероятно, хранилищем для зерна.

В слое пожарища были найдены обломки изготовленной на гончарном круге лощеной керамики из серой глины, тонкостенной красноглиняной посуды с грубой обмазкой, амфор (в том числе обломок венчика с выпуклым горлом), двустольные ручки амфор, обломки чернолаковой посуды, венчик краснофигурного кратера с орнаментом в виде ветви лавра и два шаровидных камня диаметром 5—6 см, из них один из мрамора, другой из известняка.

Но наиболее замечательной находкой из шурфа А является миниатюрный рельеф-стела (рис. 1—3), обнаруженный среди камней и кусков обгорелого сырца в рыхлой золе на глубине 0,40 м. В настоящее время рельеф хранится в Институте археологии АН УССР. Несмотря на ряд выбоин, сохранность рельефа хорошая. Высота камня 0,085 м, ширина 0,075 м, толщина 0,04 м. Изготовлен он из грубого известняка⁸. На слегка углубленном фоне (2—3 мм) представлена схематически выполненная человеческая фигура по пояс, в одном уровне с рамкой. Контур четырехугольника обрамлен резной линией, над ним — треугольник-фронтон.

Характер стелы придают рельефу также три акротерия: в центре — стилизованная пальметка в виде трех бугорков; два боковых акрополя имеют форму небольших выступов-полупальметок (рис. 2).

Схематичность трактовки изображения сказалась в том, что голова-круг поставлена на горизонтальные плечи, а короткие руки беспо-

Рис. 1. Рельеф из Скельки. Известняк.

⁷ Определение произведено В. И. Бибиковой.

⁸ Научный сотрудник Института геологии АН УССР Б. Ф. Зернецкий дал следующее определение породы камня: «Известняк оолитовый, светло-серый. Возраст — верхний миоцен. Местный материал. Такие обнажения имеются в окрестностях г. Николаева по Бугскому лиману».

мощно повисли. Крайне примитивная трактовка рельефа объясняется его размерами, характером материала и, вероятно, ограниченным набором имевшихся в распоряжении резчика инструментов, а главное — уровнем его художественного развития: это типичная работа ремесленника⁹. На правой боковой грани рельефа врезан знак в виде треугольника, пересеченного двумя линиями (рис. 3).

Подобные рельефы небольших размеров из известняка в Северном Причерноморье не редки. Несколько таких рельефов из Херсонеса и Ольвии хранятся в Государственном Эрмитаже. На двух рельефах из грубого ракушечника, найденных в Ольвии, изображены нимфы в длинных одеждах¹⁰. На одном (рис. 4) нимфа представлена как бы в позе

Рис. 2. Рельеф из Скельки, вид сверху.

танца с поднятой правой рукой¹¹. Второй рельеф — плита с ясно различимыми изображениями двух нимф; слева — постамент с полувальмовым углублением. Между постаментом и нимфами имеется неясное изображение (может быть, человеческая фигура)¹². В Ольвии же в 1951 г. на участке НГФ в эллинистическом здании в завале камней (помещение Б) Б. М. Рабичкиным был найден еще один рельеф с изображением трех нимф¹³. На нем, как и на рельефе из Скельки, обрамление обозначено прямыми врезанными линиями. Слева на нем, как и на втором ольвийском рельефе 1908 г. (рис. 5), изображено такое же сооружение — постамент в виде прямоугольника с нишой или навесом. Возникает предположение, не является ли это сооружение оформлением источника или колодца? И нельзя ли видеть в сильно поврежденном изображении между постаментом и двумя стоящими нимфами на ольвийском рельефе (рис. 5) фигуру третьей нимфы?

Два таких же рельефа из Ольвии, неправильно названных надгробиями, находятся в херсонском музее: на одном рельефе изображены четыре женские фигуры¹⁴, на другом — Кибела в наиске¹⁵.

В собрании ГИМа имеется шесть подобных рельефов из грубого известняка, три из них также найдены в Ольвии: один с изображением

⁹ Аналогичную трактовку человеческой фигуры можно видеть на золотых бляшках из с. Сасыколского, б. Астраханской губ., ОАК за 1909—1910 гг., 1913, стр. 222, рис. 266.

¹⁰ Рельефы описаны С. И. Капошиной. См. В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья, СА, т. XV, 1951, стр. 162 и сл.

¹¹ Найден к юго-западу от с. Парутина, куплен в 1905 г. Выс. 0,295 м, шир. 0,24 м, толщ. 0,09 м. Инв. Гос. Эрмитажа, № Ол. 1021.

¹² Найден в 1908 г. (более точные сведения отсутствуют). Выс. 0,20 м, шир. 0,22 м, толщ. 0,09 м. Инв. Гос. Эрмитажа, № Ол. 7564, раскопочный № 2516.

¹³ Выс. 0,28 м, шир. 0,43 м, толщ. 0,11 м. Хранится в музее заповедника. См. В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, ук. соч., стр. 180, рис. 9.

¹⁴ В. И. Гошкевич, Летопись музея за 1912 год, вып. 4, Херсон, 1914, стр. 5, рис. 3. Размеры: выс. 0,225 м, шир. 0,16 м.

¹⁵ Там же, стр. 9, рис. 4. Размеры: выс. 0,525 м, шир. 0,33 м.

трех нимф (рис. 6)¹⁶, второй — с тем же сюжетом, но более схематично исполненным (рис. 7)¹⁷, на третьем представлено шесть человеческих фигур: три слева в длинных одеждах (рис. 8), очевидно, женские; три фигуры справа, судя по короткой одежде, по-видимому, изображают мужчин¹⁸. Материал и техника последнего рельефа напоминают рельеф из Скельки.

Аналогичные рельефы были найдены в Херсонесе. В качестве примера можно привести три рельефа, определяемые находчиком как надгробия¹⁹. На одном из них, как и на рельефе из Скельки²⁰, изображено человеческое лицо в виде круга.

В Одесском археологическом музее хранится несколько подобных рельефов, по всей вероятности, происходящих также из района Ольвии или Крыма, причем наименьший из них представляет самую близкую параллель рельефу из Скельки²¹.

До недавнего времени главным источником происхождения подобных рельефов на территории СССР являлось святилище фракийских богов в Ай-Тодоре²², причем некоторые рельефы по стилю представляют довольно близкие аналогии рельефу из Скельки. Таковы, например, рельефы с изображением Диониса, Гермеса, Есадника, Артемиды и Гекаты²³.

В ГИМ, кроме трех упомянутых выше, поступили обломки еще шести рельефов с изображением Митры, Есадника, Сильвана и Деметры или Кибелы, приобретенные Бурачковым в Ольвии²⁴. Это послужило М. И. Ростовцеву основанием для предположения о наличии в Ольвии или ее окрестностях святилища, подобного ай-тодорскому. Приведенные выше рельефы других музеев, происходящие из района Ольвии, подтверждают это предположение.

На существование в окрестностях Ольвии или в самом городе святилища фракийских божеств указывают не только описанные рельефы из мрамора и известняка, но также и находимые в Ольвии свинцовые

¹⁶ Приобретен в Ольвии в 1891 г., хранится в ГИМе, инв. № 2144. Размеры: выс. 0,36 м, шир. 0,23 м, толщ. вверху 0,13 м, внизу 0,18 м.

¹⁷ Из Ольвии, хранится в ГИМе, инв. № 78607. Размеры: выс. 0,23 м, шир. 0,28 м, толщ. 0,115 м.

¹⁸ Из Ольвии, хранится в ГИМе, инв. № 78607. Размеры: выс. и шир. 0,30 м, толщ. вверху 0,095 м, внизу 0,10 м. См. Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 465. Выражают благодарность Н. П. Сорокиной за сообщение данных о рельефах. По ее сведениям в ГИМе, кроме трех воспроизведенных рельефов, имеется еще три рельефа из пористого известняка-ракушечника и четвертый из мрамора, с греческой надписью, издан в IOSPE, II, № 31.

¹⁹ ОАК за 1891 г., стр. 18. В данном случае вотивным рельефам также дано ошибочное определение.

²⁰ Там же, рис. 10. Размеры: выс. 0,135 м, шир. 0,75 м.

²¹ Размеры рельефа: выс. 0,09 м, шир. 0,12 м. Поступил из Археологической комиссии в 1901 г.

²² М. И. Ростовцев, Святилище фракийских богов и надписи боспорских офицеров в Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40, рис. 1—16.

²³ Там же, рис. 1, размеры (м): 0,365×0,29×0,024; рис. 2—0,31×0,24×0,02; рис. 7—0,16×0,20×0,023; рис. 12—0,235×0,16×?; рис. 13—0,15×0,10×?; рис. 15—0,155×0,135×0,025; рис. 16—0,165×0,135×0,019.

²⁴ ИАК, вып. 40, рис. 17, 18, 20, 21, 22.

Рис. 3. Рельеф из Скельки. Тамгообразный знак на боковой грани рельефа.

рельефные пластинки, например найденная на городище в 1912 г. пластиника в виде женской фигуры²⁵.

Наряду с каменными рельефами, свинцовые пластинки и фигурки были характерной принадлежностью древних фракийских святилищ Западного Причерноморья. Они, подобно каменным рельефам, являлись продукцией Подунавья, как об этом свидетельствует мастерская свинцового литья, открытая в Поганьтеле в Венгрии²⁶.

В святилищах древней Фракии особенно многочисленны небольшие плоские окруженные рамкой рельефы из мрамора или из грубых пород

Рис. 4. Рельеф с изображением человеческой фигуры.
Известняк. Найден в Ольвии.

известняка, андезита и др.²⁷, являющиеся продукцией местных фракийских мастеров. Мастерская таких вотивных рельефов была найдена в Варне (древний Одессос). Часто вблизи святилищ находились мастерские, где выполнялись заказы жертвователей.

Обычно рельефы имеют прямоугольную форму, как, например, мраморный рельеф из Балля Бунар, Ямболской оконии²⁸, или известняковые рельефы из Ольвии, но часто они закруглены вверху. Примером могут служить мраморные рельефы с изображением нимф: один из таких рельефов хранится в историческом музее г. Николаева (не издан, рис. 9)²⁹, другой -- в музее в Софии³⁰.

²⁵ Изв. Гос. Эрмитажа, № Ол. 3638, полевой № Ол. 1912, 1417А.

²⁶ Э. Б. Томаш, Свинцовые обетные памятники в Паннонии (свинцовый завод в Поганьтеле), *Archaeologiai Ertesito*, т. 79, вып. 1, 1952, стр. 32--38.

²⁷ ИАК, вып. 40, рис. 23--31.

²⁸ Изв. Бълг. арх. инст. 1928--1929, София, 1929, стр. 83, рис. 94.

²⁹ Приобретен в Синопе капитаном I ранга А. В. Зарудным. С 1915 г. хранится в музее. Изв. № А-1321. Размеры: 0,39×0,30×0,05 м. Выражаю благодарность Ф. Т. Каминскому, сообщившему мне сведения об этом памятнике, его происхождении и за фотоснимок стелы.

³⁰ Найден в Саладиново. Е. Kalinka, *Antike Denkmäler in Bulgarien*, Wien, 1906, стр. 172, рис. 53.

Форма рельефа из Скельки в виде стелы с акротериями встречается значительно реже. Аналогией ему может служить ольвийский рельеф с нимфами из ГИМа (рис. 6), лишь превосходящий его размерами³¹.

Размеры фракийских вотивных рельефов не велики (полуметровые являются исключением). Это обусловлено, по всей вероятности, тем, что рельефы были посвящениями, которые по условиям культа необходимо было переносить с места на место. Известно, что во Фракии этими рельефами были увешаны стены святилищ внутри да, вероятно, и снаружи.

Вместе с рельефами основного, главного божества, которому было посвящено данное святилище, в нем находились рельефы и других

Рис. 5. Рельеф с изображением трех человеческих фигур.
Известняк. Найден в Ольвии.

божеств (*σύνταξις θεοῖς*). А так как фракийцы часто воевали и любили охоту, что было связано с использованием лошадей, то они должны были иметь и бога на коне, который у них всюду фигурирует как бог-всадник данной местности, наряду с Зевсом и Герой, Дионисом и Аполлоном, Артемидой и Гекатой, Гераклом и Гермесом и т. д.

Кроме изобиловавших рельефами святилищ Асклепия и Гигиен в Главе Панега (120 рельефов), нимф — в Саладинове, Новоселко Пловдивско и Баткун (Татар-Пазаджикской околии), пользовавшихся во Фракии особым почитанием, широко известны были также святилища Зевса и Геры при Копиловцах, Асклепия и Гигиен на Гиссарлыке (оба в Кюстендилской околии)³², а также принадлежавшее фракийскому племени великолойлалетов святилище Геры при Дюлево, Панагюрской околии (69 рельефов из общего числа 80), и др. Последнее функционировало еще в III и IV вв., как указывают найденные в нем монеты Каракаллы (221—217), Филиппа (244—249), Констанция (377—395) и Феодосия (379—395), и было разрушено фанатиками-христианами в конце IV века³³.

³¹ $0,36 \times 0,23 \times 0,13 = 0,18$ м. Размеры рельефа из Скельки: $0,08 \times 0,7 \times 0,04$ м.

³² Изв. Бълг. арх. друж., VII, 1919—1920, стр. 81—85, рис. 92—94, 98; стр. 380—381, рис. 257—259.

³³ Л. Ботушарова, Трак. святилище при Дюлево, Годишник на Нар. Арх. музей Пловдив, кн. I, София, 1948.

Чаще всего на рельефах изображались целые фигуры. Поясное изображение божества, подобно рельефу Скельки, можно видеть на рельефах Херсонеса и на более крупных надгробиях с акротериями, относящихся к римской эпохе, например, на стелах музеев Варны³⁴ и Софии³⁵.

По мнению Ростовцева, ай-тодорские и ольвийские мраморные рельефы привезены из Фракии, где большие всего их находили и где

Рис. 6. Рельеф с изображением трех нимф. Известняк.
Найден в Ольвии.

позднее, уже в христианское время, выделялись мраморные образки, очень напоминающие фракийские рельефы. Поэтому нельзя не согласиться с выводом автора, который, на основании обзора значительного количества памятников, хранящихся в музеях стран Юго-Восточной Европы (в Софии, Варне, Белграде, Загребе и Бухаресте), считает, что центр производства рельефов находился в собственно Фракии и Нижней Мезии, но что заходят эти рельефы в Дакию и Паннонию.

Однако Дакия, страна богатейших природных ресурсов, в том числе и разнообразных сортов мрамора, известняка и других материалов, пригодных для изготовления скульптур, обладала большой и самобытной древней культурой и могла сама изготавливать рельефы для своих святилищ, тем более что на ее территории почитались те же божества, что и во Фракии. Поэтому нет необходимости найденные в Трансильвании — древней Дакии — рельефы считать ввезенными из-за Дуная, как это делает Ростовцев³⁶. На территории Дакии выделялись не только рельефы. По сообщению директора музея г. Дева в Румынской Народной Республике проф. Октавиана Флока, на Золотой горе близ

³⁴ Е. Калинка, ук. соч., стр. 267, рис. 108. Высота рельефа 0,48 м.

³⁵ Там же, стр. 273, рис. 111 (из Девны).

³⁶ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 20.

г. Дева (область Хунедоара) была открыта мастерская, где заготовлялись каменные надгробные статуи в виде шаблонных мужских и женских фигур без голов: головы же приставлялись после получения заказа, когда им придавались уже портретные черты. Богатое собрание этих статуй в настоящее время хранится в областном музее г. Дева.

Вне Фракии, в областях, населенных фракийцами, например, в лагерях солдат, набиравшихся из фракийского населения, также сооружались святилища фракийских богов. Примером является Ай-Тодор³⁷. Там же, за пределами крепости, на большой дороге, вне поселения, на-

Рис. 7. Рельеф с изображением трех нимф. Известняк. Найден в Ольвии. Хранится в ГИМе.

ходилось другое фракийское святилище в честь Артемиды. Положение его, по мнению Ростовцева, указывает на то, что «не только военным, но и тем, кто сообщался по ай-тодорской дороге, фракийские культуры далеко не были чужды... Значительное распространение фракийских культов и самих фракийцев на северном побережье Черного моря указывает на прочные культурные связи фракийства и местных элементов населения»³⁸.

Наличие святилища фракийских божеств в Ольвии в римское время, как мы видели, засвидетельствовано рядом находок рельефов, сходных с ай-тодорскими. Не исключена возможность существования его там и в более раннее время, а именно — в IV — III вв. до н. э., когда жизнь в Ольвии, равно как и на поселении Скельки, была наиболее интенсивной.

Однако отмеченная выше геометризация изображения человека на рельефе из Скельки обусловлена не только ремесленным характером исполнения, но и особым стилем, созданным в сарматскую эпоху. Он выражен, например, в бляшках из с. Сасыкольского и в таких современных им памятниках около начала нашей эры, как комплексы курганов Хохлача, Калиновки, Погромного и т. п.

Время изготовления рельефа из Скельки, очевидно, связанного с тем архитектурным сооружением, в развалинах которого он был найден, вероятнее всего относится к концу жизни последнего, то есть к

³⁷ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 34—36, 40.

³⁸ Там же, стр. 41.

первым векам нашей эры, что засвидетельствовано находкой ножки амфоры и обломка чаши, покрытой красно-бурым лаком.

Все рельефы, найденные в Ольвии или ее округе, изображающие трех нимф (только в одном случае имеется шесть человеческих фигур), также как и керченский рельеф с тремя нимфами из ГИМа, Скельки и херсонесский с поясными изображениями, изготовлены в одном стиле. Большая часть этих стел имеет небольшие или даже миниатюрные размеры. Кроме того, рельефы Скельки (рис. 1) и ГИМа (рис. 6) имеют сходную форму, на что было указано ранее.

В то же время ряд происходящих из Ольвии рельефов, в том числе хранящихся в Эрмитаже (рис. 4 и 5), в музее Ольвийского заповед-

Рис. 8. Рельеф с изображением шести человеческих фигур. Известняк. Найден в Ольвии.

ника и ГИМа (рис. 6—8), изготовлены из одинакового материала — местного грубого известняка.

Среди описанной группы памятников рельеф Скельки — единственный в своем роде; он отличается от остальных рельефов специфическими чертами: поясным изображением божества, что, по-видимому, обусловлено миниатюрными его размерами, четко выраженной формой стелы и, наконец, наличием тамгообразного знака.

Этот рельеф с изображением человеческой фигуры в маленьком храмике-наиске не является надгробием. Как показывает совпадение его формы с формой ольвийского рельефа с тремя нимфами в ГИМе (рис. 7), это — изображение божества, «образок»-посвящение с именем жертвователя или самого божества, отмеченного тамгообразным знаком в виде треугольника. Иначе говоря, обстоятельства находки рельефа и его размеры позволяют считать его посвящением божеству.

Так как большинство рельефов, происходящих из Ольвии или ее периферии, посвящено нимфам, то можно предполагать наличие там святилища этих богинь, в котором почитались также и другие божества (например, Митра, Всадник, Сильван, Деметра или Кибелла).

Какое божество изображает рельеф Скельки, — неизвестно, поскольку невозможно определить, является ли начертанный на нем знак

именем самого божества или жертвователя рельефа. Раскопки помогут выяснить причину нахождения рельефа именно в данном месте, скорее всего вблизи святилища или внутри его.

Поэтому, несмотря на близость вотивных рельефов Северного Причерноморья и Фракии, рельефы миниатюрных размеров, как нам кажется, можно рассматривать как специфическую особенность местных

Рис. 9. Рельеф с изображением трех нимф. Мрамор. Хранится в Николаевском краеведческом музее.

рельефов Северного Причерноморья, а форму стелы — как характерную форму рельефов в районе Ольвии в эллинистическое время.

Хотя среди массы вотивных фракийских рельефов, преимущественно изготовленных из мрамора, встречаются и рельефы из известняка, однако этот рельеф, как было указано, изготовлен на месте. Кроме приведенных выше соображений, об этом можно заключить еще по наличию на нем тамгообразного знака, а также на основании характера поселения Скельки, где обработка камня играла большую роль. Об этой особенности можно судить даже по тем скучным материалам, которые добыты на поселении путем предварительной разведки.

Все изложенное выше указывает на значение вотивных рельефов вообще, в частности рельефа из Скельки, для характеристики культуры Северного Причерноморья и его связей с Подунавьем в период времени от IV в. до н. э., т. е. после разгрома царства Атея. Победа над ним Филиппа несомненно оживила приток фракийских элементов в Северное Причерноморье.

НИКОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ НЕОЛИТА—МЕДИ В НАДПОРОЖЬЕ

(Предварительное сообщение)

Д. Я. ТЕЛЕГИН

В 1927—1931 гг. А. В. Добровольский и М. Я. Рудинский обнаружили в Надпорожье поселения неолитического времени с керамикой, украшенной гребенчатым, накольчатым и прочерченным орнаментом (Собачки, Средний Стог I, о-в Лоханский). Впоследствии поселения с гребенчато-накольчатой керамикой были открыты на Волыни в ур. Моства (И. Ф. Левицкий), в Киевском Приднепровье около с. Никольская Слободка и Вита Литовская (В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегин). Поселения этого типа исследованы нами также на Сейме (Козловка), С. Донце (Бондариха, Устье Оскола), на среднем Днепре в пределах Черкасской и Полтавской областей (Бузьки, Каменные Потоки) и т. п. В общем сейчас уже насчитывается около 150 местонахождений с керамикой названного выше типа. Из них 15 поселений исследовано путем стационарных раскопок.

В результате этих работ нам в 1957 г. удалось выделить особую группу украинского неолита с гребенчато-накольчатой керамикой, которая затем получила условное название днепро-донецкой культуры. Памятники этой культуры по составу инвентаря коренным образом отличаются от поселений известной в лесной полосе Восточной Европы культуры ямочно-гребенчатой керамики. На Украине они занимают значительную территорию, включающую все Среднее Поднепровье, Донец, Сейм, нижнюю Десну и долины рек Волыни. На северо-востоке Украины днепро-донецкая культура граничит с культурой ямочно-гребенчатой керамики, а на северо-западе эти памятники непосредственно переходят в поселения с гребенчатой керамикой Белоруссии.

Одновременно с открытием и изучением поселений днепро-донецкой культуры обнаружен также ряд могильников этого времени (Вовниги, Васильевка, Вильный и т. п.), раскопки которых обогатили антропологическую науку большими краниологическими сериями. Однако связь этих могильников с поселениями была не совсем ясной. До настоящего времени оставалось также совершенно неизвестным, с каким типом неолитической культуры Украины может быть увязан и известный Мариупольский могильник.

Лишь в 1959 г. благодаря исследованиям на Никольском могильнике нам удалось наконец решить вопрос о прямой связи могильников вовнигско-мариупольского типа с поселениями днепро-донецкой культуры. Значение исследованного памятника, к рассмотрению материалов которого мы сейчас переходим, не ограничивается этим. Богатый и разнообразный инвентарь его позволяет, кроме того, уточнить вопрос аб-

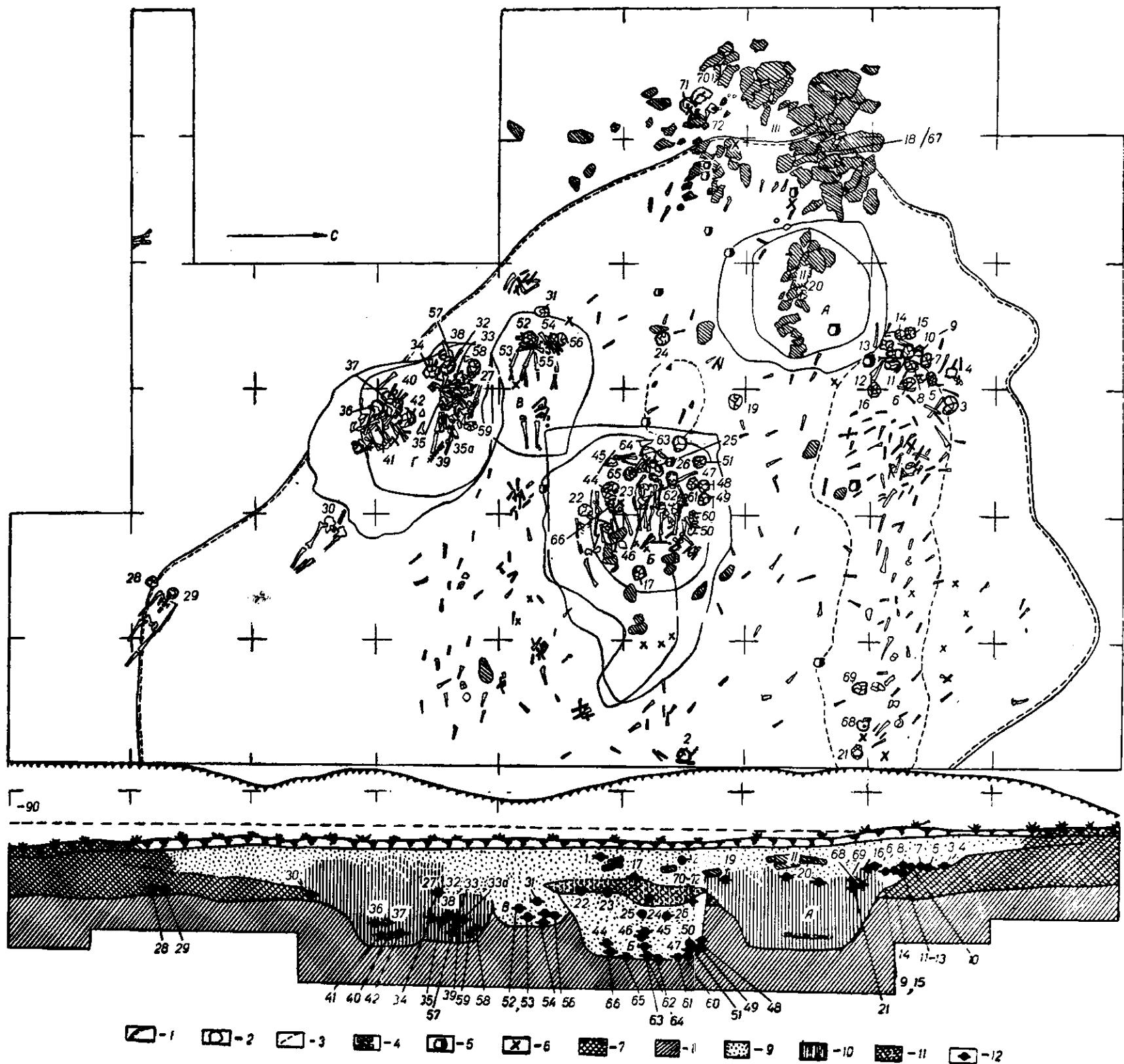

Рис. 1. План и схематический разрез Никольского магильника

1 — контуры пятна красного заполнения; 2 — контуры ям A, B, C, F; 3 — контуры западины в красном слое; 4 — закладки I, II, III; 5 — разбитые сосуды; 6 — основные пластики; 7 — чернозем с дерновым слоем; 8 — лессовидный суглиник; 9 — красное заполнение могильника и ям; 10 — ямы с чернокземной засыпкой; II — слой пожарища; ул.; 12 — погребения

событийной хронологии днепро-донецкой культуры, ее синхронизации с памятниками триполья и древнеямной культуры.

Никольский могильник находится на правом берегу Днепра, в 1 км ниже с. Никольского, Солонянского района, Днепропетровской области. Он расположен чуть ниже перекрытого в настоящее время водами озера Ленина Ненасытецкого порога и занимает склон коренного берега Днепра. Высота местонахождения над современным уровнем озера 12 м. Могильник без курганной насыпи. Его следы в виде скопления окрашенных костей человека были замечены в обрыве после интенсивного размыва берега высокими водами озера¹.

Здесь нами заложен раскоп площадью 180 м², в котором уже на глубине 0,3 м на фоне черноземной почвы вырисовывалось большое красное пятно могильника размером 13 × 7 м. Восточная часть его повреждена обрывом. Первоначально пятно имело, очевидно, подпрямоугольные очертания (рис. 1). В разрезе оно представляло собой линзу толщиной до 0,7 м. Заполнение пятна состояло из порошка красной охры, смешанной с черноземом. Степень окрашенности этого заполнения различная. Заполнение ярко-красное в центре и более темное к краям могильника, где цвет его незаметно сливается с окружающей почвой.

В красной засыпке обнаружено большое количество разрозненных костей человека, много фрагментов керамики, орудий труда, украшений и т. п.

Длинные кости и черепа залегали обычно отдельными скоплениями. Два таких скопления оказались в северной части могильника в основании красного заполнения, вдоль имеющейся здесь впадины. Одно из них включало 14, а второе — 6 черепов. Кости в большинстве своем поломаны, черепа обычно без нижних челюстей. В красной засыпке могильника обнаружено 3 скелета (№ 29, 30, 27), лежащих в анатомическом порядке.

Орудия труда, керамика и украшения встречались главным образом в центральной части красного заполнения на глубине 0,2—0,9 м. Кроме отдельных фрагментов керамики, здесь найдено 10 сосудов, разбитых в древности. В слое красного заполнения отмечены также зубы и кости домашнего быка.

На глубине 0,3 м обнаружено три каменные закладки — I, II и III. Две из них (I и II) располагались на площади красного пятна, как увидим ниже, непосредственно над могильными ямами, а третья лишь частично перекрывала западный край могильника. Последняя, как выяснилось, была сооружена над погребением эпохи ранней бронзы.

В основании красного заполнения могильника, а в некоторых случаях и выше были обнаружены контуры четырех ям — A, B, V и Г (рис. 1, 2).

Яма А имела округлые очертания, размер ее в верхней части около 2 × 2,5 м, глубина от современной поверхности 1,75 м. Яма была спущена с уровня средней части красного заполнения могильника, на котором залегала перекрывавшая ее закладка I. На дне ямы, засыпанной слегка подкрашенной почвой, найдены: тазовая кость человека, плоское дно крупного сосуда с гребенчатой орнаментацией, нижняя половина округлодонного сосуда, украшенного накольчатым орнаментом (рис. 2, 2), а также челюсть собаки, щиток черепахи, сломанное украшение из клыка кабана и створка моллюска *Unio*. Все эти находки лежали на угольках от небольшого кострища. Яма А имела, по-видимому, какое-то культовое назначение.

¹ Могильник обнаружен в 1959 г. А. В. Бодякским. Исследован нами совместно с В. Ф. Пешановым при участии антрополога Г. П. Зиневич.

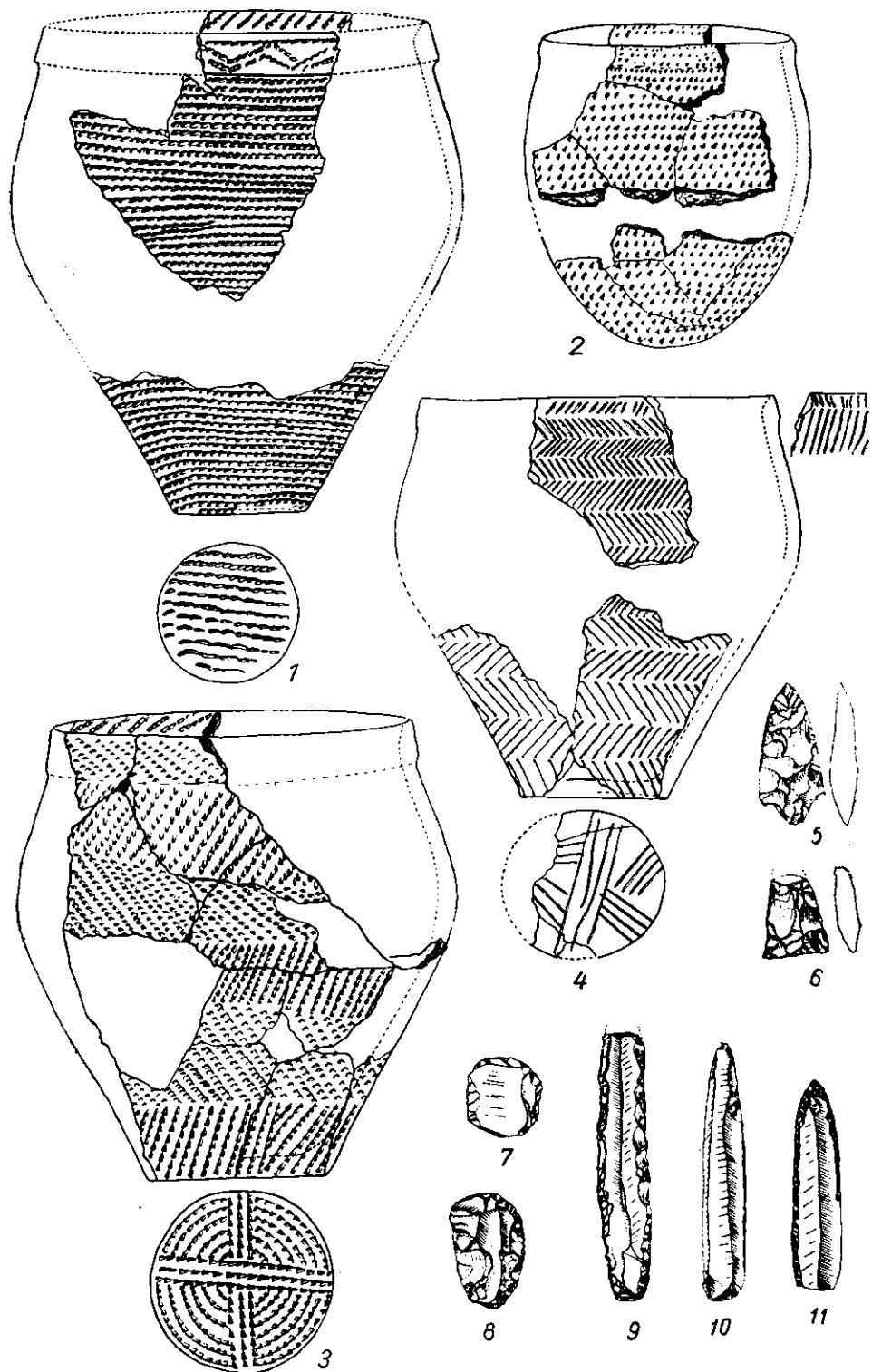

Рис. 2. Никольский могильник. Керамика и кремневые орудия;
 1—4 — около 4/7 н. в.; 5—11 — 1/3 н. в.

Яма *Б*, которая на могильнике является основной, обнаружена в центре красного пятна. Ее отчетливые контуры показались на глубине 0,6 м, под горелым слоем мощностью около 20—30 см. Горелый слой, состоящий из зольной почвы, угольков дерева и обгорелых костей, распространялся на площади 10—12 м². Непосредственно над горелым слоем лежали камни упоминавшейся выше закладки I. Яма *Б* размером 2 × 2,4 м имела подпрямоугольную форму. К ней со стороны реки вел узкий и пологий вход, отделенный от дна ямы ступенькой в 50 см. Яма и вход в нее были сплошь засыпаны красной охрой.

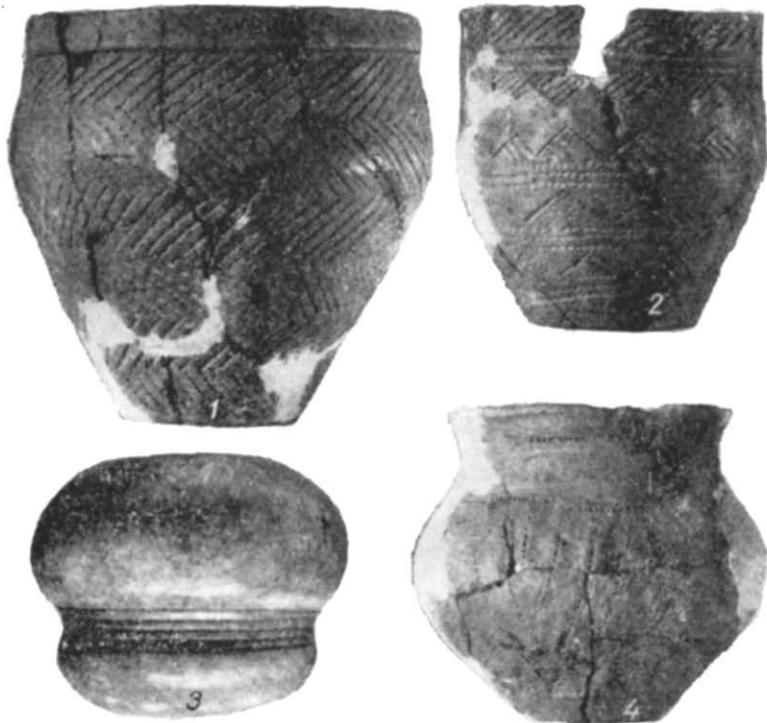

Рис. 3. Никольский могильник.

1, 2, 4 — керамика; 3 — булава (1—2 — около 1/3 н. в.; 3 — н. в.; 4 — около 1/2 н. в.).

Сразу под горелым слоем, прямо на поверхности красной засыпки ямы *Б* обнаружено два парных погребения (скелеты 22, 23, 25, 26), которые лежали вытянуто на спине, головой на запад. Скелеты сверху слегка обуглены. При погребенных найдены: медная подвеска (скелет 23), обломок кремневого наконечника копья (рис. 2, 6), ножевидные пластины с ретушью, пластинка мариупольского типа из клика кабана (рис. 4, 2), бусы из гешира и известкового вещества (скелет 25, 26). На этом же уровне на площади входа в яму вблизи ног скелетов 25 и 26 лежали булава в обломках (рис. 3, 3), медная (рис. 4, 6) и золотая подвески, а также бусы гешировые и сланцевые. Ниже в красной засыпке ямы *Б* обнаружено 15 черепов и разрозненные кости человека. Кости поломаны, черепа в большинстве разбиты, с отделенными нижними челюстями. В отдельных случаях под стенками ямы найдены кости сочленений в анатомическом порядке. На этом уровне в яме *Б* взято два сосуда в обломках с накольчатой орнаментацией (рис. 2, 3), несколько целых и сломанных кремневых ножей и наконечников копий, отдельные бусы, а также собрано около 100 зубов вырезуба.

Таким образом, удалось установить, что яма *Б* служила коллективной усыпальницей, она имела постоянный вход со стороны реки и,

вероятно, какое-то перекрытие из дерева, земли и частично камня, которое затем сгорело и рухнуло.

Яма *B* расположена непосредственно около ямы *B*. Она частично была перекрыта отмеченным выше пятном пожарища. Контуры ямы *B* впервые были зафиксированы в основании красного охристого заполнения могильника на глубине около 1 м, она подпрямоугольной формы (размер ямы $2,2 \times 1,6 \times 1,35$ м). В яме, сплошь засыпанной красной охрой, обнаружено шесть скелетов, из которых два (53 и 55) залегавшие на ее дне, сохранились в анатомическом порядке. При этих погре-

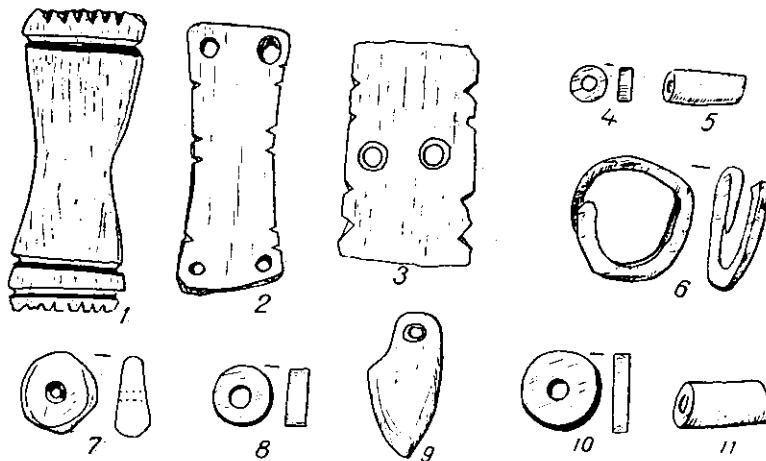

Рис. 4. Украшения из клыка кабана (1—3); бусы из ракушки (4, 5), сердечника (7), сланца (8) и гешира (10, 11); подвески из меди (6) и зуба оленя (9) (все в н. в.).

бениях обнаружена низка бус из ракушки *Unio*, а также четыре подвески из недоразвитых зубов олена (скелет 55) и много зубов вырезуба.

Яма *G* расположена рядом с ямой *B* и, очевидно, частично прорезана последней. Контуры ямы *G* зафиксированы под красным заполнением могильника на глубине около 0,9 м. Она имела округлые очертания. Ее размер $2,4 \times 2,5$ м. В ходе тщательной расчистки ямы выяснилось, что она явно состоит из двух разновременных частей — северной, основной, более древней и южной, более поздней. Это подтверждается неполным совпадением контуров северной и южной частей ямы и различной их глубиной (1,7 м; 1,8 м). При сооружении южной части ямы, кроме того, была разрушена правая половина скелетов, залегавших в северной половине ямы (скелеты 33, 57). Эти кости, как и иные остатки разрушенных погребений, были затем брошены навалом на дно вновь вырытой ямы. Таким образом, говоря о яме *G*, мы имеем в виду лишь погребения ее основной, северной части. Всего здесь обнаружено 10 скелетов, которые залегали в три яруса, причем нижние скелеты сохранились почти полностью в анатомическом порядке. Погребения вытянуты на спине, иногда слегка окрашены. Засыпка ямы состоит из серого грунта. Находок при этих скелетах не обнаружено совсем.

Исходя из наблюдений над стратиграфией погребальных ям могильника, можно прийти к заключению, что самой древней является северная, основная половина ямы *G*. Эта яма была сооружена еще до накопления линзы красного заполнения могильника. Затем была выкопана яма *B*, а еще позже сооружена яма *B*. Яма *A*, а также южная часть ямы *G*, как и три одиночных погребения в красном заполнении, относятся к заключительным этапам существования могильника.

Надо полагать, что начало накопления красного заполнения мо-

гильника относится ко времени сооружения ямы *B*. Затем оно интенсивно продолжало накапливаться на протяжении всего периода существования коллективной усыпальницы — ямы *B*.

Сопоставляя все факты, можно прийти к выводу, что окрашивание площади могильника в красный цвет происходило по двум причинам: во-первых, в результате развеивания ветром порошка охры, изготовление которого, как об этом свидетельствует находка ступки и песта, производилось прямо на месте могильника, и, во-вторых, что более существенно, по причине периодического освобождения ямы *B* от заполнявшего ее содержимого. Это заполнение, состоявшее из порошка охры, костей человека и различных находок, разбрасывалось вокруг или закапывалось вблизи ямы. Красное заполнение могильника нарастало постепенно, что подтверждается залеганием на одной и той же глубине разбитых в древности сосудов и отдельных фрагментов, разбросанных иногда на довольно значительной площади соседних квадратов.

Всего на Никольском могильнике обнаружено 71 погребение. Большинство скелетов (57) оказалось в поврежденном состоянии. Большая часть погребений (40) залегала в ямах. Среди погребенных преобладали взрослые субъекты (58), но имеются захоронения подростков (7) и детей (6). Обряд захоронения — вытянутое трупоположение на спине: ноги прямые, руки — вдоль туловища. Все погребения ориентированы головой на запад или северо-запад.

Никольский могильник представлял собой единый культурно-хронологический комплекс, относящийся к неолиту — началу эпохи металла.

Всего на площади могильника, в его красном заполнении и ямах (*A*, *B*, *B*) зарегистрировано более 3000 находок.

Кремневых изделий обнаружено около 60, в том числе крупные кремневые ножи (рис. 2, 9—11), скребки (рис. 2, 7, 8), наконечники копий (рис. 2, 5, 6), ножевидные пластины без следов обработки и отщепы.

Среди каменных орудий следует назвать прежде всего булаву из змеевика², округлой формы, с перехватом в нижней части. Ее поверхность хорошо отполирована, на месте перехвата нанесены пять тонких резных линий (рис. 3, 3). Кроме булавы, в красном заполнении найдены топор-тесло обычного надпорожского типа, обломок ступки из гранита и сланцевый пестик.

Украшения Никольского могильника многочисленны и разнообразны. Среди них имеются как обычные для могильников Надпорожья изделия (подвески из зубов оленя (рис. 4, 9) и зубы вырезуба), так и новые типы украшений, ранее здесь не встречавшиеся, в том числе пластинки из клыка кабана мариупольского типа (рис. 4, 1—3), плоские бусы из сердолика, гешира, талькового сланца и ракушки (рис. 4, 4, 5, 7, 8, 10, 11), а также изделия из металла. По условиям залегания медные украшения — подвеска (рис. 4, 6) и бусы — связывались с ямой *B* или верхними горизонтами толщи красного заполнения могильника. Кроме описанных украшений, следует еще упомянуть находку двух кристаллов горного хрусталя.

Керамика могильника представлена 60 сосудами. Это плоскодонные горшки разных размеров, высотой от 12 до 45 см с хорошо выделанным в виде своеобразного «воротничка» венчиком. Сосуды украшены преимущественно накольчатым орнаментом, который покрывает всю поверхность от венчика до дна (рис. 2, 1, 3; 3, 1, 2). Узор обычно распространялся также на нижнюю часть донышка и на внутреннюю поверхность венчика. Кроме накольчатого орнамента, встречается гребенчатый штамп и прочерченные линии (рис. 2, 4). Расположение орнамен-

² Определение геолога А. Л. Литвина.

та зональное, в виде горизонтальных линий или поясов. Значительно реже узор включает различные геометрические фигуры — заштрихованные прямоугольники и т. п.

Керамический комплекс могильника является типичным для местных поселений позднего этапа днепро-донецкой культуры (Собачки, Средний Стог 1).

Заканчивая рассмотрение керамики Никольского могильника, следует заметить, что здесь обнаружено три сосуда, которые типологически выделяются из всей серии горшков. Это канеллированный сосудик раннетрипольского времени (рис. 3, 4), округлодонный горшочек раннеямного типа (рис. 2, 2) и округлотелая амфора.

На основании изложенного выше можно прийти к следующим выводам.

Никольский могильник в своей более ранней части является прямым повторением известных в Надпорожье неолитических некрополей (Вовниги, Вильный, Васильевка 2), а на заключительном этапе — их прямым продолжением, составляя, таким образом, в культурном плане одно нераздельное целое. Заключительный этап Никольского могильника, судя по наличию здесь металлических изделий, относится уже к энеолитическому времени.

Присутствие в Никольском и Мариупольском могильниках тождественных типов инвентаря, а также общность основных черт погребального ритуала позволяют говорить о принадлежности этих памятников родственной группе поздненеолитического — энеолитического населения Левобережной Украины. Эти племена являлись носителями надпорожского варианта днепро-донецкой культуры, которому принадлежит также целый ряд исследованных ранее в этом районе поселений (Игрень 8, Собачки, о-в Лоханский, М. Дубовый, Средний Стог I и т. п.).

И, наконец, находка на Никольском могильнике раннетрипольского и раннеямного сосудов может свидетельствовать о синхронности позднейших этапов днепро-донецкой культуры Надпорожья с Трипольем А и древнейшими этапами ямной культуры, что позволяет нам говорить о доживании памятников днепро-донецкого типа с гребенчато-накольчатой керамикой в Поднепровье до середины III тысячелетия до н. э.

Материалы Никольского могильника, в частности находки изделий из гешира, кроме того, указывают на весьма тесную культурную связь южных племен днепро-донецкой культуры с территориями Кавказа.

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ НИКОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Предварительное сообщение)

Г. П. ЗИНЕВИЧ

Раскопки Никольского могильника, которые производились летом 1959 г. Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии (ИИФЭ) совместно с Институтом археологии АН УССР, дали новый краинологический материал эпохи позднего неолита и ранних этапов энеолитического времени¹.

Сохранность остеологического материала плохая. Большинство черепов было раздавлено землей, некоторые посмертно деформированы. Все пригодные к реставрации черепа взяты монолитом. Они реставрированы и частично реконструированы в лаборатории антропологии ИИФЭ.

В результате проведенных работ оказалось возможным включить в научную обработку 25 черепов: 15 мужских и 10 женских. Кроме того, три черепные крышки, которые не вошли в статистическую обработку, включены в индивидуальную описательную характеристику серии.

Половой деформизм в строении большей части черепов никольской серии выражен хорошо, основные направления различий, выявленные на мужских черепах, прослеживаются и на женских, но по некоторым признакам половые различия выходят за пределы различий, обычных для краинологических серий.

В результате плохой сохранности черепов количество измерений по разным признакам различно. Не определена длина основания черепа, высотный, высотно-поперечный указатели у большей части мужских черепов, больше половины черепов не имеет измерений нижней челюсти. Скуловой диаметр определен на пяти мужских и трех женских черепах, полная высота лица — на двух мужских черепах, верхняя высота лица — на шести женских и пяти мужских черепах. Дакриальная высота — на трех мужских и трех женских черепах. Носовой и орбитный указатели определены на пяти мужских и пяти женских черепах. Указатель выступания носовых костей — на трех женских и трех мужских черепах.

В целом рассмотренная серия черепов характеризуется долихократией (черепной указатель 73,3 для ♂ 70,8 для ♀)² и большинство черепов — эллипсоидной формой черепа в вертикальной норме. Основ-

¹ См. статью Д. Я. Телегина в настоящем сборнике.

² В скобках даны средние арифметические величины — первая цифра со знаком ♂ — средняя арифметическая величина для мужских черепов, вторая — со знаком ♀ — для женских.

ные размеры диаметров мозговой коробки очень большие. Продольный диаметр 197,7 мм (13) для ♂ и 191,5 мм (8) для ♀³. Поперечный диаметр 141,1 мм (15) для ♂ и 136,5 (10) для ♀, высотный диаметр базион-брегма 142,5 мм (2) ♂ и 136,0 мм (3) ♀, высотный диаметр порион-брегма 122,9 мм (10) ♂ и 116,9 мм (7) ♀. Крупные величины поперечной (329,6 мм (11) ♂ и 314,5 мм (6) ♀) и сагиттальной дуг (386,8 мм (9) ♂ и 363,0 мм (5) ♀) также указывают на большие величины мозговой коробки.

Для никольской серии характерно сильное развитие рельефа черепа, особенно в лобной и затылочной областях. На очень сильное развитие надпереносья относительно мозговой части лобной кости указывает высокий гладилярно-церебральный указатель (29,0 (12) ♂ и 23,0 (6) ♀) и очень высокий балл развития надпереносья (по Мертину 4,23 (13) ♂ и 3,00 (8) ♀). Надбровные дуги выражены сильно (2,58 (12) ♂ и 1,5 (10) ♀) и по своей протяженности доходят до середины глазниц.

Лоб широкий (наименьшая ширина лба 101,2 мм (12) ♂ и 94,1 мм (8) ♀). Для определения степени наклона лба измерен угол профиля лба: назион-метопион к горизонтали (79,4° (5) ♂ и 82,2° (5) ♀) и гладиля-метопион к горизонтали (71,8° (5) ♂ и 77,8° (5) ♀).

Величины относительной ширины лба (для мужских и женских черепов) и лобно-поперечного указателя (69,2 (11) ♂ и 68,7 (8) ♀) — средние.

Для никольской серии характерно довольно высокое, широкое мезогнатное лицо, четко профилированное, с умеренно представленным альвеолярным прогнатизмом, с очень низкими и широкими орбитами.

По абсолютным и относительным размерам лицо очень широкое (скелевой диаметр 147,0 мм (5) ♂ и 134,0 мм (3) ♀); верхний лицевой указатель 51,8 (5) ♂ и 52,8 (3) ♀, полный лицевой указатель для двух мужских черепов 88,3.

Мужские черепа имеют большую высоту лица (верхняя высота 76,0 мм (5) и полная высота лица 131,5 мм). Высота лица женских черепов средняя — 68,7 мм (6).

Форма орбит характеризуется орбитным указателем, который говорит о хамэконхии, то есть об очень низких орбитах при их большой ширине. Абсолютная высота орбит 31,0 мм (6) ♂ и 32,2 мм (7) ♀, ширина орбит: от дакриона 43,2 мм (5) ♂ и 41,0 мм (6) ♀, от максиллофронтала 44,4 мм (5) ♂ и 42,3 мм (6) ♀, орбитный указатель 73,2 (5) ♂ и 79,9 (6) ♀.

Женские черепа имеют ширину орбит заметно меньшую, чем мужские, это и обуславливает более высокий орбитный указатель женских черепов по сравнению с мужскими.

Черепа никольской серии имеют средне широкий и высокий нос (высота носа 55,2 мм (5) ♂ и 50,3 мм (6) ♀, ширина 27,2 мм (5) ♂ 24,8 мм (5) ♀). Носовой указатель говорит о мезоринии (49,3 (5) ♂ и 48,9 (5) ♀). Угол выступления носа большой, особенно на женских черепах (29,7° (3) ♂ и 33,3° (3) ♀).

Нижний край грушевидного отверстия у большинства черепов (примерно у 80%) имеет антропинную форму. Передненосоваяость развита средне (2,6 для мужских и женских черепов).

Переносье выступает сильно, об этом говорят значительные величины дакриального и симотического указателей (дакриальный указатель 57,9 (3) ♂, 55,3 (3) ♀; дакриальная высота 12,9 мм ♂ и 11,9 мм ♀, максиллофронтальная высота 8,2 мм ♂ и 7,4 мм ♀; симотический указатель 49,0 (3) ♂, симотическая высота 5,0 мм ♂ и 4,3 мм ♀).

³ В скобках дается число измеренных черепов, для которых вычислены средние арифметические величины.

Лицо черепов никольской серии в вертикальной норме умеренно выступающее (общий угол лица $82,0^\circ$ (5) ♂ и $83,4^\circ$ (5) ♀).

На средне уплощенное лицо мужских и женских черепов данной серии указывают небольшие величины назомалярного ($140,0^\circ$ (3) ♂, $140,7^\circ$ (3) ♀) и зигомаксиллярного углов ($120,8^\circ$ (3) ♂, $119,0^\circ$ (3) ♀).

Характеристика горизонтальной профилировки лица дополняется в известной степени определением глубины клыковых ямок, которая в данном случае небольшая (3,87 см).

Те промеры основных диаметров, которые взяты на небольшом количестве нижних челюстей данной серии (ввиду отсутствия челюстей вообще, а также их плохой сохранности), указывают на крупные размеры последних. Особенно велики широтные размеры. Так, очень большую величину имеет бигониальная ширина нижней челюсти — 118,7 мм (3), мышечковая ширина 123,5 мм (4), наименьшая ширина ветви 38,6 мм (5).

Продольные размеры нижней челюсти также велики: длина нижней челюсти от углов 93,3 мм (4), длина нижней челюсти от мыщелков 121,5 мм (4).

Для суждения о величине вариаций отдельного признака для никольской серии было вычислено среднее квадратичное уклонение. Величина последнего оказалась почти во всех случаях близкой к величинам средних квадратичных уклонений, которые наиболее часто встречаются в краниологических сериях. Совершенно очевидно, что черепа Никольского могильника принадлежат к одному типу. Степень различия находится в пределах вариации одного и того же типа. Однако более детальное исследование и применение внутригруппового анализа поможет в дальнейшем ответить на вопрос о наличии или отсутствии незначительной примеси каких-либо других антропологических типов в данной серии.

Используя анализ сопоставления основных признаков, комбинация которых характеризует принадлежность серии к одной из трех больших рас, мы приходим к заключению о принадлежности населения, оставившего Никольский могильник, к европеоидной большой расе. Именно комбинация ортогнатного, четко профицированного лица с выступающим носом характерна для современных представителей европеоидной большой расы; что касается очень широкого лица (скеловой диаметр 147 мм, бигониальная ширина нижней челюсти 118 мм), большого размера мозговой коробки с сильно развитым рельефом в сочетании с низкими орбитами и большой емкостью черепа (для никольской серии $1638,9 \text{ см}^3$ и $1420,2 \text{ см}^3$), то именно эти морфологические признаки, по мнению Г. Ф. Дебеца, характерны дляprotoевропейского, кроманьонского типа в широком понимании этого термина.

Сравнивая нашу серию черепов с позднепалеолитическими черепами из Костенок (Костенки II), с черепами кроманьонского типа из грота Мурзак-Коба в Крыму, а также с суммарной серией позднепалеолитических черепов из Западной Европы, следует подчеркнуть их несомненное сходство.

Проводимое сравнение основных размеров черепов никольской серии с черепами Сурского острова (тип A), Игренской стоянки, Виноградного острова обнаруживает их полную тождественность.

Небезинтересно провести сравнительный анализ серии черепов Никольского могильника с рядом серий, полученных при раскопках древних неолитических и мезолитических могильников на территории Днепровского Надпорожья.

Наиболее древней серией черепов этой территории являются черепа из Волошского эпипалеолитического могильника.

Г. Ф. Дебец отмечает исключительное своеобразие морфологического типа людей, оставившего Волошский могильник⁴.

В целом волошская серия черепов характеризуется резко выраженной долихокранией, узким хорошо профицированным и очень высоким лицом. Никольские черепа существенно отличаются от волошских (длинной мозговой коробкой, широким лицом, иными соотношениями пропорций лицевого отдела и мозговой коробки). Таким образом, несмотря на территориальную близость обоих могильников, они принадлежали, очевидно, людям, антропологические типы которых существенно отличались между собой.

Антропологический материал из другого мезолитического могильника — Васильевки I был исследован Т. С. Кондукторовой. Автор констатирует принадлежность черепов из Васильевки I двум типам: черепа первого типа имеют черты средиземноморского типа (они резко долихокраны, имеют высокое и неширокое лицо, высокие орбиты, среднеширокий нос); черепа второго типа обладают чертамиprotoевропейского типа⁵. Сопоставляя черепа никольской серии с черепами второго типа из могильника Васильевка I, следует иметь в виду несомненное сходство последних, хотя о полной тождественности этих серий говорить, конечно, не приходится. Наиболее заметны различия в поперечном диаметре, в ширине лба, в указателях.

Большая поздненеолитическая серия черепов из Вовниг, исследованная Т. С. Кондукторовой, обнаруживает поразительное сходство с черепами Никольского могильника⁶. Это сходство, доходящее до идентичности, прослеживается в продольных и широтных размерах мозговой коробки, почти по всем указателям, в выступании носовых костей, в массивности и развитии рельефа черепа. Очевидно, оба могильника, учитывая их одновременность и территориальную близость, принадлежали людям одного protoевропейского антропологического типа.

Сравнивая имеющийся крааниологический материал из Никольского могильника с серией черепов из неолитического могильника Васильевка 2 и с тремя черепами из известного Мариупольского могильника, следует отметить много общего в строении черепов этих трех серий⁷. Те же особенности строения, которые отмечены при описании долихокраниального типа из могильника Васильевка 2, характерны для никольской серии. Никольские черепа сходны с мариупольскими по ряду признаков (долихокрания, крупные размеры мозговой коробки, широкое лицо; идентичны носовые и орбитный указатели). Различия касаются лишь особенностей строения, характерных для protoевропейского типа, которые более четко прослеживаются на черепах никольской серии.

Исходя из принадлежности Мариупольского могильника к группе надпорожских неолитических некрополей, которая стала несомненной благодаря исследованию Никольского могильника, а также принимая во внимание безусловное сходство мариупольских черепов с никольскими (учитывая при этом малочисленность крааниологического материала из Мариуполя), с большой долей вероятности можно говорить о принадлежности людей надпорожских и Мариупольского могильников к одному близкому морфологическому типу.

⁴ Г. Ф. Дебец, Черепа из эпипалеолитического могильника у села Волошского. СЭ, 1955, № 3, стр. 62—73.

⁵ Т. С. Кондукторова, Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I, «Советская антропология», 1959, № 2.

⁶ Т. С. Кондукторова, Черепа из Вовнигских поздненеолитических могильников, КСИА, вып. 6, 1956.

⁷ И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы из могильника Васильевка 2, СЭ, 1958, № 1, стр. 24—38; его же, Антропологический материал из Мариупольского могильника. СЭ, 1959, № 2.

Подобный анализ отдельных серий, полученных с одной территории и сравниваемых в хронологической последовательности, свидетельствует, с одной стороны, о том, что население Украины в эпоху мезолита — неолита не было единым и, с другой стороны, об устойчивости древнего антропологического типа кроманьонца Поднепровья.

Таким образом, анализ исследований серии черепов из Никольского могильника еще раз подтверждает положение, высказанное советскими антропологами (М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, Т. С. Кондукторова) о существовании на территории Украины (Днепровское Надпорожье) населения, которое по своему физическому типу являлось прямым, мало измененным потомком палеолитических кроманьонцев.

ЛЫСОГОРСКИЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК

А. В. БОДЯНСКИЙ

В 1959 г. во время обследования берегов Каховского моря автомром был обнаружен и частично исследован интересный неолитический могильник. Он находился в 5 км на запад от г. Васильевки, Запорожской области, у подножия Лысой горы, на первой лессовой террасе левого берега Днепра.

Никаких внешних признаков могильник не имел. Обнаружить его удалось благодаря образовавшемуся у берега Каховского моря обрыву, в разрезе которого прослеживалась полоса окрашенной охрой почвы, содержащей фрагменты керамики и обломки человеческих костей. Здесь, вдоль берега, был заложен раскоп длиной 11 м, шириной 3 м.

В раскопе на глубине 0,70—0,90 м, на границе перехода к чернозему, обнаружены следы охристой окраски грунта. Чем глубже, тем окраска становилась интенсивнее и в нижней части приобрела почти красный цвет. Окрашенный участок занимал площадь около 21 м². На нем обнаружены многочисленные фрагменты неолитических сосудов, разрозненные кости разрушенных погребений, кальцинированные человеческие кости, куски костей домашних и диких животных, створки раковин *Unio*, отдельные кремневые находки (рис. 1).

Погребения могильника по обряду захоронения могут быть разделены на три группы: трупоположения без видимых следов ям, трупоположения в челнообразных ямах, трупосожжения с различной степенью воздействия огня.

Погребения первой группы наиболее древние. Залегали они в нижнем слое подпочвы, слабо окрашенном охрой, контуры ям проследить не удалось. Скелеты не окрашены. Одно погребение этой группы, сохранившееся целиком, вскрыто раскопом только частично. Другие пять-шесть погребений были полностью разрушены более поздними захоронениями. Отдельные кости, сохранившиеся *in situ* свидетельствуют о том, что скелеты лежали вытянуто, головами на юго-восток, перпендикулярно к течению реки. Погребения этого типа сопровождались отдельными находками из кремня (рис. 2, 1), а также подвесками из зубов оленя, бусами в форме плоских колец, изготовленными из сланца, гешира и ракушек *Cardium*, одна бусина трапециевидная, округлая, из светло-зеленого камня (рис. 3, 1, 2, 6). Найдены также зубы вырезува и обломки раковин *Unio*.

Погребения второй группы покоялись в челнообразных ямах глубиной 0,25—0,30 м. Обнаружены они в основании подпочвы, при переходе в лесс, на фоне которого ямы прослеживались благодаря своей интенсивно красной окраске. Контуры их нечеткие. Всего обнаружено пять ям: две — круглые, три — овальные. Все они расположены пер-

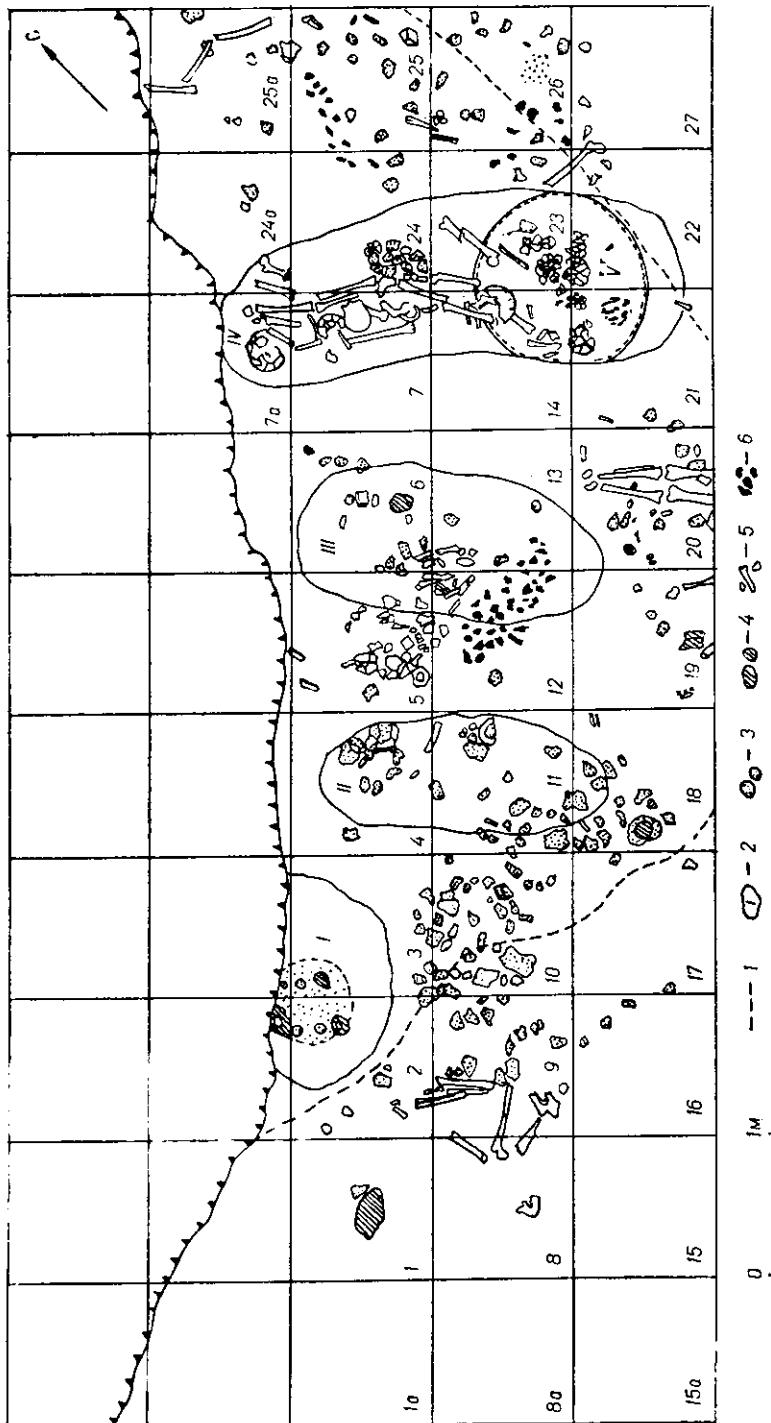

Рис. 1. Лысогорский могильник. План раскопа.
1 — пятно охры; 2 — контуры погребальных ям; 3 — фрагменты керамики; 4 — камни; 5 — кости человека; 6 — обугленные кости.

пендикулярно к реке. Над ямами нередко встречались скопления обломков неолитических сосудов, другие части их были найдены в заполнении ям (рис. 1).

Яма I, в юго-западной части раскопа, округлая. Часть ее разрушена обрывом. В центре — пятно ярко-красной охры диаметром 0,5 м. На дне ямы найдены коронки молочных зубов детей, несколько кольцевых бусин из раковин, обломки биконического сосуда, орнаментированного накольчатым орнаментом (рис. 4, 5), четыре пластины мариу-

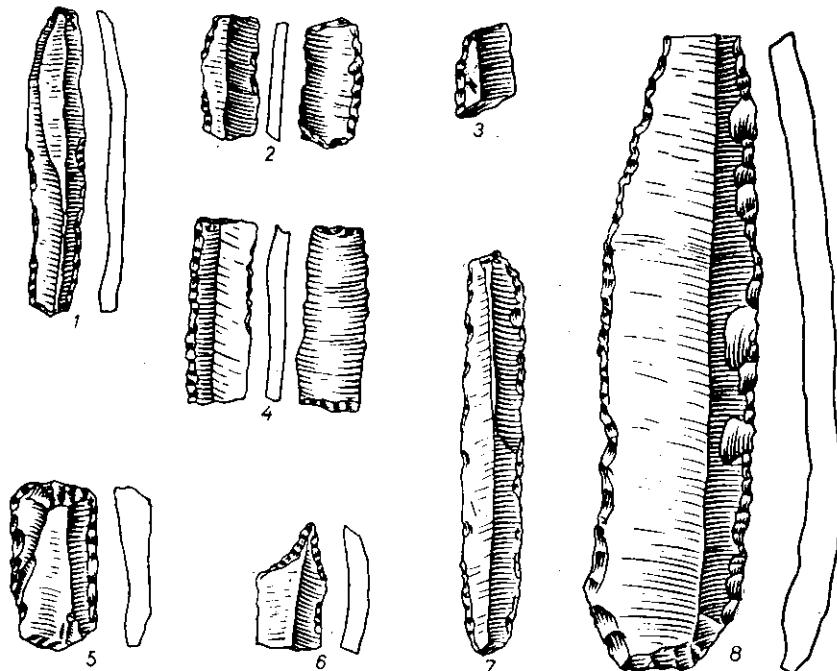

Рис. 2. Лысогорский могильник. Кремневые изделия.

польского типа, изготовленные из клыков кабана (рис. 3, 10), кремневая пластина, отщеп и вкладыш на пластине (рис. 2, 4).

Яма II размером $2,0 \times 0,85$ м, заполненная почвой красно-бордового цвета, обнаружена на глубине 1,70 м от современной поверхности. Сверху над ней лежало скопление неолитических сосудов, часть которых удалось реставрировать (рис. 4, 1), брускок окаменевшего дерева, кремневые пластины и вкладыш (рис. 2, 2). На дне ямы в интенсивно красной охристой засыпке обнаружены остатки трех детских черепов, от которых сохранились лишь коронки молочных зубов.

Яма III размером $2,20 \times 1,15$ м сужалась ко дну. Над ней находились две кучи сожженных человеческих костей (рис. 1). Под ними в яме, густо засыпанной охрой, находилось скопление фрагментов неолитических сосудов, часть которых удалось реставрировать (рис. 4, 2). В яме на глубине 2,08—2,16 м обнаружены остатки четырех погребений детей, от которых сохранились главным образом коронки молочных зубов. Здесь же найдены мелкие кремневые изделия: пластина со скошенным краем, обломки неретушированных пластин, а также сланцевые бусы (рис. 3, 11), бусы из ракушек, пластина из клыка кабана, имеющая линейные нарезы и выемки по бокам (рис. 3, 8), и обломки сосуда (рис. 4, 3).

Яма IV чуть заметна, на глубине 1,40—1,50 м от современной поверхности, челнообразной формы. Размеры: $2,15 \times 1,20$ м, глубина 0,35 м. В отличие от предыдущих, яма IV имела слабую коричнево-ро-

зоватую окраску. В ней на глубине 1,98—2,20 м обнаружены кости одного целого и пяти разрушенных взрослых погребений, лежащие в несколько горизонтов. Целый костяк лежал вытянуто на спине, правая рука его была перекрыта обломками трех сосудов, разбитых в древности. Один из них тонкостенный, биконический, с двумя ушками, орнаментированный по всей поверхности мелким накольчатым орнаментом (рис. 4, 10). Другой сосуд толстостенный, с линейным и накольчатым орнаментом, окрашен красной охрой (рис. 4, 9). В этой яме возле костей найдены отдельные бусы из ракушек, кремневая пластина (рис. 2,

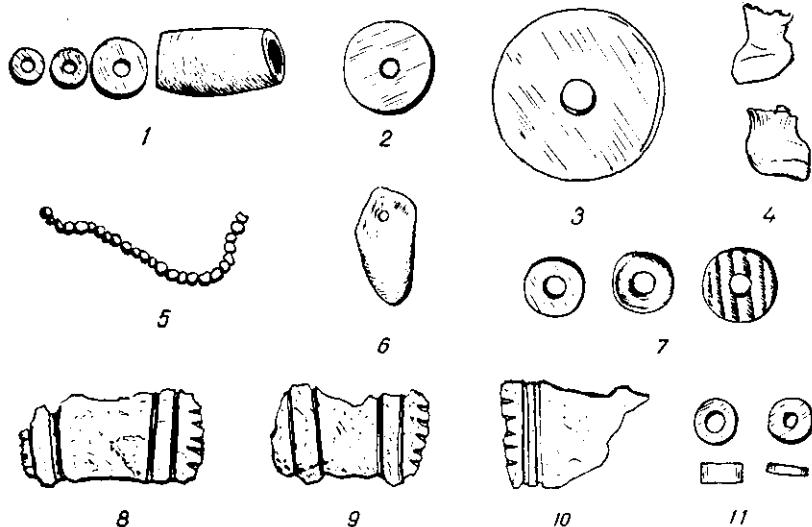

Рис. 3. Лысогорский могильник.

1—3, 5—7, 11 — бусы и подвески; 4 — зубы вырезуба; 8—10 — украшения из клыка кабана.

7), обугленный плоский костяной кружочек (рис. 3, 3). Яма IV, с сохранившимся костяком, перекрывала частично более древнюю — яму V.

Яма V прослежена с глубины 1,40 м от современной поверхности, форма округлая, диаметр 1,25 м, глубина 0,60 м, дно вогнутое, с подбоем по бокам и уступом в юго-восточной стороне. В заполнении ямы красновато-коричневая почва с включением угольков дуба и мелких обугленных и кальцинированных костей. В яме обнаружено два горизонта черепов: в верхнем ярусе 3, в нижнем 18 черепов. Часть черепов оказалась обожжена. В центре ямы и в северо-восточной ее части под нижним горизонтом черепов было обнаружено относительно небольшое скопление кальцинированных человеческих костей. Ориентация черепов неустойчивая. Все черепа оказались с двумя — пятью шейными позвонками, лежавшими в анатомическом порядке. В яме с черепами были найдены обломки трех сосудов, из которых один частично реставрирован (рис. 4, 4). Возле 16 черепов обоих горизонтов найдено около тысячи бусин, которые лежали *in situ* у позвонка. В зависимости от состояния черепа бусы бывают обожжены или не обожжены. Изготовлены они из створок раковин *Cardium* (рис. 3, 7). Сверление бус, как и подвесок, двустороннее. Часть бус изготовлена из гешира и сланца. Интересны миниатюрные бусы (1,5×1,5 мм) серо-голубого цвета (рис. 3, 5). Несколько миниатюрных бусин такого же размера, цилиндрической формы, изготовленные из сланца, имеют полированную поверхность. В яме V между черепами, кроме того, найдены: два обломка пластин клыка кабана (рис. 3, 9), несколько кремневых орудий со следами действия огня, два концевых скребка, сверло, обломки пластин (рис. 2, 6), а также много зубов вырезуба (рис. 3, 4). На дне ямы, в

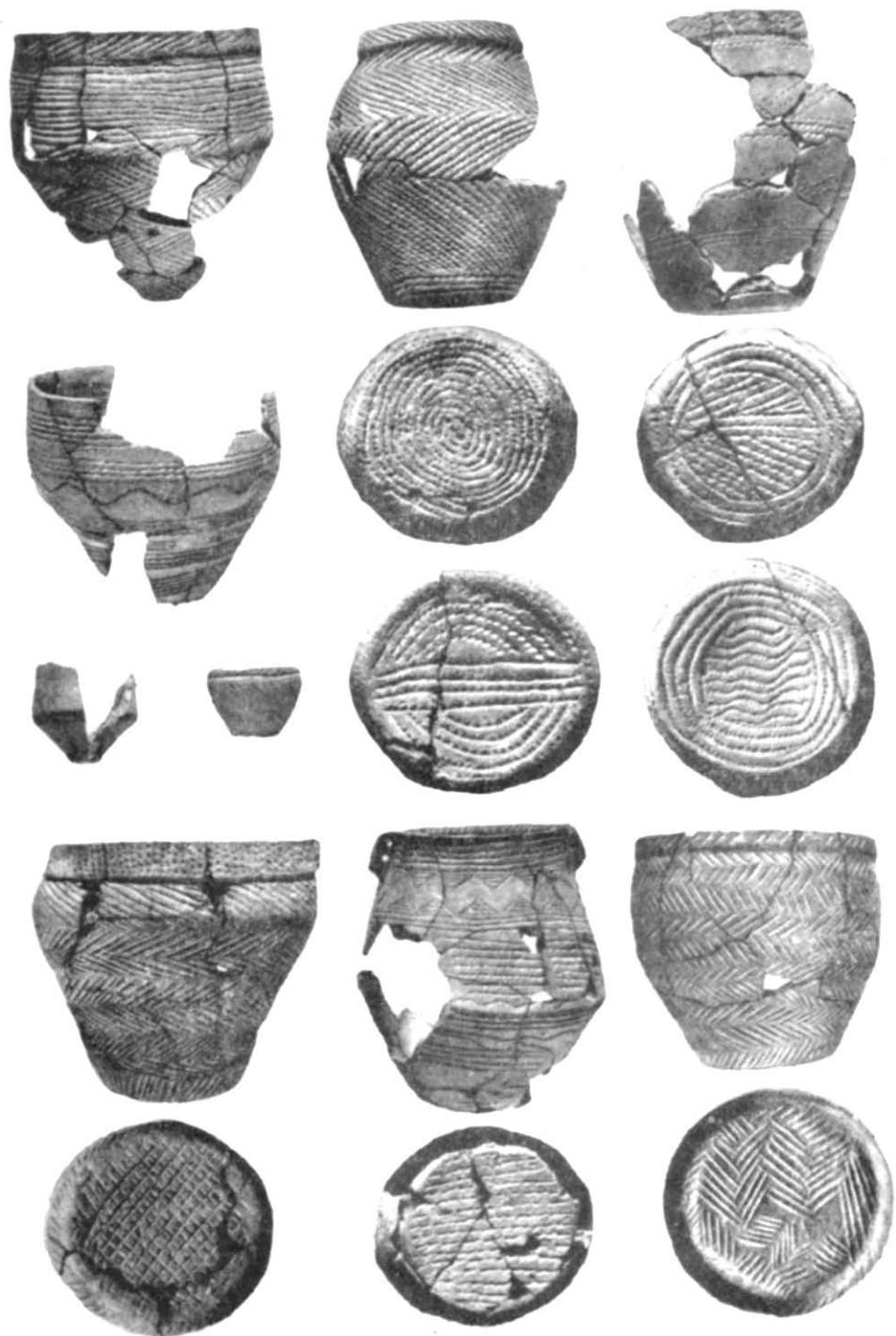

Рис. 4. Лысогорский могильник. Керамика.

северо-западной части подбоя, найдена на редкость большая, сильно окрашенная кремневая пластина (рис. 2, 8).

К третьей группе относятся обнаруженные на глубине 1,40 м над ямой III погребения с трупосожжениями (рис. 1). Они образовывали два скопления. Первое (размером $1,0 \times 0,60$ м) состояло из слабообожженных костей трех скелетов. Между ними и под ними найдены: подвеска из зубов оленя, несколько бус из сланца, гешира и ракушек, кремневая пластина и обломки посуды (рис. 4, 11). Второе скопление (размером $0,80 \times 0,95$ м) примыкало к первому. Возле него найдено две сланцевые бусины и обломки керамики, все без следов воздействия огня. Эти погребения являются наиболее поздними в данном могильнике.

Найденные на исследованной части могильника фрагменты керамики принадлежат 80 сосудам, разбитым при совершении захоронений. Около 20 сосудов удалось реставрировать. Это биконические и банкоидные плоскодонные сосуды высотой от 5 до 50 см (рис. 4). Изготовлены они тщательно, из глины с примесью толченого кварца и травы. Только один сосуд сделан из легкой пористой массы с примесью ракушек и мела. Поверхность сосудов ангобирована, выглажена, обжиг равномерный. Некоторые сосуды окрашены красной краской. Все они покрыты богатым накольчатым орнаментом, реже прочерченными линиями. Орнаментирована вся поверхность сосудов, включая внутренний срез венчика и донышко. На внутренней поверхности сосудов часто имеется нагар. Интересен обломок ручки неолитического сосуда в виде головки животного.

Керамика могильника принадлежит местной культуре, представленной памятниками типа Средний Стог 1¹.

Кремневые изделия, найденные при погребениях всех типов, также принадлежат местной неолитической культуре, широко известной в Надпорожье. Среди костяных изделий найдены: мундштуковидный предмет из обработанной трубчатой кости, обломок массивного острия дротика или вкладышевого гарпуна.

Бусы, изготовленные из гешира, указывают на связи местного населения с Кавказом. Среди обожженных костей найдены кости домашних животных: быка-тура, низкорослой коровы, козы. Эти находки так же, как и большое количество глиняной посуды, свидетельствуют о прочной оседлости неолитического населения, оставившего могильник.

Лысогорский неолитический могильник датируется тем же временем, что и исследованный в 1959 г. аналогичный ему Никольский могильник.

¹ А. В. Добровольский, Звіт про археологічні досліди на території Дніпропетровського року 1927, зб. Дніпропетровського історико-краєзнавчого музею, Дніпропетровськ, 1929.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МИХАЙЛОВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

О. Г. ШАПОШНИКОВА

Раскопки Михайловского поселения дали богатый археологический материал, позволивший по-новому осветить многие вопросы истории скотоводческих племен в эпоху меди, ранней бронзы. Результаты исследований Михайловского поселения были изложены в ряде докладов на археологических конференциях, а также в отдельных публикациях этого памятника¹.

В 1960 г., после небольшого перерыва, работы на Михайловском поселении были возобновлены. Они значительно пополнили имеющиеся сведения об этом памятнике, в том числе по вопросу его стратиграфии.

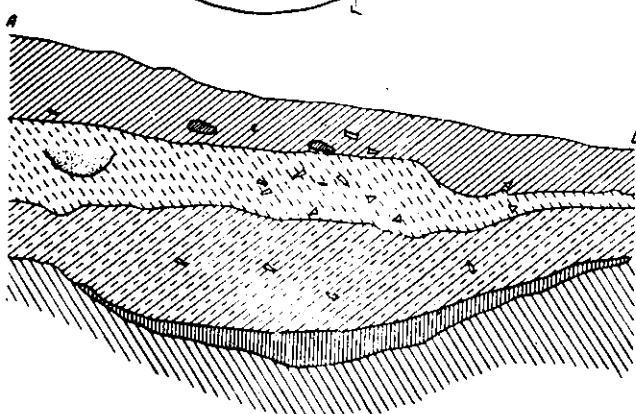
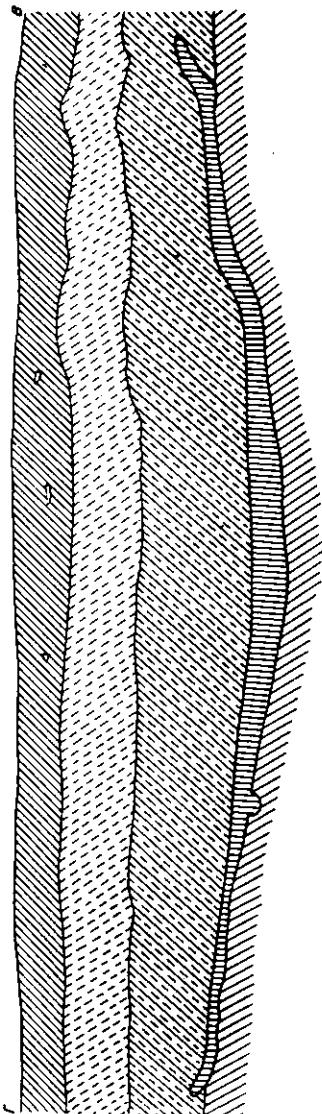
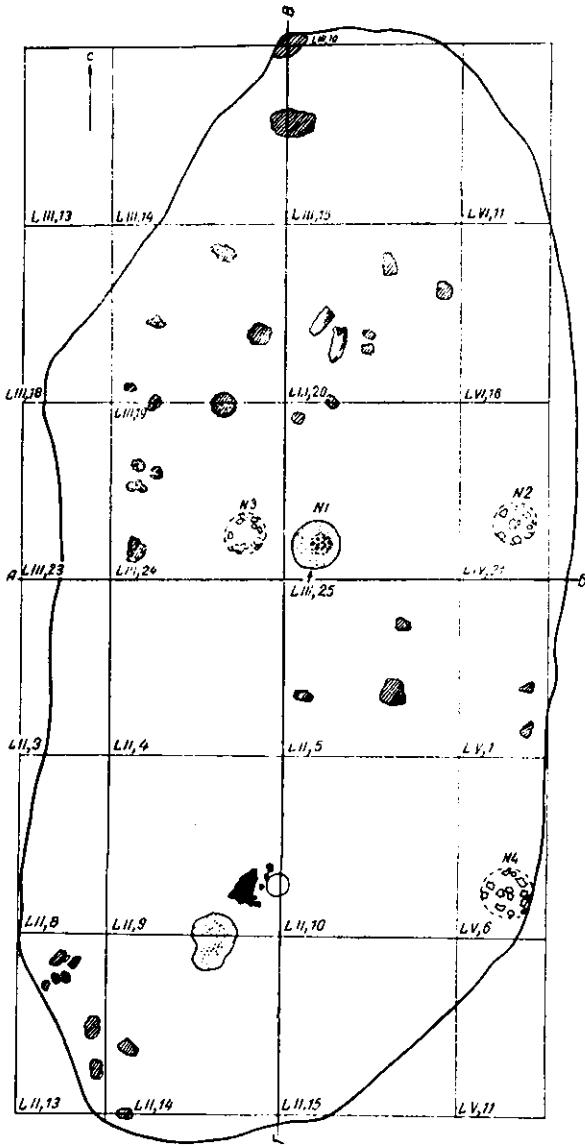
В северо-восточной части поселения, где в шурфе 1955 г. была обнаружена землянка, был заложен раскоп общей площадью 250 м². Здесь, подобно тому как это наблюдалось ранее в юго-восточной части поселения, оказалось четкое чередование трех культурных слоев.

В черноземном слое (мощностью 1—1,5 м) были обнаружены находки, характерные для верхнего культурного слоя. Черноземный слой подстипал гумусированный суглинок (мощностью 0,8—1,4 м), в котором локализовались находки, типичные для среднего культурного слоя, а в его основании были открыты культурные отложения нижнего слоя и жилища, относящиеся к ранней поре существования поселения.

Жилище № 1 (нижнего культурного слоя) находилось в северо-восточной части центрального холма, в 60 м к северу от жилища, открытого в 1952 г. Оно было впущено в материк на глубину 0,4 м (2,6 м от современной поверхности). Это было овальное в плане помещение, ориентированное по длине с севера на юг с небольшим отклонением с СВ на ЮЗ. Длина его 12 м, ширина 5,7 м, общая площадь 67 м². Пол корытообразной формы, северная сторона его была на 0,3 м выше южной и на 0,5 м выше центральной части. В южной части жилища оси обнаружена яма от столба диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м. Рядом лежал кусок обугленного дерева, возможно, от столба. В пределах жилища найдены отдельные камни, количество которых было несколько больше в западной и юго-западной части.

В жилище обнаружено два очага. Один из них находился в центре. Он имел вид небольшой округлой ямки (0,45—0,5 м в поперечнике и 0,15 м глубиной). На очаге найден развал сосуда. Второй очаг оказался в южной части жилища. Он имел овальную форму и несколько большие размеры (0,65 × 0,45).

¹ См. статьи Е. Ф. Лагодовской, О. Г. Шапошниковой, М. Л. Макаревича в КСИА, вып. 4 и 5, 1955; вып. 9, 1960.

К плану — I; II; III; IV;
V; VI;

К разрезам — 1; 2; 3; 4; 5;
6; 7; 8; 9;

0 1м

Рис. 1. План и разрезы жилища № 1.

I — контуры жилища; II — яма от столба; III — камни; IV — остатки дерева; V — очаг; VI — развалины сосудов.
1 — чернозем; 2 — гумусированный суглинок; 3 — светлый переотложенный суглинок; 4 — заполнение жилища № 1; 5 — материк; 6 — керамика; 7 — угольки; 8 — кости; 9 — камни.

Жилище имело вид полуземлянки с двускатной кровлей, опиравшейся на деревянные столбы. Вход в него находился, по-видимому, с юго-восточной стороны (рис. 1).

В заполнении землянки оказалось небольшое количество золы, угольки, несколько орудий труда. Основную массу находок составляли

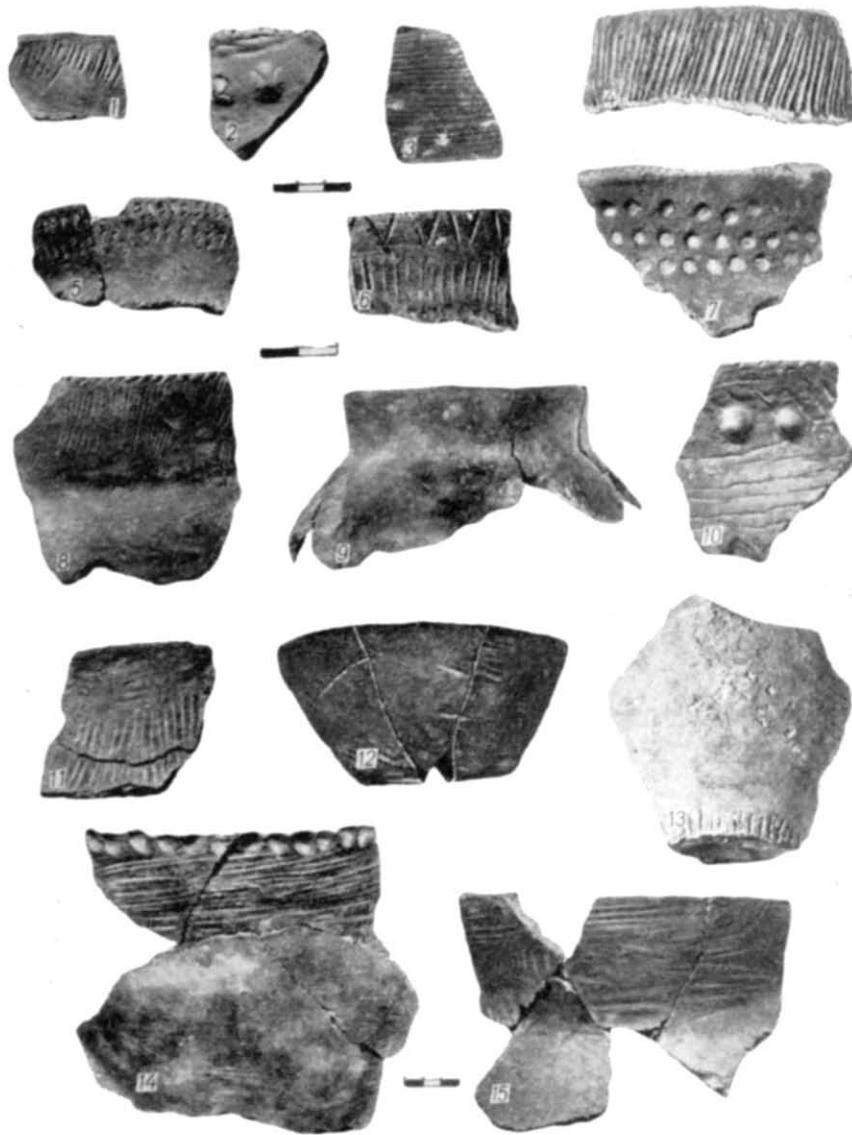

Рис. 2. Керамика из жилища № 1.

кости животных, среди них: кости быка, овцы-коzy, лошади. Найдены фрагменты керамики, а также развалы целых сосудов.

За пределами жилища, к востоку от него, был обнаружен очаг. Он представлял собой окружную глинобитную вымостку диаметром 0,65 м, толщиной 0,3 см. В этом слое были встречены кремневые орудия: скребки на отщепах, комбинированные орудия — скребки-ножи с двухсторонней обработкой и наконечники стрел подтреугольной формы. Из костяных орудий имеются шилья-проколки. Орудия из камня представлены обломком растриральника.

Основную массу находок составляет керамика. В пределах жилища, кроме отдельных фрагментов, найдены развалы четырех сосудов. Керамика этого слоя очень своеобразна и отличается от керамики вышележащих слоев. Сосуды изготовлены из глины, с примесью толченой ракушки, реже — песка и растительности. Внешняя поверхность буровато-черная, обжиг средний. Поверхность склажена при помощи зубчатого инструмента, а затем подощена.

Среди сосудов имеются горшки и глубокие миски. Основную группу составляют плоскодонные горшки, высотой 20—25 см, с прямым высоким венчиком и наибольшим диаметром в средней части. Некоторые из них имели шаровидное тулово (рис. 2, 9). Большинство сосудов орнаментировано отпечатками зубчатого штампа, шнура, пальцевыми защипами, ямочными вдавлениями и «жемчужинами», то есть выпуклыми округлыми бугорками, образованными оттиском конца круглой палочки с обратной стороны. Узор, как правило, покрывает только венчик сосуда, хотя в отдельных случаях встречается и в преддональной части. В этом случае он состоит из небольших вертикальных оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, 13). Среди керамики имеется группа обломков сосудов с желтоватой поверхностью и вертикальными расчесами. Встречаются горизонтальные расчесы по венчику, они, как и вертикальные, имеют глубокий рельеф и, несомненно, служили для украшения сосудов (рис. 2, 3). Иногда поверх расчесов накладывались оттиски гребенчатого штампа в виде горизонтального ряда или широкого зигзага (рис. 2, 6). Эти фрагменты напоминают трипольскую кухонную керамику (рис. 2, 4, 8, 11). Заслуживают внимания фрагменты сосудов, орнаментированные отпечатками шнура и «жемчужинами» (рис. 2, 2, 5, 10), имеющие сходство с плоскодонными сосудами среднего культурного слоя. Особо следует отметить находку узкогорлой шаровидной амфоры. Орнамент покрывает венчик и заходит на плечики. Узор состоит из горизонтальных рядов оттисков шнура (рис. 3). Этот сосуд не является исключением в керамическом комплексе.

При исследовании северо-восточной части поселения нами было прослежено два горизонта в среднем культурном слое, которые выделялись не только стратиграфически, но и по характеру материала.

В 1955 г. здесь (на глубине 1,10 м) было открыто наземное жилище верхнего горизонта среднего культурного слоя. Длина его 7 м, ширина 6—4 м. В западной части находился очаг. По линии основания стен была проложена кладка из камней, расположенных в два ряда. Пол земляной, со следами неоднократной подмазки глиной. В пределах жилища найдены фрагменты яйцевидных и плоскодонных сосудов, кости животных и т. д.

В 1960 г. здесь нами исследовано еще одно жилище, относящееся к нижнему горизонту среднего культурного слоя. Оно находилось на 0,7—0,8 м ниже жилища 1955 г., на 1,8 м от поверхности. Жилище со слегка углубленным в материк (на 0,15—0,2 м) полом имело овальную

Рис. 3. Глиняный сосуд.

форму. В западной части находился очаг. В северной части оказалось несколько камней и развал плоскодонного сосуда. Кроме того, в нем найдены отдельные фрагменты керамики, кости животных, несколько скребков округлой формы. У очага лежало медное шило.

Обнаруженная в этом жилище керамика представлена исключительно плоскодонными сосудами. Большинство фрагментов орнаментировано оттисками веревочки и «жемчужинами». Таким образом, если керамика в жилищах верхнего горизонта среднего культурного слоя представлена

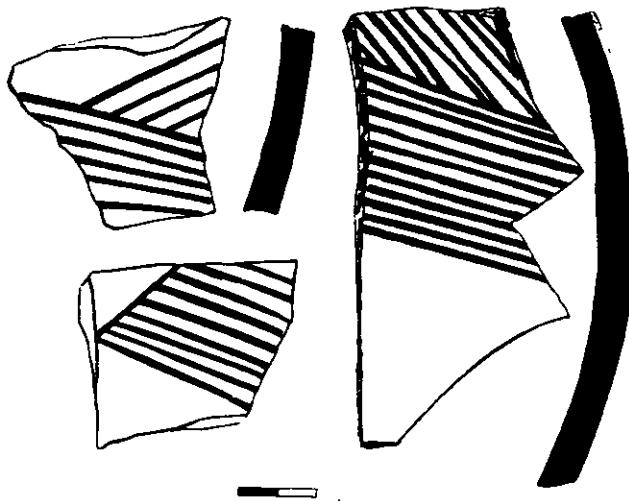

Рис. 4. Фрагменты позднетрипольских расписных амфор.

остродонными и плоскодонными сосудами, то керамика жилища нижнего горизонта этого слоя представлена исключительно фрагментами плоскодонных сосудов.

Особый интерес представляют находки здесь фрагментов позднетрипольских красноглиняных расписных амфор (рис. 4).

Исследования 1960 г. дали ряд новых фактов для характеристики Михайловского поселения. Прежде всего нам удалось подтвердить наблюдения, сделанные в предшествующие годы, о наличии двух горизонтов в среднем культурном слое. Найдки в нижнем горизонте среднего культурного слоя фрагментов позднетрипольских расписных амфор позволяют ставить вопрос о синхронности раннего этапа ямной культуры и позднего Триполья.

Керамический материал из жилища нижнего слоя заставляет пересмотреть высказанное в предыдущих публикациях мнение о полном отсутствии связи между нижним и средним культурными слоями Михайловского поселения.

Наконец, большой фаунистический материал, обнаруженный в землянке нижнего слоя, значительно расширяет возможности для характеристики хозяйственной деятельности населения, оставилшего нижний культурный слой, о которой у нас были очень фрагментарные сведения.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНЬ 1960 г.

В. В. ЛАПИН

Судьба археологического изучения древнегреческого поселения на острове Березань не вполне обычна. Блестящие открытия Г. Л. Скадовского на некрополе Березани, многолетние раскопки Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко не нашли достаточно обстоятельного отражения в археологической литературе, хотя и позволили накопить богатый материал, сосредоточенный в музеях и архивах. И сейчас, спустя три четверти столетия после начала раскопок Березани, история этого своеобразнейшего греческого поселения Северного Причерноморья окутана дымкой таинственности. Остается много неясных, запутанных и спорных вопросов, решение которых настоятельно необходимо для выяснения причин и характера греческой колонизации Северного Причерноморья.

Исходя из этих соображений, Институт археологии АН УССР возобновил в 1960 г. после многолетнего перерыва археологические раскопки на о-ве Березань¹. Задача раскопок заключалась в уточнении стратиграфии и топографии поселения. Поэтому работы не концентрировались на каком-нибудь одном участке, а, напротив, были рассредоточены в различных частях острова. Было заложено пять раскопов общей площадью около 200 м²: из них четыре раскопа на восточном берегу, один — на западной стороне острова, вблизи памятника лейтенанту П. П. Шмидту.

Раскоп I расположен на восточном берегу у края берегового обрыва, приблизительно на середине между крайними северной и южной точками острова, в районе, где в 1884 г. были заложены два восточных раскопа Р. А. Пренделя. Раскоп дал ряд строительных остатков, принадлежащих разновременным жилым постройкам. К числу наиболее ранних строительных остатков принадлежит стена I в ЮВ части раскопа с типичной для ранней классики техникой кладки из хорошо отесанных небольших плоских квадровых плит. Стена, ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением на СВ, была сложена на два лица, из которых восточное уже обрушилось в море. Фундамент стены лежит на материке.

Несколько более поздним временем датируются остатки дома, открытые в северной половине раскопа. Полностью выявлено в плане по-

¹ В работах принял участие Одесский археологический музей. В состав Березанского отряда Ольвийской археологической экспедиции ИА АН УССР (начальник экспедиции член-корреспондент АН УССР Л. М. Славин) входили автор настоящей статьи (начальник отряда), ст. научн. сотрудник Одесского археологического музея Е. Ф. Яровая, научн. сотрудник заповедника «Ольвия» ИА АН УССР Т. К. Тарасенко, студент КГУ Н. К. Дорошенко.

ка лишь одно помещение трапециевидной формы с тупым СЗ и острым СВ углами. Размеры помещения $2,30 \times 2,00$ м. Сохранившиеся фундаменты стен сложены из бутового, слегка отесанного камня с обильным применением глинистого раствора.

Южная половина раскопа, ограниченная с востока стеной I, а с севера стеной помещения, занята вымосткой, которая состоит из мелких плит известняка, изредка бутылжника, щебня и черепков, обильной подсыпки из ракушек моллюсков. Вымостка одновременна дому и является скорее всего его внутренним двором. Использование в вымостках ракушечных подсыпок типично для Березани; по крайней мере, вторая открытая нами вымостка (раскоп II) имеет такой же характер.

В СВ углу раскопа открыта яма бутылковидной формы (верхний диаметр 1,15 м, нижний 1,55 м), вырезанная в материковом лессе на глубину 1,80 м. Стенки ямы тщательно заглажены. Заполнение ямы состояло из камней, множества ракушек, обломков амфор, родосско-ионийской и чернолаковой керамики. В целом материал датируется второй половиной V в. до н. э. Это дает terminus post quem сооружения дома, которому принадлежат фундаменты помещения: они выстроены на той же плотной сероглинистой прослойке, которой была перекрыта и яма. Яма, по-видимому, предназначалась для хранения зерна.

Западная сторона острова, примыкающая с юга к некрополю поселения, сравнительно бедна строительными остатками. В заложенном здесь раскопе II выявлены яма, полуземлянка и вымостка. Наиболее ранней является яма в южной части раскопа, давшая материал второй половины VI в. до н. э. Она относится к типу «плоских» ям, т. е. имеет незначительную глубину в материке (0,95 м), вертикальные стени и большой диаметр (2,95 м). Назначение ямы пока остается неясным, поскольку размеры и форма ее не вполне обычны.

В северной части раскопа II открыта полуземлянка трапециевидной формы с прямыми ЮВ и ЮЗ углами, тупым СВ и закругленным СЗ углом. Полуземлянка впущена в материковый лесс на 0,90 м. Стени полуземлянки вертикальные, на них кое-где заметны следы извести, по-видимому, от побелки. Полуземлянка ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Длина западной стены 3,55 м, восточной — 2,70 м, южной и северной — около 2,40 м. Глинобитный пол прекрасной сохранности был покрыт камышовой циновкой, остатки которой местами прослеживались. В полу имеется несколько ямок: одна из них, находящаяся у западной стены, возможно, была сделана для столба. В СЗ углу помещения находился очаг небольших размеров ($0,75 \times 0,45$ м), углубленный в землю на 0,06 м ниже уровня пола. В южной части помещения вдоль стены выявлена площадка шириной 0,78—0,62 м, приподнятая над полом на 0,10 м. Основанием для нее служили, по-видимому, большие плоские камни, покрытые сверху глинобитным слоем.

Наземные стены полуземлянки были выложены из мелких и среднего размера плоских рваных камней, уложенных на земляном растворе. Сохранилась небольшая часть восточной стены длиной 0,95 м, шириной 0,60 м, имеющая три-четыре ряда кладки высотой 0,25 м. Материал из заполнения полуземлянки датируется второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э.

Полуземлянка была перекрыта вымосткой, занимающей всю северную половину раскопа. Часть вымостки шириной в 1,5 м у северного борта выложена из камня, остальная площадь заполнена слоем ракушек. Вымостка залегает в гумусном слое на глубине 0,15—0,30 м и относится, по-видимому, к позднейшему периоду существования поселения.

Кроме строительных остатков, раскоп дал памятник совершенно иного характера. На расстоянии 2,90 м от СЗ угла раскопа, у западного борта, было открыто детское трупосожжение. Горелое пятно состоя-

ло из сажи, золы, угля и пережженных косточек. Кострище расположено на глубине 1,10 м. Толщина его около 0,10 м, диаметр около 0,5 м. Сверху оно было перекрыто небольшими камнями-гладышами яйцевидной формы, часть которых находилась в основании кострища и была сильно закопчена. Еще выше площадка из камней была перекрыта слоем плотной желтой глины. Ниже горелого пятна находилась такая же глинистая прослойка, обожженная и похожая на печину. Кроме немногочисленных обломков стенок и одного венчика амфоры, кострище содержало следующие находки: обломки ионийских киликов, три обломка лепных сосудиков, глиняную пробочку, прядище, свинцовое грузильце, бронзовый двухлонгастный наконечник стрелы с тупым концом (по-видимому, монета-стрелка оригинальной формы), две пастовые бусины, большой кусок серы, камешек-дикарчик, напоминающий по форме человеческую статуэтку и др. Набор инвентаря говорит о том, что здесь был сожжен труп девочки.

Факт кремации сам по себе не представляет для Березани ничего неожиданного. Нет противоречия в том, что сожжен был ребенок, а не взрослый человек, поскольку обязательность ингумации в античном мире распространялась лишь на детей, умерших в очень раннем возрасте². Зато большой интерес представляет сочетание вещей в инвентаре этого, чисто античного по типу, погребения: импортная греческая керамика и наряду с ней обломки лепных сосудов, считающихся обычно принадлежностью местного населения, антропоморфный камешек и, в качестве «обода Харона», монета-стрелка, являющаяся, как это признано в литературе³, денежным знаком фракийского происхождения.

Наибольшее количество строительных остатков дал раскоп III (рис. 1), самый северный из раскопов 1960 г. на восточном берегу острова. Следы строительной деятельности, относящейся к раннему периоду существования поселения, прослеживаются здесь повсеместно. К ним принадлежат прежде всего две незначительные по глубине (0,30—0,40 м), но большие по размерам выемки в материке, из которых одна расположена в северной, другая — в южной части раскопа. Наличие в южной выемке прекрасно сохранившегося миниатюрного очага и участка глинобитного пола не оставляет сомнения в том, что это такое же, как на раскопе II, углубленное в землю жилище, но больших размеров и более благоустроенное. По-видимому, остатками гнезд для деревянных столбов в этих жилищах являются пять маленьких ямок около западного борта раскопа.

На раскопе открыты пять хозяйственных ям, использовавшихся, очевидно, для хранения зерна. Часть ям одновременна ранним жилищам, часть относится к несколько более позднему времени. Ямы вырезаны в известняке и покрывающем его лессе. Они дали превосходный керамический материал архаического времени.

Все каменные стены, открытые на раскопе III, относятся ко времени никак не ранее конца VI в. до н. э. Они принадлежат нескольким разновременным домам, существовавшим здесь на протяжении V в. до н. э. Некоторые из этих стен настолько фрагментарны, что преждевременно делать относительно них какие-либо выводы. В северной половине раскопа открыта часть большого помещения, южная стена которого, уходящая в нераскопанный западный борт, раскрыта на протяжении 4,75 м. Стена эта интересна тем, что при ее сооружении площадка не

² «Terra clauditur infans et minor igne rogi» (Juvenal, XV, 180); «Hominem prius quam genito dente cremari mos gentium non est» (Plin., HN, VII, 72).

³ Т. Герасимов, Съкровище от бронзовы стрели-монети, Изв. Бълг. арх. инст., т. XII, I, 1938, стр. 424—427; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э., М., 1952, стр. 40—41; В. Скудникова, Монеты-стрелки из Ольвии, Сообщения Государственного Эрмитажа, X, 1956, стр. 38—39.

была снивелирована, вследствие чего стена имеет заметное падение в западном направлении: подошва ее в западной части ниже, чем в восточной, приблизительно на 0,5 м. Подобный пример пренебрежения элементарными строительными требованиями не является единичным для Березани.

Из каменных сооружений наибольший интерес представляет помещение в ЮВ части раскопа. Помещение было несколько углублено в

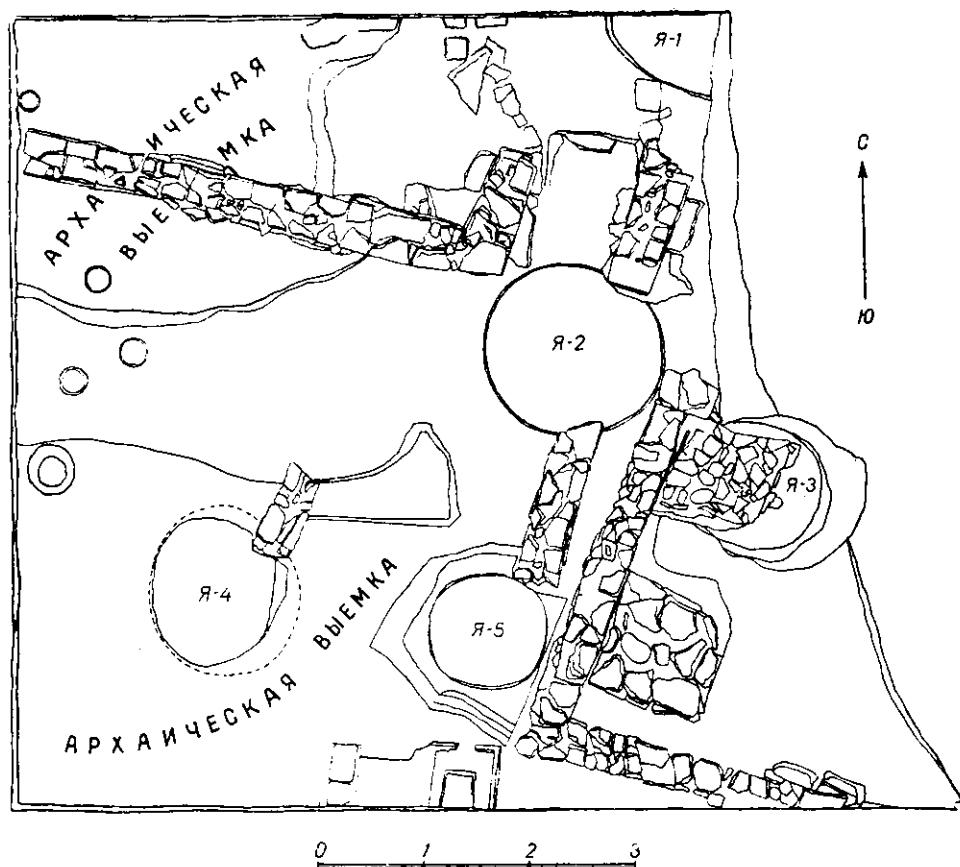

Рис. 1. План раскопа III.

землю; наружные стороны его стен — бутовые. Северная и восточная стены помещения почти полностью разрушены береговыми осыпями, но размеры их легко восстанавливаются. Они невелики: $3,65 \times 2,40$ м. Помещение ориентировано с СВ на ЮЗ. К западной стене примыкают две площадки. Первая, размером $1,10 \times 1,05$ м, занимает СЗ угол помещения. Она выложена в два ряда из крупных и мелких обломков плоской черепицы и небольших плоских камней овальной формы. Над площадкой и возле нее скопление мелких ракушек, перегоревшей земли, угольков, камешков и камки. Площадка отгорожена от остального пространства сырцовыми стенками толщиной до 0,07 м. Вторая площадка размером $1,25 \times 1,05$ м находится в ЮЗ части помещения на расстоянии 0,40 м от южной стены. Форма площадки прямоугольная, углы закруглены. Она выложена в два ряда из крупных плоских камней, по краям ограничена крупными плитами, поставленными на ребро. В пространстве между площадками шириной в 0,60 м на глинобитном полу найдена *in situ* раздавленная амфора.

Назначение площадок не вполне ясно. Расположение первой из них, наличие большого количества углей и золы говорят в пользу того, что мы имеем дело с очагом. Но вторая площадка, исключая характер материала, из которого она сложена, почти идентична первой. Возникает вопрос: для чего потребовалось сооружение в одном помещении двух очагов, занимающих почти половину его площади?

Кроме перечисленных памятников, в СВ части раскопа был открыт еще один очаг более раннего, чем эти стены, времени. В гумусном слое на глубине 0,20 м от поверхности выявлены две стенки чрезвычайно плохой сохранности, относящиеся, по-видимому, уже к эллинистическому времени. Керамический материал эллинистического времени, состоящий, главным образом, из амфорных обломков, в небольшом количестве обнаружен в верхних слоях раскопа. Необходимо, однако, отметить, что гумусный слой как здесь, так и в других частях острова дает также и материал римского времени. Правда, этот материал невозможно определенно увязать с какими-либо строительными остатками.

Наиболее важные по своему значению памятники дал раскоп IV, расположенный на берегу ЮВ раскопа III. Здесь открыты остатки металлообрабатывающего производства древнейшего периода существования поселения. К ним относятся прежде всего остатки неглубокого бассейна, дно которого было оциментировано плотным глинистым составом. В момент раскрытия оно было покрыто слоем железной ржавчины толщиной до 0,5 см. Часть бассейна разрушена береговой осью, часть — более поздними ямами. Судя по сохранившейся части, бассейн имел круглую форму и достигал в диаметре 4 м. Размеры сохранившейся площадки: 2,55 × 1,10 м. К югу от бассейна на расстоянии 1 м находилась яма диаметром 3,30—3,40 м, углубленная в материк на 1,10 м. Яма имеет вертикальные стенки. Она соединена с бассейном канальчиком шириной 0,20 м, имеющим уклон в сторону бассейна (северный конец его ниже южного на 0,08 м). Перегородка между бассейном и ямой, по-видимому, нарушена позднейшими работами. Судя по сохранившейся части, канальчик первоначально имел форму пологого цилиндра. По всей вероятности, бассейн и яма являются частью железноделательной мастерской (не исключена возможность того, что здесь производилась первичная обработка руды, очистка ее от различных примесей и пород). В засыпке, перекрывавшей эти сооружения, было обнаружено громадное количество железных шлаков, куски древесного угля превосходного качества, несомненно, специально приготовленного для производственных целей. Засыпка содержала также очень много железных предметов. Среди них предметы домашнего обихода (обломки ножей), орудия производства (рабочая часть мотыги или сошника), предметы вооружения (наконечники копий) и т. п. Медные вещи встречены в засыпи в несколько меньшем количестве. Великолепный керамический материал весь укладывается в рамки последней четверти VII — первой половины VI в. до н. э. Среди вещей особо отметим ионийский килик с уникальным graffiti батальной сцены на сюжет гомеровского (?) эпоса (рис. 2) и фрагментированное родосское блюдо (рис. 3). Изображение центрального воина на трехфигурном, по-видимому, graffiti полно выразительной экспрессии и динамики. В уверенных движениях резца чувствуется рука опытного мастера. Материал ямы в СВ углу, частично перерезавшей бассейн, датируется уже серединой и второй половиной VI в. до н. э. Таким образом, нет сомнения в том, что железноделательный комплекс относится ко времени возникновения Березанского поселения. Дальнейшие раскопки в этом районе позволят более детально изучить состояние металлообрабатывающего ремесла жителей этого поселения и назначение производственного сооружения на раскопе IV.

После разрушения и засыпки железоделательной мастерской площадка над нею была спланирована и укреплена путем чередующихся подсыпок золы, желтой глины и известняковой крошки. Прослойки содержат незначительное количество керамических обломков и прослежены по всей площади раскопа. Чередование слоев очень напоминает ольвийские слоевые субструкции.

Весьма неожиданные результаты дал раскоп V, расположенный на берегу между раскопами IV и I (рис. 4). Наиболее ранними строительными сооружениями на этом участке являются остатки дома V в. до

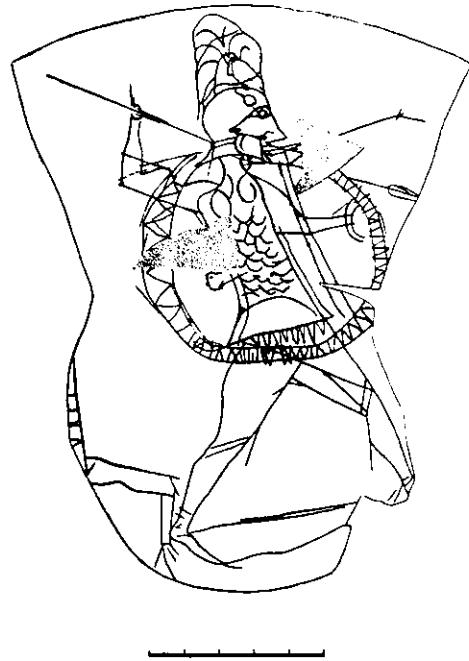

Рис. 2. Ионийский килик с graffiti.

Рис. 3. Фрагментированное родосское блюдо.

н. э. Превосходно сохранился каменный цоколь высотой 0,60—0,50 м. Над ним покоились сырцовые стены, частично зафиксированные *in situ*. Цоколь тщательно выложен из небольших плоских плит известняка на глинистом растворе. Ширина цоколя 0,35—0,40 м. Раскопками выявлен ЮВ угол дома с неполностью раскрытыми двумя помещениями. Восточная стена сохранилась на протяжении 6,75 м, южная частично уходит в западный нераскопанный борт. Судя по характеру кладки, дом был выстроен в два приема; южное помещение является пристройкой к северному: стены его несколько уже и больше углублены в землю. В северной половине раскопа к востоку от стены была открыта яма, углубленная в материк на 0,73 м. Большая часть ямы уничтожена береговой осыпью. Среди керамического материала в заполнении ямы обнаружены три гераклейские амфоры в обломках. Две из них снабжены энглифическими клеймами. В вышележащем слое северной половины раскопа на глубине 0,95 м от современной поверхности были открыты очень фрагментарные остатки стен помещения, ориентированного с СЗ на ЮВ. От северной стены сохранился участок длиною 1,75 м, от западной — 2,10 м. От южной стены уцелел совершенно незначительный фрагмент в месте соединения ее с западной стеной. Длина помещения с севера на юг 2,55 м. Ширина стен 0,45—0,55 м, характер кладки поздний. В слое, соответствующем их залеганию, наряду с керамикой классического времени встречались обломки фасосских и гераклейских амфор (один с энглифическим клеймом) позднеклассического и эллинистического типа, чернолаковый обломок с весьма небрежно штампованный пальметтой и т. д. На уровне залегания стен пятно

ямы не прослеживалось. Все это дает нам основания считать, что эти строительные остатки принадлежали зданию позднеклассического времени. *Terminus post quem* для этого здания дает поздний материал соответствующего слоя и заполнения ямы. О значении этого факта для изучения Березанского поселения не приходится говорить. Как известно, Э. Р. Штерн не допускал и мысли о существовании поселения на Березани в позднеклассическое и тем более в эллинистическое время⁴, хотя, судя по материалу, некоторые из открытых им строительных остатков относятся именно к этому времени. М. Ф. Болтенко обращал внимание преимущественно на поиски римского и славянского слоев. И тот и другой недооценивали большое количество позднеклассического и эллинистического материала, в частности гераклейской клейменной тары.

Таковы основные итоги раскопок поселения на о-ве Березань в 1960 г. Они позволяют нам сделать некоторые выводы и наметить пути решения некоторых вопросов.

1. Данные предыдущих исследований и раскопки настоящего года показывают, что количество археологических памятников увеличивается в направлении к СВ оконечности острова. Не случайно, именно здесь сосредоточено наибольшее количество раскопов: раскопы А и В Э. Р. Штерна, раскопы 1927—1931 и 1946 гг. М. Ф. Болтенко и др. Это же следует сказать относительно хронологического диапазона культурного слоя: СВ часть острова дает большое количество памятников раннего времени, тогда как более удаленные раскопы насыщены строительными остатками классического времени, но бедны архаическими сооружениями. Мощность культурного слоя также постепенно уменьшается и сходит на нет в южном направлении. Отсюда следует, что границы поселения в различные периоды не оставались неизменными.

Общепринятое мнение о затухании жизни на Березани в V в. до н. э. (обычный довод о переходе функций эмпория к Ольвии) не вяжется с археологическим материалом; именно на V в. падает наибольшее количество строительных остатков и наибольшее расширение границ поселения. Это в свою очередь ставит под сомнение вывод о решающем значении торговли, как экономической основы поселения на Березани.

Тяготение поселения к СВ части острова объясняется отнюдь не наличием здесь удобной «гавани». Гавань эта даже в настоящее время не представляет никаких удобств и позволяет приставать к берегу лишь рыбакским лодкам с незначительной осадкой. В объяснении этого тяготения, на наш взгляд, гораздо большее значение имеют особенности рельефа местности. Начиная от южной оконечности острова, имеющей

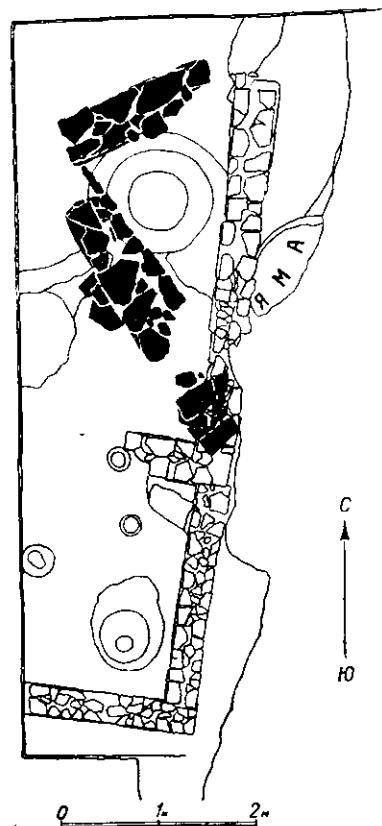

Рис. 4. План раскопа V. Заливкой даны стены позднеклассического времени.

⁴ Ср. С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации нижнего Побужья, МИА, № 50, стр. 216.

наибольшую высоту, происходит постепенное падение материка в северном направлении. СВ угол является наиболее низкой частью острова. При наличии в данном районе водоносного слоя здесь создавались наилучшие условия для получения питьевой воды, что, конечно, играло немалую роль в выборе места для жилья. Правда, питьевую воду, по-видимому, можно было получить и в южной части острова, но для этого требовались значительно большие усилия и средства. Это предположение подтверждается и тем, что все колодцы Березани, открытые за годы раскопок, сосредоточены в низкой северной части острова.

2. В вопросе уточнения стратиграфии культурных слоев раскопки 1960 г. дали главным образом негативные результаты. Совершенно очевидно, что предложенное Э. Штерном деление культурных слоев, а вместе с ними и строительных остатков поселения, на два периода — вторая половина VII — первая половина VI в. и вторая половина VI — первая половина V в. до н. э. не подтверждается данными исследований 1960 г. и предыдущих лет. Уже сам принцип этой периодизации, основанный на преобладании тех или иных видов керамики («родосско-милетской» для первого, аттической для второго периодов), является искусственным, поскольку он отражает экономическую роль различных греческих центров в экспорте керамики (и то не абсолютно, ибо основная массовая группа керамики — амфорная тара — ввиду ее неизученности не принимается во внимание), а отнюдь не внутреннюю жизнь Березанского поселения.

Хронологическая классификация строительных остатков, данная Штерном: стены первого периода лежат на материке, стены второго периода — на культурном слое, также не может быть принята, ибо сравнительно поздние стены подвальных и полуподвальных помещений, а таковые на Березани не являются редкостью, попадают в разряд ранних. Совершенно очевидно, что хронологические рамки существования Березанского поселения необходимо расширить, распространив их на позднеклассическое и, по-видимому, на часть эллинистического времени. Возникает вопрос: почему до настоящего времени на Березани не выявлен ярко выраженный эллинистический слой? Ответ приходится искать в условиях образования культурного слоя. На наших античных поселениях хорошо стратифицированные слои образуются, как правило, в результате засыпки старых разрушенных строительных остатков с целью возведения над ними новых строительных сооружений, другими словами, эта летопись не фиксирует жизнь в процессе ее развития, а отражает лишь момент смерти старого в связи с рождением нового. Если рождения нового нет, стихийный процесс разрушения покинутого поселения не дает четко оформленного культурного слоя.

3. Экономическая жизнь Березанского поселения требует серьезного и внимательного изучения. Еще в дореволюционной литературе стихийно возникло, а затем было некритически воспринято и нашими советскими исследователями не основанное ни на каких фактических материалах представление о Березани как о торговой фактории, завязавшей связи с местными племенами и подготовившей тем самым последующее возникновение в Северном Причерноморье греческих торговых городов-колоний. Это представление неверно уже само по себе, так как содержит в своей основе взгляд на греческую колонизацию как на процесс торговой экспансии греков в район Средиземного и Черного морей, процесс, имеющий своей целью завоевание рынков⁵, то есть взгляд сугубо модернизаторский. Оно не находит подтверждения и в археологическом материале. В ближайшем окружении мы не знаем никаких синхронных ранней Березани поселений местных племен, на ко-

⁵ Исходная посылка Э. Р. Штерна, например, ясна: «... daß Griechenland, dem heutigen Großbritannien vorgleichbar, vor allem ein Kolonialreich war und daß Macht

торых прослеживались бы эти торговые связи. Сама Березань никак не создает впечатления торгового пункта. Строительные остатки раннего поселения характеризуются предельной простотой и скромностью. Это чаще всего небольшие жилища земляночного или полуземляночного типа, крытые соломенной или глинистой кровлей (любопытно, что на более чем 80 тыс. амфорных обломков, найденных в 1960 г., приходится всего лишь 102 черепичных обломка, но и те, несомненно, происходят из классического, а не архаического слоя). Это, разумеется, не жилища богатых торговцев-посредников. Кроме того, посредническая торговля настоятельно требует сооружения большого количества различных хранилищ, складских помещений и т. д.

Логически правильным следовало бы считать вывод, что с появлением крупного торгового центра (Ольвия) дублирующий его функции мелкий торговый пункт (Березань) прекращает свое существование. На самом деле этого не произошло. Ольвия и Березань не только существуют на протяжении нескольких сотен лет, но и находятся в каких-то экономических связях, что подтверждается находками на Березане ольвийских литьих монет — «ассов» и повсеместно в соответствующем слое — ольвийских медных рыбок — «дельфинчиков». Отсюда следует, что экономическая жизнь Березанского поселения не зависела от торговой конкуренции соседнего греческого города.

Березанское поселение — это поселение аграрно-ремесленного профиля. К такому выводу приводит более или менее детальное ознакомление с археологическим материалом. Культурный слой ранней Березаны характеризуется большим количеством золы, углей, керамических, железных и медных шлаков. Это слой поселения труженика. Могут возразить, что перечисленные признаки не являются принадлежностью только Березаны, что они характерны для раннего слоя других греческих центров Причерноморья. И это правильно. Но отсюда следует лишь то, что колонизация Березаны не шла какими-то особыми «торговыми» путями, а являлась частью единого процесса выселения беднейшей части населения за пределы Греции. Прекрасной иллюстрацией этому является нынешнее открытие остатков железоделательного производства. Это тем более важно, ибо железо — основной материал для производства орудий труда.

О наличии на ранней Березане гончарного производства свидетельствуют находки керамических шлаков, обломков сероглиняной керамики с признаками брака (деформация, вздутия на стенках) и полуфабрикатов (при раскопках 1960 г., например, был найден светлоглиняный алабастрик, подобный глиняным ионийским алабастрам, совсем не обожженный и, к сожалению, разрушившийся). Несомненно, самими греками на месте изготавливались значительная часть лепной керамики, воспроизводящей формы греческой кружальной посуды (светильники, миски, так называемые «культовые ритоны» и т. д.). Домашнее ткацкое ремесло обильно представлено глиняными пряслицами и керамическими намотками.

Роль рыболовства в жизни Березанского поселения, по-видимому, преувеличена⁶, однако отрицать этот вид промысла не приходится, ибо он подтверждается находками рыболовных крючков, глиняных грузил и костей рыбы. Очевидно, поселение не существовало и без своих каменотесов, плотников, шорников, кожевников, косторезов и т. д.

und Blüte von Mitterland und Kolonie sich gegenseitig bedingten» (E. Stern, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischen Forschungen, *Klio*, IX, 1909, стр. 1).

⁶ Ср. определение Березаны как «торгово-рыболовецкого поселения», данное М. Ф. Болтенко и Д. И. Нудельман.

Сельскохозяйственная жизнь Березанского поселения представлена большим количеством ям-зернохранилищ. В число этих ям следует включить и те из них, которые определены Э. Штерном как «мусорные», хотя из описаний следует, что они обмазаны глиной⁷.

Не редкостью являются на Березани находки зернотерок: только в 1960 г. было обнаружено четыре больших фрагмента. Найдки сельскохозяйственных орудий в Северном Причерноморье вообще единичны, но и в этом отношении Березань не безнадежна, поскольку наши кратковременные работы в 1960 г. уже дали одну такую находку (рабочая часть мотыги или сошника на раскопе IV). Нет сомнения, что находка эта не останется единственной.

Основным препятствием для признания аграрного профиля поселения является современное островное положение Березани, предполагающееся неизменным на протяжении тысячелетий. Не касаясь в данной краткой работе геологической стороны вопроса, кстати не подтверждющей позицию сторонников островного положения Березани в период колонизации, заметим, что основанным на недоразумении следует считать мнение, что постоянная жизнь поселения (под нею мы подразумеваем, конечно, не кратковременные наезды) возможна на клочке земли, оторванном от суши, лишенному питьевой воды, топливной, сырьевой и продовольственной базы. Это прекрасно понимал еще С. Д. Пападимитриу⁸.

Такозы некоторые выводы, вытекающие из археологических раскопок Березани 1960 г. и из материалов ее предшествующих многолетних исследований. Нет сомнения, что последующие работы дадут новые ценные материалы и еще более приблизят нас к решению одного из важнейших вопросов, стоявших перед историками античности,— вопроса причины и характера греческой колонизации.

⁷ См., например, ОАК за 1907, стр. 74—75.

⁸ С. Д. Пападимитриу, Древние сведения об острове Березани, ЗОИД. т. XXVIII, 1910, Протоколы.

**ПОСЕЛЕНИЯ У ХУТОРОВ ВОЙНОВКИ И ШВЕДОВКИ
НА р. ОСКОЛЕ**

П. Д. ЛИБЕРОВ

(Москва)

В 1956 г. Краснооскольский отряд Оскольской экспедиции Института археологии АН УССР произвел раскопки на поселениях срубной и скифской культур у хуторов Шведовки и Войновки, Краснооскольского сельсовета, Изюмского района. Эти памятники были обнаружены Донской экспедицией ИИМК АН СССР в 1955 г.¹ Особый интерес к ним был вызван тем, что до сих пор северная граница степи Северо-Донецкого бассейна археологически оставалась мало исследованной.

Поселение у хут. Войновки расположено на правом берегу р. Оскола. Восточная окраина поселения в значительной части уничтожена весенними разливами р. Оскола. Здесь образовался обрыв высотой до 1—1,5 м. Начиная от этого обрыва, на поселении была раскрыта площадь 520 м² (рис. 1). В раскопе на глубине 0,8—1,5 м от поверхности обнаружено много больших и малых ямок и большое глиняное пятно неправильных очертаний, ориентированное с ССВ на ЮЮЗ (длина почти 36 м, ширина до 9 м). Пятно в ЮВ части частично уничтожено обрывом, а с западной стороны прорезано ямой и землянкой. Оно выделялось цветом белой глины на фоне желтого грунта. Глина была жесткой, трудно поддающейся ударам лопаты. Пятно несколько возвышалось по центру длинной оси. Заслуживает внимания расположение ямок, которые идут отчасти по краям, но главным образом посередине и вдоль пятна. Можно предполагать, что глиняное пятно представляет собой остатки столбовой постройки хозяйственного назначения.

В культурном слое над пятном было найдено много обломков лепной керамики срубной культуры, бронзовое шило, каменный топорик, кучка меловых камней, костяная проколка, много костей домашних животных и др. Во второй с юга яме оказались два разбитых сосуда: кувшин и горшок салтовской культуры.

Особый интерес представляет землянка в западной части раскопа площадью 7 × 7 м, глубиной до 1,5 м от поверхности и 0,5 м от начала суглинка. Западная граница землянки улавливалась с трудом, южная стенка — отвесная, северная и восточная — покатые. Пол покрыт плотной земляной обмазкой. Уровень его несколько понижается к центру (рис. 1).

В ЮВ части землянки находился очаг диаметром до 1 м, глубиной до 0,50 м, заполненный землей, смешанной с золой, обломками керами-

¹ В раскопках принимали участие П. Д. Либеров (нач. отряда) и лаборанты Ю. С. Гришин, А. И. Пузикова, В. И. Бондарева, А. П. Панченко, В. П. Макаров.

ки и костей животных. Стенки очага обмазаны глиной, прокаленной докрасна. Вдоль восточной стенки землянки был обнаружен ряд ямок; одна ямка имелаась также около СЗ угла и вторая за пределами жилища.

Культурный слой в восточной части раскопа имел глубину 0,80 м, а в СЗ углу — до 1,4 м и был насыщен обломками керамики и костями домашних животных. Керамика почти исключительно срубная — острореберных и баночных форм, сделана из чистой, темной в изломе гли-

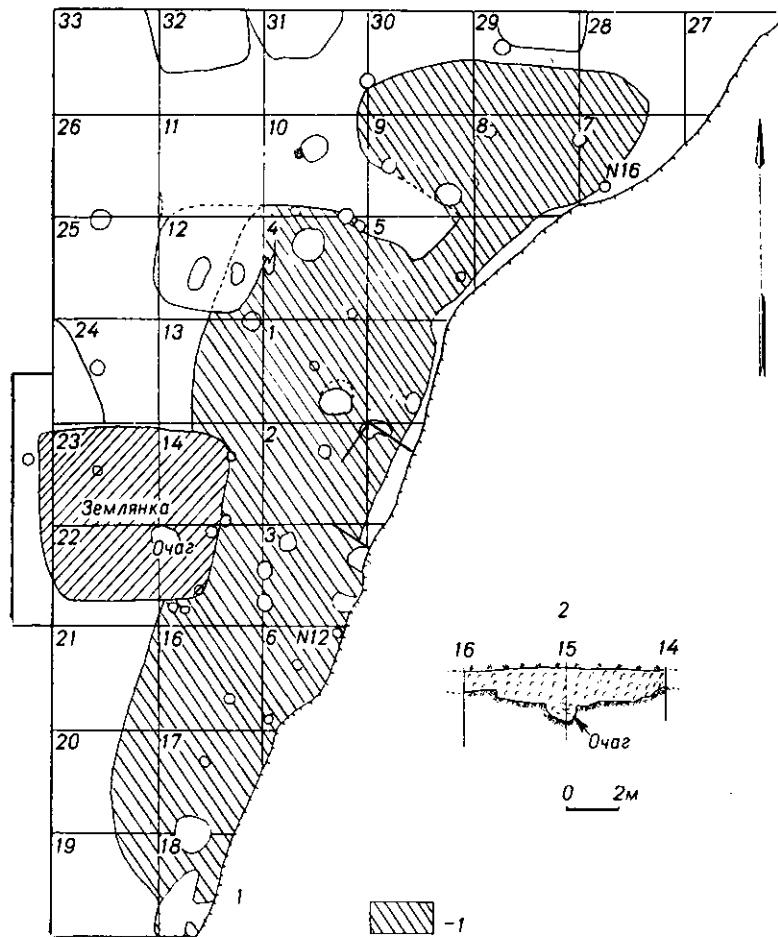

Рис. 1. План раскопа поселения у хут. Войновки.
1 — пятно белой глины; 2 — разрез землянки.

ны. Цвет поверхности в большинстве случаев желтый или красный. Господствующим типом являются баночные горшки, изредка встречаются обломки сосудов с профилированным краем (рис. 2, 1). Острореберные сосуды, характерные для ранней срубной культуры, встречаются не часто, главным образом на глубине четвертого штыка, то есть в основании культурного слоя (рис. 2, 2, 3, 4). Баночная керамика нижнего слоя, встреченная вместе с острореберной керамикой, аналогична посуде средних слоев. В этом можно убедиться, сопоставив некоторые обломки третьего и четвертого штыков (рис. 2, 7, 8, 25, 27). Резной орнамент, существовавший в период возникновения поселения, встречается и позднее (рис. 2, 26). К концу жизни поселения на сосудах баночной формы под венчиком появляются валики гладкие и с защипами (рис. 2, 10—12, 15, 17, 24), а также, по-видимому, сосуды нового типа

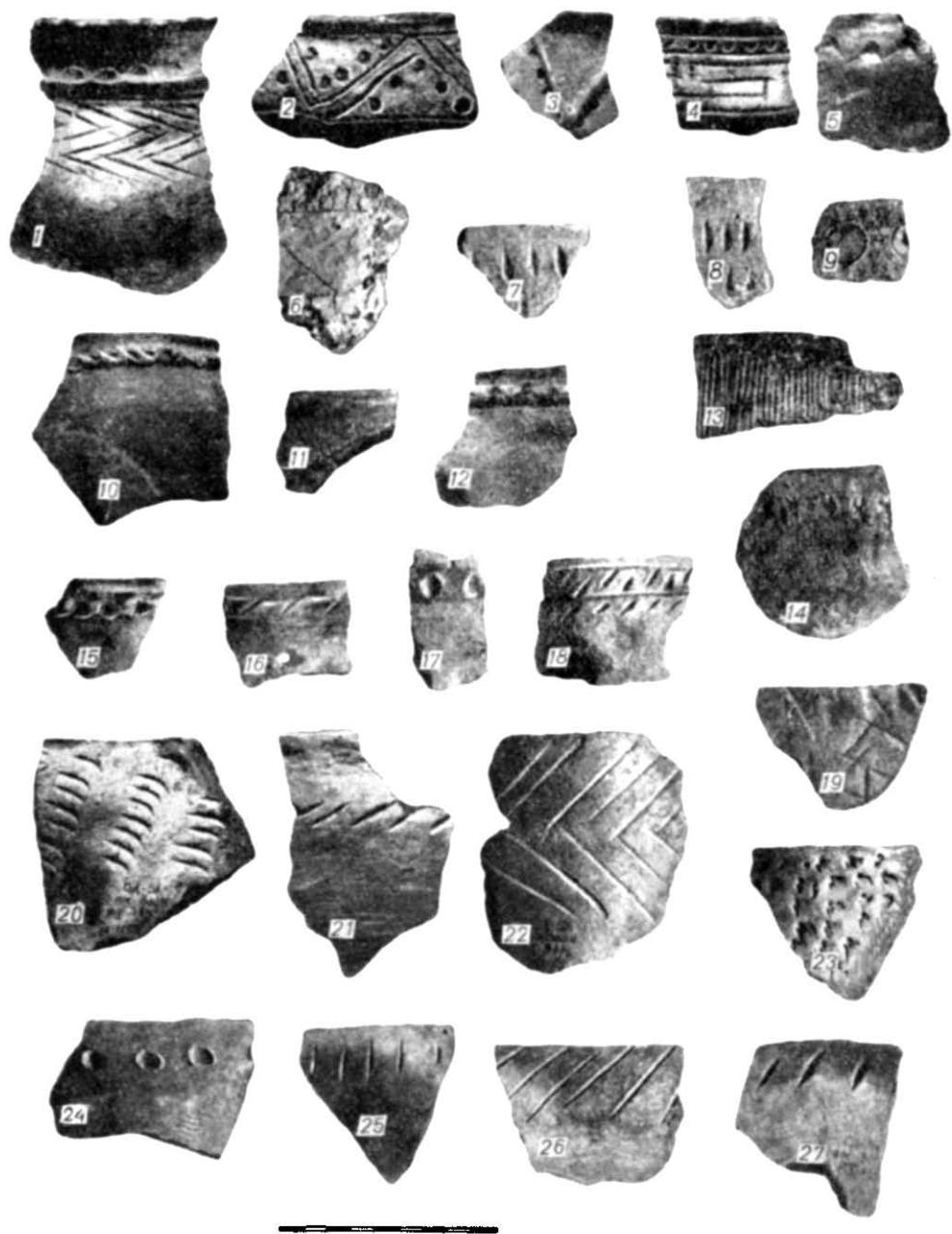

Рис. 2. Керамика из поселения у хут. Войновки.

в виде чашек, орнамент которых связывает их с обычной ранней посудой (рис. 2, 18). Такие обломки от двух чашек (к сожалению, полная форма неизвестна) были найдены в землянке наряду с посудой, украшенной валиками. Следовательно, в керамике сочетаются ранние и поздние элементы, которые позволяют отнести поселение ко второму периоду срубной культуры, приблизительно к концу II тысячелетия до н. э.

Определение остеологического материала В. И. Цалкиным показывает, что из 112 особей домашних животных лошадь занимает 16,1% (18 особей), крупный рогатый скот 47,3% (53), мелкий рогатый скот 22,3% (25), свинья 12,5% (14) и собака 1,8% (2 особи).

Среди посуды эпохи бронзы были обнаружены в небольшом количестве обломки керамики скифского времени. Они встречались на разных глубинах культурного слоя, нарушенного при посадке садовых деревьев. По своим типам скифская посуда сильно отличается от керамики эпохи бронзы. Венчик, как правило, высокий, цилиндрический, хорошо отделяется от стенок сосуда (рис. 3, 1—9). На венчике часто имеется валикообразное утолщение с ногтевыми защипами (рис. 3, 2, 3, 5,) или волнистым рельефом (рис. 3, 8), иногда встречаются венчики с защипами по краю (рис. 3, 4, 7). Защипной орнамент бывает расположен в нижней части шейки, на плечиках сосуда (рис. 3, 2, 8). Встречается орнамент, нанесенный палочкой наискосок (рис. 3, 6).

У хут. Шведовки раскопки производились на двух поселениях, расположенных несколько выше дамбы Краснооскольского водохранилища, на правом пойменном берегу р. Оскола. На поселении № 1 была раскопана площадь 384 м², на которой обнаружены признаки плохо сохранившегося жилища. Следы жилища, по-видимому, скифского времени прослеживались по остаткам мелких обломков обожженной глины, темным полоскам и ямкам на фоне светлого грунтового песка². В пределах этого жилища на глубине третьего штыка оказались остатки глиняного очага. В культурном слое встречались мелкие невыразительные обломки керамики разного времени и отдельные вещи. Среди них имеется один крупный обломок хорошо профилированного краснолощеного горшка (рис. 3, 10) и несколько обломков венчиков горшков скифского времени с защипами, насечкой или без орнамента (рис. 3, 11—15). К этой же поре можно отнести железный нож (рис. 4, 1), несколько глиняных прядильщиков (рис. 4, 3, 5, 7—9) и обрезок железного прута (рис. 4, 13). Время перечисленных вещей определяется в некоторой степени обломком венчика греческой амфоры, отнесенной М. Б. Зеест к IV—III вв. до н. э. (рис. 3, 22).

Кроме того, на поселении были найдены веши салтовской культуры, а именно: большой железный наконечник стрелы (рис. 4, 6) и железный ножичек (рис. 4, 11). Затруднительна датировка синей стеклянной цилиндрической бусины (рис. 4, 4).

На поселении № 2, где была вскрыта площадь 240 м², кроме керамики салтовского времени встречалась и скифская. Здесь имеются прямые венчики без орнамента и с орнаментом в виде защипов по обрезу венчика, иногда со сквозными проколами и наколами (рис. 3, 16—21). Проколы и наколы расположены значительно ниже обреза венчика. Они выполнены в необычной для лесостепи манере и являются здесь случайной и не характерной особенностью керамики. В раскопе найден железный наконечник стрелы сарматского времени (рис. 4, 12).

В подъемном материале в выдувах песка найдены обломок песчаникового точильного бруска с отверстием на одном конце (рис. 4, 2) и половина глиняного конического прядильщика (рис. 4, 10).

² Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954, стр. 185. и сл.

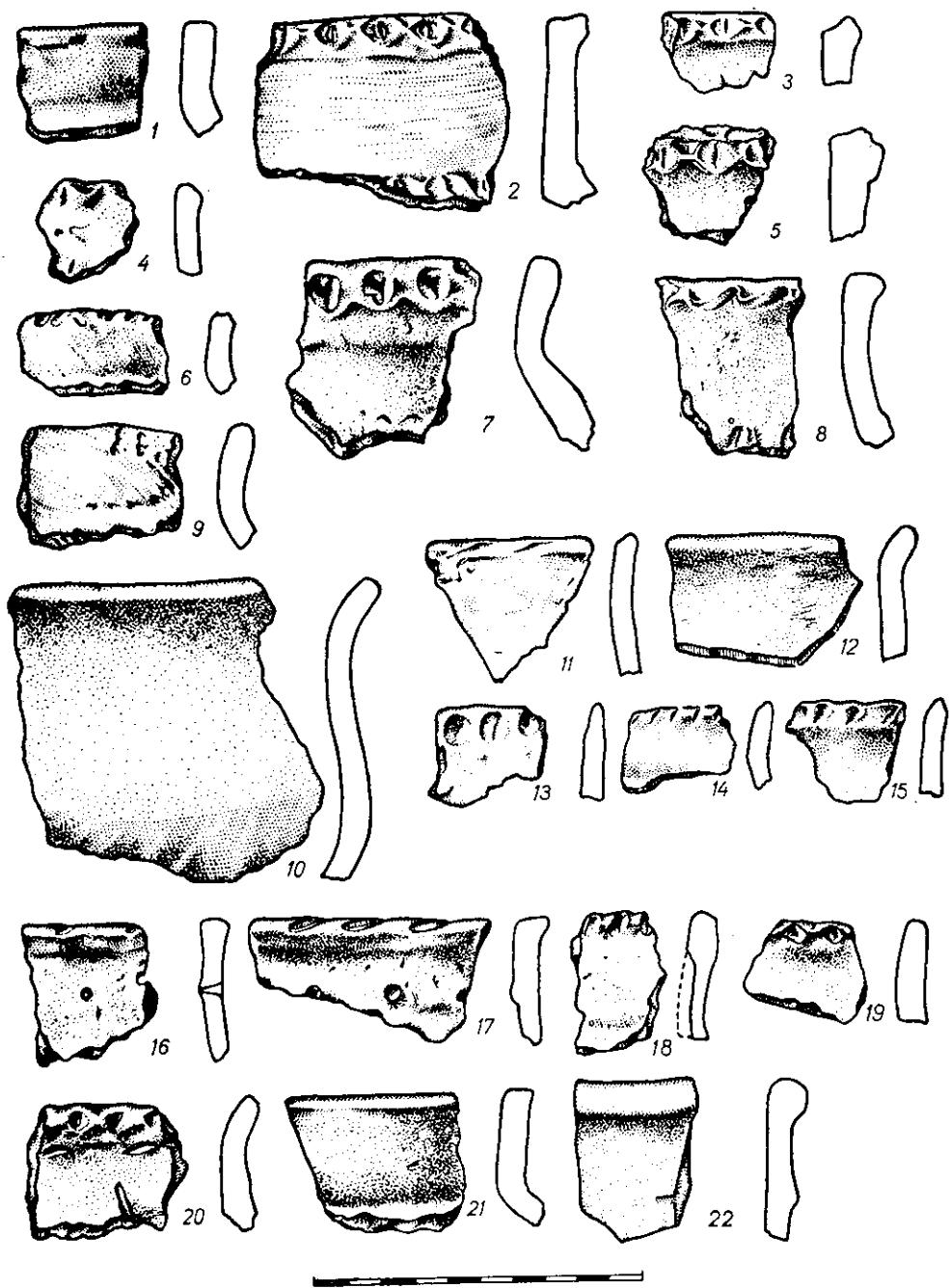

Рис. 3. Керамика из поселения у хут. Войновки и из поселения № 1 и 2 у хут. Шведовки.

Все исследованные поселения представляют большой интерес. Поселение у хут. Войновки возникает в эпоху поздней бронзы и относится к одному из вариантов позднесрубной культуры; кроме того, на поселениях имеются небольшие материалы скифского времени.

Керамика скифского времени обладает некоторыми особенностями по сравнению с керамикой лесостепной полосы. Если для последней характерным является наличие сквозных проколов под венчиком сосудов,

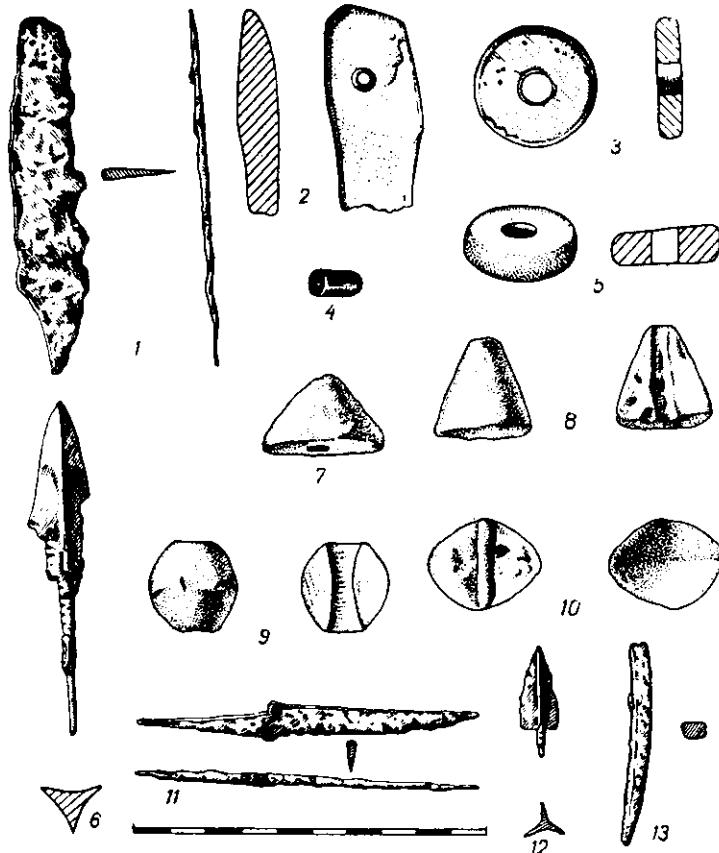

Рис. 4. Найдены из поселения № 1 и 2 у хут. Шведовки.

то здесь эта черта совершенно отсутствует или проявляется в непривычной форме, в неумелом заимствовании проколов. Необходимо также подчеркнуть факт отсутствия на Изюмщине городищ скифского времени.

Таким образом, учитывая малочисленность материала скифского времени, его особенности и отсутствие укрепленных поселений, мы можем прийти к заключению, что изучаемые нами поселения скифского времени принадлежат не оседлому, а кочевому населению. Можно предполагать также, что территория к западу, востоку и, вероятно, несколько к северу от г. Изюма была пограничной зоной между оседлыми лесостепными племенами и кочевниками степи, ее занимали последние периодически, в период перекочевок.

Кочевой образ жизни население этого района, по-видимому, начало вести в хронологических границах между временем существования поселения типа Войновки и началом скифского периода, то есть около VII в. до н. э.

ПОЗДНЕСКИФСКИЙ СЛОЙ БАСОВСКОГО ГОРОДИЩА

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

В дореволюционное время в окрестностях с. Басовки, Роменского района, Сумской области, были найдены две лощеные миски зарубинецкого типа. Одна из них происходит из кургана № 3 у с. Басовки, раскопанного А. А. Бобринским¹, а другая — с известного Басовского городища скифского времени².

Исследования городища у с. Басовки, проведенные экспедицией Института археологии АН УССР в 1947, 1957 и 1959 гг., показали, что на нем в верхнем горизонте культурного слоя постоянно встречаются обломки глиняных сосудов и отдельные вещи зарубинецкого типа, свидетельствующие о том, что жизнь здесь протекала вплоть до последних веков до н. э.

Неразрывная связь этого позднего периода жизни городища с предшествовавшими, более ранними этапами и хорошая датировка как ранних, так и более поздних культурных наслойений предметами античного импорта делает эту группу находок весьма интересной для понимания процессов, протекавших в лесостепной полосе Среднего Поднепровья в этот исторический период.

Городище у с. Басовки возникло не позднее середины или второй половины VI в. до н. э. Древнейшие предметы, найденные в нижних ярусах культурного слоя на городище, находят себе полное соответствие в инвентаре наиболее ранних скифских курганов Посулья, таких как Старшая Могила, курганы у сел Герасимовки, Поповки и др.³

Культурный слой около оборонительного вала городища имел до 2 м толщины и разделялся на три яруса, из которых два нижних относятся к VI — IV вв. до н. э., а верхний (толщиной до 0,5 м) содержал культурные остатки позднескифского и зарубинецкого типов.

Верхний горизонт культурного слоя был особенно сильно насыщен кусками глиняной обожженной обмазки по прутьям от развалов наземных строений с каркасными стенами и глинобитных очагов, своды которых были сделаны из глины по сплетенной из прутьев основе.

Большинство остатков зарубинецкого типа было найдено в слое почвенного горизонта на глубине первого и второго штыков. К ним относятся обломки характерных лощеных мисок с гладкой, шелковистой поверхностью, с острым ребром и косо срезанным внутрь краем венчика (рис. 1, 4, 6, 7), миска со слегка отогнутым краем и перехватом на

¹ Е. В. Махно, И. М. Самойловский, Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье, МИА, № 70, 1959, стр. 21.

² Древности Приднепровья, II, табл. XXXIV, № 655.

³ В. А. Ільїнська. Верхньосульська експедиція 1947 р., АП, т. IV, 1952, стр. 34 и сл.

шейке, ниже которого имеется утолщение, образующее как бы валиковый ободок (рис. 1, 8), и более глубокие миски с мягко профилированным S-образным изгибом (рис. 2, 1, 2) края. Близкий к этому профиль имеет обломок чернолощеной чаши или кружки с небольшой петельчатой ручкой (рис. 2, 4).

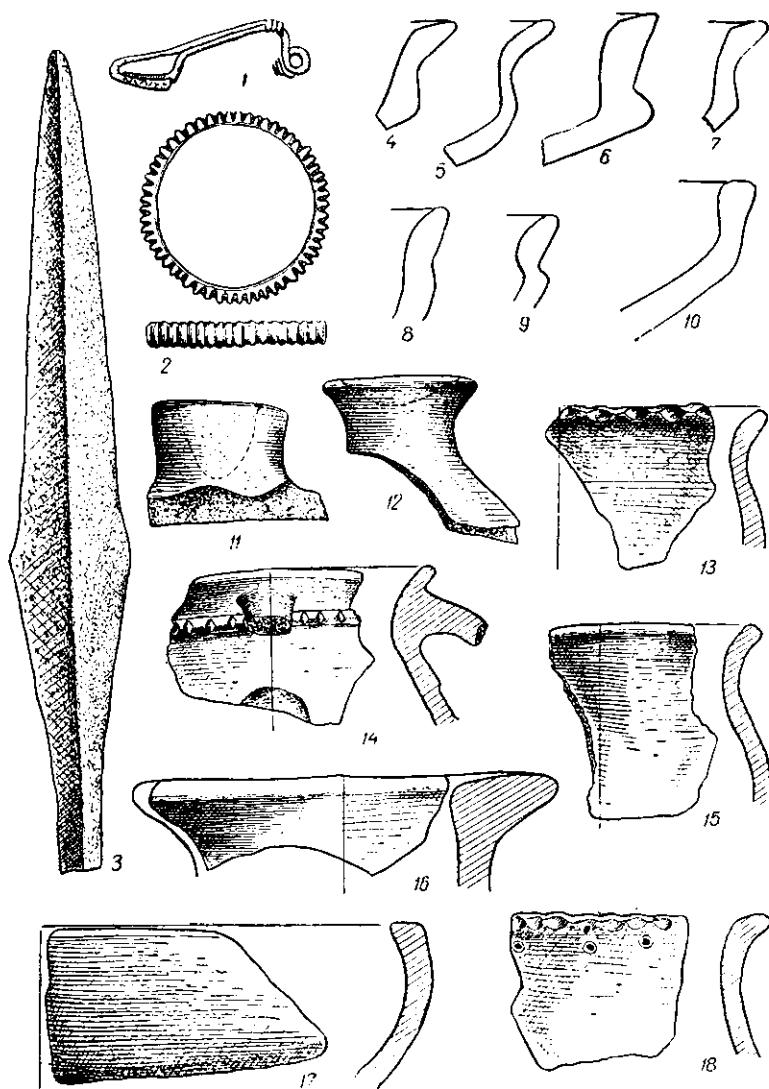

Рис. 1. Керамика и вещи из позднескифского слоя Басовского городища.

К этой же группе керамики относится фрагмент нелощеного сосуда желто-серого цвета в виде кружки (рис. 1, 14) с отогнутым венчиком и боковой петельчатой ручкой, украшенной по шейке невысоким валиковым налепом с ногтевыми отпечатками, сделанного из глины с примесью шамота.

Весьма интересны три обломка, происходящие, по-видимому, от одного сосуда, изготовленного из такой же глины, что и лощеные корчеватовские сосуды. Внутренняя сторона сосуда залощенная, темного цвета. Наружная сплошь покрыта орнаментом, выдавленным на поверхности по сырой глине ногтем или концом узкой лопаточки так, что рядом с довольно глубокой ямкой образуется выпуклый бугорок. Орна-

мент, сделанный таким образом, образует тройные вертикальные ряды углубленно-выпуклого рельефа, пространство между которыми сплошь заполнено подобными же косыми рядами бугорков и выпуклостей. Благодаря такой обработке, наружная поверхность приобретает вид рустованной.

Встречаются также обломки типичных зарубинецких крышек-плошечек с кольцевой ножкой (рис. 1, 11, 12), с шероховатой поверхностью, сделанных из глины с примесью шамота.

В 1959 г. были найдены три обломка толстостенных сосудов небольшого диаметра, наружная поверхность которых украшена высокими вертикальными ребрами, образующими глубокие каннелюры (рис. 2, 3).

Лощеные миски указанных типов, кружки с петельчатыми ручками, крышки-плошки на кольцевых ножках имеют многочисленные па-

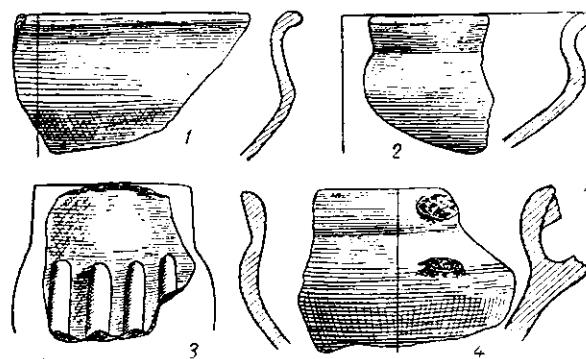

Рис. 2. Керамика из позднескифского слоя Басовского городища.

раллели в материалах зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья и позднейших скифских городищ низовьев Днепра. Что же касается обломков сосуда со своеобразно рустованной наружной поверхностью, то этот вид орнамента, весьма редкий в Причерноморье, более известен в памятниках пшеворской культуры. С другой стороны, сосуд с высокими вертикальными ручками находит себе ближайшие аналогии в толстостенных сосудах типа кувшинов или так называемых «курильниц» с вертикальными ребрами, известными по находкам у Одессы⁴ и в позднеэтруистическом могильнике у с. Чобручи, Слободзейского района, в Молдавии⁵.

Керамические остатки зарубинецкого времени на Басовском городище рассеяны в виде единичных находок в верхнем ярусе культурного слоя и всюду сопровождаются многочисленными обломками лепной посуды, характерной для позднескифских памятников данной территории. Руководящей формой служат простые лепные горшки, сделанные из глины с примесью шамота, со слабо заглаженной или сильно шероховатой поверхностью. Они имеют обычную для скифских сосудов этого типа профилировку с мягко отогнутым венчиком, плавно расширяющимся корпусом, сильно суживающимся к днищу небольшого диаметра (рис. 1, 15). В орнаментации таких сосудов наиболее обычны пальцевые вдавления и косые насечки по краю венчика, нередко в сочетании со сквозными проколами под краем (рис. 1, 13, 18). Встречаются обломки сосудов с пальцевыми вдавлениями по шейке, подобные которым известны с Каменского городища.

⁴ Хранится в Одесском археологическом музее.

⁵ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1951, стр. 18, табл. XVI, 4.

В небольшом количестве в верхнем ярусе культурного слоя встречались также обломки мисок обычного скифского типа, с плохо заложенной поверхностью, с прямым или слабо загнутым внутрь краем (рис. 1, 10, 17) и фрагменты кувшинов с резко отогнутым наполовину козырьком краем венчика (рис. 1, 16).

Никакой другой хоть сколько-нибудь выделяющейся особой группы кухонной простой посуды, с которой могла бы быть связана описанная выше специфическая корчеватовская керамика, на Басовском городище найдено не было.

Характерно, что и на других зарубинецких поселениях, таких, как Пироговское городище⁶, селище у с. Межирич⁷, на Пилипенковой горе⁸, а также и на городищах Нижнего Поднепровья⁹ посуда специфически зарубинецко-корчеватовских форм встречается в сопровождении большого количества обломков простой лепной посуды, аналогичной керамике предшествующего скифского периода.

В левобережной Лесостепи лепные горшки с пальцевым вдавлением по краю и сквозными проколами являются одной из распространенных форм вплоть до конца скифского периода, что подтверждается многочисленными случаями находок ее с греческой керамикой позднеэллинистического времени. На Басовском городище открыт ряд ям, в которых скифская керамика этого рода сопровождалась амфорной и чернолаковой посудой IV и III вв. до н. э.¹⁰ Представляется вполне вероятным, что в памятниках этой территории горшки со сквозными проколами, вместе с некоторыми другими видами скифской посуды, доживали вплоть до раннекорчеватовского времени.

Интересно, что на зарубинецком поселении у с. Харьевки на Сейме среди обломков простых лепных горшков с пальцевым рельефом оказалось несколько обломков венчиков со сквозными проколами и фрагмент края миски скифского типа с прямым венчиком. К сожалению, эти факты остались неотмеченными автором раскопок¹¹.

К зарубинецкой группе вещей, происходящих с Басовского городища, относится найденная во втором штыке бронзовая проволочная фибула того типа, который Ю. В. Кухаренко относит к наиболее раннему варианту среднелатенских фибул, не позднее II в. до н. э.¹² (рис. 1, 1). И бронзовый литой массивный латенский браслет с высокими рельефными рубчиками с наружной стороны (рис. 1, 2).

Представляется вероятным, что к зарубинецкой поре следует отнести найденное в первом штыке железное копье с длинным (около 24 см) пером ромбовидной формы с наибольшим расширением (4 см) на расстоянии $\frac{2}{3}$ длины от конца острия. Поперечное сечение пера ромбическое (рис. 1, 3). Этот наконечник очень отличается от скифских и весьма близок по форме к копьям с ромбическим пером, известным в памятниках латенской культуры¹³.

Как уже упоминалось выше, фрагменты импортной греческой ке-

⁶ Е. В. Махно, Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г., МИА, № 70, стр. 94 и сл.

⁷ В. И. Довженок и Н. В. Линка, Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось, МИА, № 70, стр. 113.

⁸ В. А. Богусевич и Н. В. Линка, Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева, МИА, № 70, стр. 114 и сл.

⁹ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, стр. 103 и сл.

¹⁰ Определения античной керамики Басовского городища сделаны Е. И. Леви и А. И. Фурманской, которым приношу свою сердечную благодарность.

¹¹ Д. Т. Березовец, Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр., АП, т. V, 1955, стр. 61—63.

¹² Ю. В. Кухаренко, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 295.

¹³ Jan Filip, Keltové ve Strední Evropě. Praha, 1959, стр. 155, рис. 45, 48

рамики составляют весьма обычные находки в верхнем ярусе культурного слоя на Басовском городище. В раскопе № 2 1959 года была найдена амфорная ручка с клеймом III—II вв. до н. э. Еще одна амфорная ручка с клеймом, относящимся, по мнению И. В. Латышева, к этому же времени, была найдена на Басовском городище в раскопках Н. Е. Макаренко¹⁴.

В 1957 г. был найден обломок венчика фасосской амфоры и один ствол ручки косской амфоры III—II вв. до н. э. Сочетание находки среднелатенской фибулы и косской амфоры известно в одном из погребений Марицинского могильника вблизи Ольвии¹⁵. На Пироговском городище зарубинецкая керамика сопровождалась находками стенок амфор, «по-видимому, эллинистического типа»¹⁶. Там же были найдены бронзовые фибулы среднелатенского типа. Двуствольные косские ручки оказались в зарубинецком слое поселения у горы Девица¹⁷ и поселения Пилипенкова гора на Каневщине¹⁸.

Все эти параллели указывают, что сочетание находок зарубинецкой керамики с предметами среднелатенского типа и греческой позднеэллинистической керамикой на Басовском городище не является случайным. Они подтверждают, что появление зарубинецкой культуры относится здесь к III—II вв. до н. э., к которым восходит наиболее поздний этап существования городища в скифское время. Это тем более очевидно, поскольку никаких вещей, какие могли бы быть отнесены к рубежу нашей эры, а также предметов римского импорта за все время исследования на Басовском городище не найдено.

Зарубинецкая керамика и синхронные ей вещи латенского типа представляют собой сравнительно небольшое включение в позднескифский слой городища, время которого по находкам позднеэллинистической керамики хорошо определяется III—II вв. до н. э.

Ту же дату для появления зарубинецких элементов в позднейшей скифской культуре на нижнем Днепре устанавливает Н. Н. Погребова на основании материалов Знаменского и Гавриловского городищ, где обломки зарубинецких конических крышек на полых ножках и острореберных лощенных мисок были найдены в комплексах, датированных греческими сосудами III в. до н. э.¹⁹

Все эти данные находятся в решительном несоответствии с мнением Ю. В. Кухаренко о позднем появлении зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье в связи с проникновением сюда каких-то новых групп населения из западной части Полесья²⁰.

¹⁴ ИАК, вып. 22, стр. 85.

¹⁵ В. И. Петров. Зарубинецкий могильник, МИА, № 70, стр. 46.

¹⁶ Е. В. Махно, Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г., МИА, № 70, стр. 95.

¹⁷ В. О. Довженок и Н. В. Линка, Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Роcь, МИА, № 70, стр. 104.

¹⁸ В. А. Богусевич и Н. В. Линка, Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева, МИА, № 70, стр. 118.

¹⁹ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, стр. 141, 215.

²⁰ Ю. В. Кухаренко, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, СА, 1960, № 1, стр. 289 и сл.

**ЖЕРТВЕННИК
ИЗ ПРИГОРОДНОГО ЗДАНИЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО**

В. М. МАЛИКОВ

(Севастополь)

В 1959 г. на Неаполе скифском близ Симферополя у южной оборонительной стены (раскоп Е), к востоку от центральных ворот, Тавро斯基фской экспедицией Института археологии АН УССР продолжалось,

Рис. 1. Жертвенник.

исследование пригородного здания, раскопки которого были начаты еще в 1957 г.¹ Здание это было построено в I в. до н. э., вновь перестроено в I в. н. э. и разрушено на рубеже II—III вв. н. э.²

Во время работ 1959 г. в юго-западном углу главного помещения был раскрыт своеобразный жертвенник. Он представлял собой лункооб-

¹ Раскопки здания вели: в 1957 г.— Е. Н. Черепанова, А. Н. Щеглов, в 1958 г.— Е. Н. Черепанова, в 1959 г.— Е. Н. Черепанова, В. М. Маликов.

² П. Н. Шульц, Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1958 г., архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР, стр. 114.

разную ямку диаметром 30 см, опущенную от уровня пола на глубину 32 см. По краям ямка выложена небольшими камнями и обмазана желтой глиной (рис. 1).

На всю глубину ямка была плотно забита овечьими костями. Как отмечает производившая определение костных остатков В. И. Бибико-

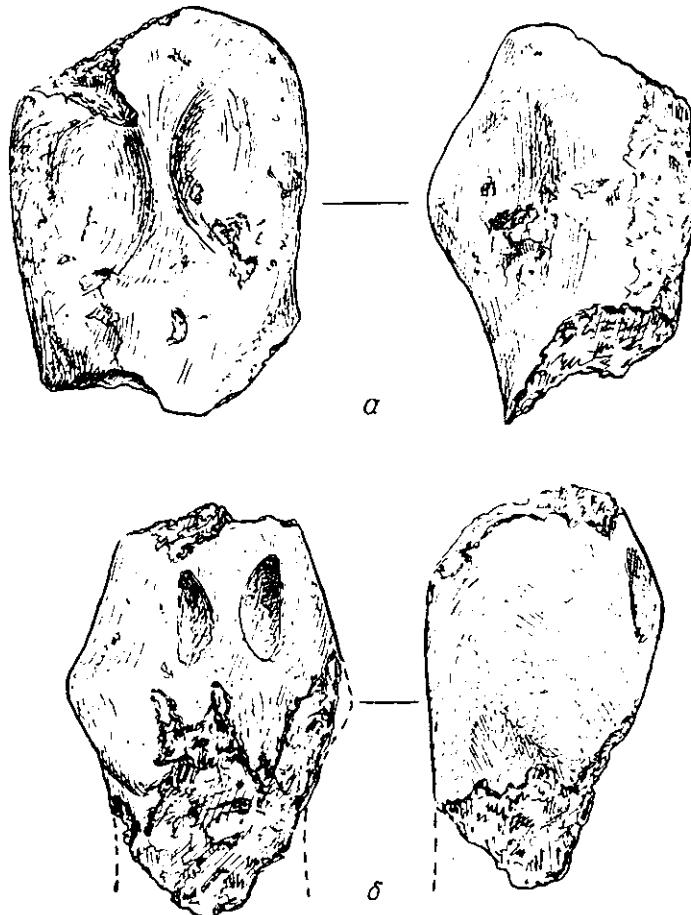

Рис. 2. Головы антропоморфных статуэток.

ва, в этой ямке имеются все части скелетов пяти экземпляров овец в возрасте полутора-двух лет. Кости целые, нет ни одной преднамеренно разбитой. Интересна одна особенность: от всех пяти животных представлены полные скелеты, за исключением копыт и вторых фаланг как передних, так и задних конечностей.

На дне ямки обнаружено несколько древесных угольков, немного золы и отдельные обгорелые кости; основная масса костей не носила следов действия огня. Здесь же, в придонной части, среди костей овцы оказались обломки девяти миниатюрных сосудов и части примитивных статуэток, выполненных из необожженной глинистой земли (рис. 2, 3, 4, 5), из них четыре обломка от антропоморфных и три от зооморфных фигурок.

Антропоморфным статуэткам принадлежат две головки. Лепка весьма примитивная. На первой из них (рис. 2, а) намечен нос, сделанный путем защипа двумя пальцами. В профиль защип имеет форму сглаженного треугольника, сходящего на нет у лба и у подбородка. Кон-

тур головы заглажен, затылок округлый. Высота фрагмента 5 см, ширина 3,5 см.

У другого фрагмента (рис. 2, б) на выпуклой части лица глубокими ногтевыми вдавлениями обозначены глаза и нос. По краям головки небольшими выступами обозначены уши, что придает изображению большее сходство с человеческой головой. В нижней части головка сужается и переходит в шею. В отличие от первой затылок ее приплощен. Размеры: высота 5,5 см, ширина 3,8 см.

Два фрагмента принадлежат туловищу антропоморфной статуэтки (рис. 3). Высота 9 см, ширина туловища 5,5 см, толщина 4,5 см. На лицевой поверхности в верхней части прослеживаются полукруглые борозды, которые как бы отделяют грудь от шеи. Плечи намечены выступами, ниже, с боков заметны вдавления, возможно, передающие подмыщечную впадину.

Один из фрагментов воспроизводит головку барана (рис. 4, а). Кончик морды и шея обломаны. С правой стороны морды сделано маленькое углубление, по-видимому, обозначающее глаз. На другой стороне частично сохранился рот.

Другой, вытянутый, круглый в сечении фрагмент может рассматриваться как шея животного, по-видимому, барана (рис. 4, б). У косого облома, где находилась морда, с одной стороны сохранился налек, изображающий завиток рога. Ниже завитка шея несколько суживается и плавно изгибается к спине. Работа примитивная, грубая. В изломе у основания шеи виден отпечаток зерна злакового растения.

Рис. 3. Фрагмент туловища антропоморфной статуэтки.

Миниатюрный лепной сосуд (рис. 5) с полукруглыми краями повторяет форму широко распространенных в Неаполе скифском в это время лепных позднескифских мисок. Средняя толщина стенок 9 мм.

Земляное тесто, из которого сделаны все статуэтки и сосуд, совершенно одинаково по составу. Это сероглинистая почва, с большим включением мелкокаменистой фракции. Материал без следов обжига. Преднамеренное включение зерна злаков или соломы в состав теста не устанавливается.

Указанный состав находок позволяет видеть в раскрытом объекте жертвенник домашнего типа. Небольшой по размеру, он занимал место в углу у входа в главное помещение здания. По своему устройству он напоминает жертвенник из Гавриловского городища³.

Жертвенные места с костями животных на раскопках в Неаполе скифском встречались не раз. Один из таких жертвенников был открыт в 1950 г. в черте города, неподалеку от городских ворот, среди монументальных общественных построек⁴.

Обращает внимание фрагментарное состояние статуэток. Ряд исследователей связывает это с преднамеренной поломкой их в процес-

³ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, стр. 194.

⁴ А. Н. Карасев. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР, стр. 59.

се обряда⁵. Анализ костных остатков позволил В. И. Бибиковой предположить, что на жертвенник клались туши, с которых были предварительно сняты шкуры. На это указывает полное отсутствие самых дистальных частей конечностей.

Фигурки барана из жертвенника можно поставить в ряд с изображениями головок барана на саманных подставках и других памятниках изобразительного искусства поздних скифов — первых памятниках их искусства, известных в Крыму и на Днепре в первые века нашей эры⁶.

Вполне возможно, что одинаковый возраст овец из жертвенника определяется обычаем приносить в жертву молодых животных

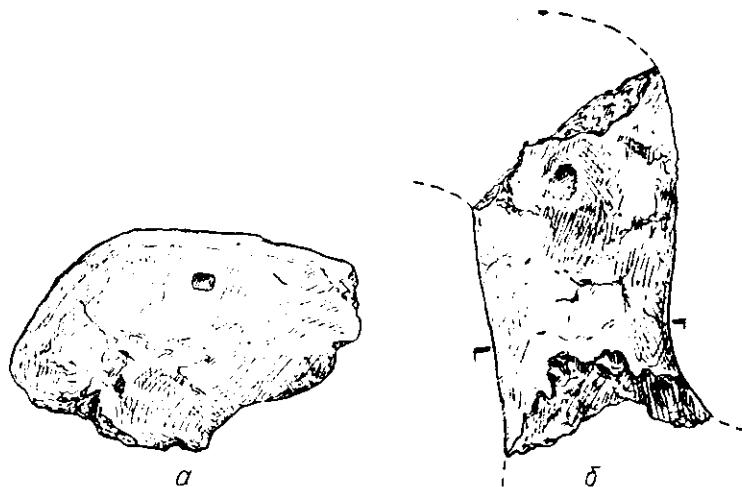

Рис. 4. Обломки фигуры барана:
а — голова; б — часть тела.

ленного возраста. По-видимому, культ барана получил широкое распространение в Неаполе в период проникновения сарматского элемента в среду скифов⁷.

Этническая и культурная общность крымских скифов со скифами Приднепровья объясняет сходство их культовых представлений и обрядов.

Фрагмент миниатюрного глиняного сосуда находит почти полную аналогию среди сосудов жертвенника на городище Караван около Харькова⁸, разнообразные миниатюрные сосуды известны в памятниках белогрудовского типа на территории Украины⁹.

О бытовании в Неаполе представлений, связанных с аграрным культом, подтверждают также находки и глиняных «хлебцов». Наиболее

⁵ С. Н. Бибиков, Поселение Лука-Брублевецкая, МИА, № 38, 1953, стр. 268.

⁶ П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция, КСИИМК, вып. 17, 1949, стр. 62; его же, Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1958 г., стр. 30; О. Д. Дашевская. Скифское городище «Красное» (Кермен-Кыр), КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 114; М. И. Вязьмитина, Поселения близ с. Золота Балка, Археология, т. XI, 1957, стр. 121; Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, стр. 229.

⁷ Культ баранов обычно связывается с культом огия. Интересно отметить, что громадные зольники Неаполя как раз и возникают во II—III вв. н. э. — в период усиленной сарматизации местного населения Крыма (П. Н. Шульц, Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г.).

⁸ Б. А. Шрамко, Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке, СА, 1957, № 1, стр. 188.

⁹ О. І. Тереножкін, Поселення білогрудівського типу біля Умані, Археологія, т. V, 1951, стр. 177; С. С. Березанська і Г. Т. Тітенко, Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу, Археологія, т. IX, 1954, стр. 129.

близкой аналогией являются примитивные фигурки из таврского святилища близ Ялты (рис. 6, а) ¹⁰.

Из скифо-сарматских памятников некоторый интерес представляет статуэтка из Знаменского городища на нижнем Днепре ¹¹ и глиняная фигурка из поселения с. Золотая Балка ¹², отличающаяся примитивной трактовкой лица.

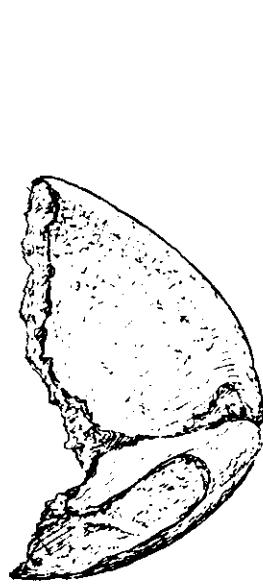

Рис. 5. Миниатюрный лепной сосуд.

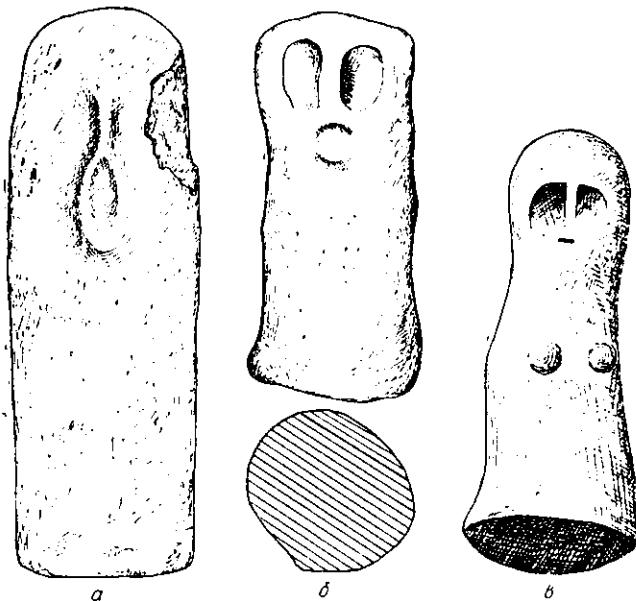

Рис. 6. Антропоморфные статуэтки:
а — из таврского святилища близ Ялты; б — из Краснодарского городища; в — из Елизаветинского городища.

Стилистическое сходство имеют вотивные женские фигурки, найденные на Елизаветинском ¹³ (рис. 6, в) и Краснодарском ¹⁴ городищах Кубани.

Особенно близка антропоморфная статуэтка Краснодарского городища ¹⁵ (рис. 6, б), имеющая вид небольшого глиняного цилиндра. Лицо ее передано тремя небольшими углублениями, обозначающими глаза и рот. Большинство статуэток подобного типа обнаружено на глинянитых жертвенныхниках или около них.

Многочисленность находок женских культовых фигурок скифо-сарматского и более раннего времени свидетельствуют о широкой популяр-

¹⁰ А. Л. Бертье-Делагард, Случайная находка древности близ Ялты, ЗООИД, т. XXVIII, 1907, стр. 20—26.

¹¹ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, стр. 163.

¹² М. И. Вязьмітіна, Поселення біля с. Золота Балка, Археологія, т. XI, стор. 121.

¹³ Статуэтки Елизаветинского городища датируются IV в. до н. э. (В. А. Городцов, Станица Елизаветинская, Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг., М., 1941, стр. 213; Н. В. Анифимов, Из прошлого Кубани, Краснодар, 1958, стр. 37).

¹⁴ Н. А. Захаров, Краснодарское городище, Записки Северокавказского общества археологии и этнографии, Ростов-на-Дону, 1928 (отдельный оттиск), стр. 8.

¹⁵ Фото статуэтки из Ялтинского святилища и рисунок фигурки из Краснодарского городища любезно представлены мне П. Н. Шульцем.

ности верховного женского божества среди племен и народностей Крыма и Северного Причерноморья¹⁶.

Возникновение в Неаполе культа, связанного с идеей плодородия, получает дополнительное подтверждение на материале жертвенника из загородного дома.

¹⁶ М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 124—125; С. А. Жебелев, Геродот и скифские божества, сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1958, стр. 33; В. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, СЭ, 1948, № 1, стр. 92; Б. А. Шрамко, Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке, СА, 1957, № 1, стр. 188; Н. В. Анимов, Из прошлого Кубани, стр. 81.

МЕЛИТОПОЛЬСКАЯ ДИАДЕМА

В. Ф. ПЕШАНОВ

(Запорожье)

В 1948 г. в Мелитопольский музей краеведения поступило значительное количество археологических предметов, из числа которых особенно выделялась золотая диадема, инкрустированная различными ценных камнями.

Диадема найдена случайно на левой стороне широкой и глубокой балки, отделяющей центр города от его предместий Кизияра и Красной Горки, рабочими завода силикатного кирпича во время добычи производственного сырья в карьере. По словам рабочих, здесь и прежде попадались древние вещи. Например, в 1947 г. были найдены железный меч и украшения с камнями красного цвета в золотой оправе, а в 1945 г.—глиняный сосуд, бусы и золотое кольцо. Судьба этих находок неизвестна.

Дальнейшие исследования на месте находок были произведены приехавшим для этой цели сотрудником Института истории материальной культуры К. Ф. Смирновым, автором настоящей статьи и сотрудницей Мелитопольского музея Н. И. Волчковой.

На сохранившемся у дна карьера участке был заложен раскоп площадью 12 м². На глубине 40—50 см были обнаружены кости лошади и козы, лежавшие цепочкой на протяжении до 1,5 м. Возле них находился опрокинутый бронзовый котелок и три узенькие золотые пластинки с инкрустациями.

Предметы, найденные во время раскопок, как и поступившие ранее в музей, относятся к числу сармато-аланских древностей и представляют несомненный интерес для специалистов, занимающихся этим периодом.

В настоящем сообщении автор дает описание диадемы и лишь попутно касается других предметов, сопровождающих эту находку.

Мелитопольская диадема сделана из цельного тонкого золотого листа (в сечении не более 0,5 мм). Состоит она из двух частей—околыша и фигурного венчика (рис. 1). Околош имеет вид узенькой полоски 1,5 см шириной, 23,7 см длиной. Концы его округлены, на них сверху и снизу имеются глубокие зарубки, предназначенные, возможно, для застегивания. Здесь же находятся небольшие отверстия, пробитые острой проколкой.

По нижнему краю лицевой стороны околоша, между концевыми зарубками, бордюром проходит плетеный «в косичку» из тонких золотых нитей шнурок толщиной не менее 1 мм. Над ним с интервалами в 5—6 мм друг от друга расположены 18 инкрустаций, которые окаймлены бордюром из зерни; по одной инкрустации имеют также отмеченные кон-

мы околыша. Между инкрустациями расположены треугольники, составленные из одинаковых шариков зерни, диаметром до 1 мм.

В расстановке инкрустаций соблюден следующий порядок. В центре околыша, выделенного двумя поперечными линиями зерни, находилось четыре инкрустации, из них крайняя справа (выпала) имела форму равнобедренного треугольника, вторая за ней — овальная, третья — прямоугольная, четвертая — сегментовидная. По обеим сторонам центральной части симметрично размещено по семь инкрустаций грушевидной формы. Концевые инкрустации оформлены в виде равносторонних треугольников. В качестве материала для инкрустаций использован янтарь, а в центре, кроме того, сердолик и гранат (для прямоугольника и овала).

Не лишено определенного порядка и расположение треугольников, выполненных зерни. Вдоль нижнего края околыша, не прикасаясь ос-

Рис. 1. Диадема.

нованиями к плетеному бордюру, между всеми инкрустациями помещено 23 треугольника. Второй ряд треугольников в количестве 36 шт. проходит вдоль верхнего края околыша. Они также расположены между инкрустациями и обращены основаниями кверху. Размеры треугольников этого ряда разные, количество шариков в них неодинаково. Третий ряд из 16 треугольников находится между двумя крайними рядами в интервалах между инкрустациями. Остальные семь треугольников расположены на обоих концах околыша.

Венчик диадемы состоит из семи фигур, расположенных в ряд по верхнему краю околыша примерно в 2 см друг от друга. Четыре из них — по две на концах венчика — аналогичны. По своим очертаниям они напоминают букву *T* с широким стержнем и слегка вогнутым в центре и округленным в плечах горизонтальным покрытием, заостренные концы которого сильно обвисают. Высота каждой фигуры 2 см, ширина стержней около 1 см, ширина покрытия 2,8 см.

Эти четыре фигуры одинаковы по оформлению. На стержнях каждой из них — две инкрустации из янтаря: нижняя прямоугольная и верхняя треугольная. Восемь янтарных инкрустаций (по одной) размещаются на обвисающих концах покрытий. Им придана грушевидная форма. По размерам они несколько меньше тех, что на околыше диадемы.

В качестве дополнительных элементов оформления применены треугольники зерни и витые из тонких нитей золотые шнурочки. Последними обведены верхние края покрытий. Треугольники в количестве 26 штук распределяются в определенном порядке на обвисающих концах покрытий и на стержне.

Следующие две фигуры по краю венчика, помещенные по сторонам центральной фигуры и сходные с предыдущими в элементах оформления, отличаются своими очертаниями и высотой, достигающей 2,7 см. Стержни их завершаются острием, с боков находятся два серповидных выступа. На этих фигурах насчитывается 8 янтарных инкрустаций и 21

треугольник зерни. Форма инкрустаций и порядок размещения их те же, что и на четырех предыдущих фигурах.

Центральная фигура венчика составлена из двух поставленных одна на другую фигур, подобных вышеописанным, но более широких и приземистых. Высота центральной фигуры 3,5 см; она возвышается над двумя соседними фигурами на 1 см, а над первыми четырьмя на 1,5 см.

Деталями художественного оформления центральной части диадемы также являются инкрустации и треугольники зерни. Инкрустации расположены в том же порядке, что и на двух соседних фигурах, исключая прямоугольники в основании. Форма и материал инкрустации разные. В центре нижней половины фигуры вделан сердолик ромбовидной формы, а на серповидных щитках — янтарь в виде круга с правой стороны и гранат в форме выпуклого овала — с левой. Соответствующие инкрустации на верхней половинке — выпуклая круглой формы гранатовая и круглая янтарная (первая круглая потеряна). Треугольников зерни на центральной фигуре имеется 20 (по одному на концах всех четырех серповидных щитков), 8 — вокруг ромбовидной инкрустации и 4 — в центральной части верхней половины фигуры. Всего на лицевой стороне диадемы имеется 50 инкрустаций из янтаря, сердолика и граната и 149 треугольников зерни разных размеров.

Для всей отделки диадемы зернию, включая треугольники и окантовку инкрустаций, мастер напаял 4700 отдельных шариков-зернышек. Он вложил в это ювелирное изделие много труда, умения и художественного вкуса.

Четыре боковых Т-образных выступа венчика имеют вид головок фантастических двуглавых птиц с глазами, выделенными грушевидными инкрустациями.

Золотые украшения, выполненные в той же технике, что и мелитопольская диадема, известны по материалам могильников Камунты и Сук-Су, из окрестностей Ольвии¹, Арцыбашева², уфимского погребения³. Однако все вещи из перечисленных пунктов, отделанные золотой зернию, являются бляшками, медальонами, серьгами или колтами.

Среди украшений аланского времени золотые диадемы, близкие к мелитопольской, известны в Венгрии⁴. Одна диадема сделана из цельной полоски золотого листа, другая — из трех створок и завершена очертанием корпуса орла, крылья которого упираются в верхний край средней створки. Обе эти диадемы густо инкрустированы камнями в форме прямоугольников, ромбов, треугольников, но не имеют украшений из зерни.

В целом венгерские экземпляры значительно проще, чем мелитопольская диадема, и по технике и по художественному мастерству.

В комплексе мелитопольских находок 1948 г., кроме диадемы, имеется еще 92 отдельных предмета:

1. 32 обрывка тонко раскатанного золотого листа, оставшиеся, бесспорно, от обшивки конской сбруи или снаряжения.

2. Две одинаковые пластинки, представляющие по форме треугольники со срезанными углами, длиной у основания 16 см, высотой 8 см. Поверхности их сплошь покрыты продольными рядами чешуйчатого орнамента. Обе пластинки, по-видимому, служили обивкой задней луки седла (рис. 2).

¹ С. И. Капошина, Золотые серьги из окрестностей Ольвии, КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 105.

² А. Л. Монгайт, Могила всадника у с. Арцыбашева, КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 128.

³ Р. Б. Ахмеров, Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э., КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 127—132.

⁴ Alföldi Andreas, Funde aus der Hunnerzeit und ihre ethnische Sonderung, Archaeologia Hungarica, IX, Budapest, 1932.

3. Одиннадцать золотых пластинок, которые складываются в два одинаковой формы изделия в виде половинок дуги. Общая длина их до 55 см, при наибольшей ширине у смыкающихся концов около 6 см и у нижних — 2 см. По выпуклому краю, вдоль широких концов, а также в передней части полудуг нанесены острием пунктирные линии зигзагов. Таким же способом проделаны линии из елочек, пересекающие обе половинки в нескольких местах. Широкий конец одной полудуги

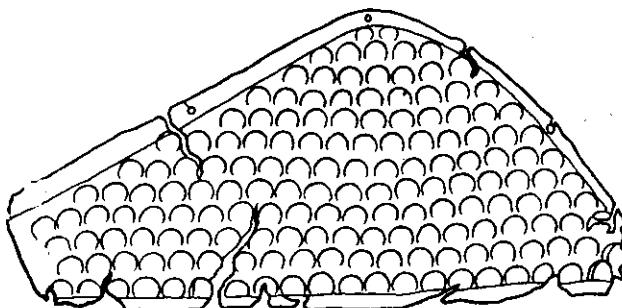

Рис. 2. Пластина с чешуйчатым орнаментом — обивка задней луки седла.

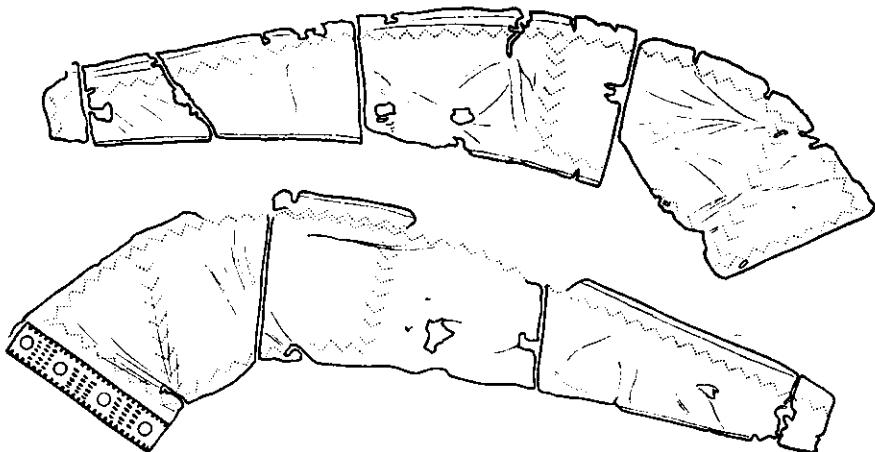

Рис. 3. Пластиинки с пунктиром орнаментом, служившие обивкой передней луки седла.

окантован узенькой золотой накладкой (шириной около 1 см) с четырьмя инкрустациями из граната и сердолика. По краям и между драгоценными камнями она орнаментирована зубьями и короткими черточками, оттиснутыми штампом. Надо полагать, что эти пластиинки, образующие вместе дугу, составляли обивку передней луки седла (рис. 3).

4. Узенькие золотые пластиинки в принципе одинаковые с предыдущей накладкой. Всего их 12 шт. с 8 инкрустациями из граната и сердолика. От остальных драгоценных камней сохранились лишь гнезда.

5. Пять золотых пластиинок без орнамента полуовальной формы, размеры в среднем 4×3 см, на округленных концах имеются дырочки.

6. 17 камней сердолика и граната, выпавших из инкрустации, некоторые из них в золотых оправах. Форма разная: овальная, круглая, конусовидная. Размеры камней неодинаковые. Сюда же следует отнести еще пять золотых оправ без камней.

7. Круглое зеркальце с боковой ручкой. Диаметр диска около 6 см, размеры ручки $3 \times 1,5$ см. У наружного края ручки имеется круглое отверстие. Зеркало сделано из сплава олова, серебра, свинца и меди⁵. На тыльной стороне имеется выпуклый орнамент: по периметру обведен бордюр, в центре находится кружок, от которого в четыре стороны расходятся парные прямые линии с завитками на концах; вторая окружность с двумя завитками имеется внизу, на ручке (рис. 4).

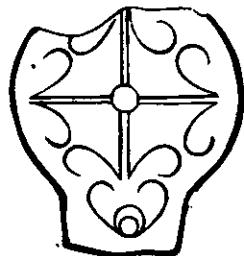

Рис. 4. Бронзовое зеркало.

8. Железные конские удила с бронзовыми кольцами.

9. Бронзовый котелок с железными ушками и железным перевеслом. Дно котелка круглое. Оно приделано к стенкам заклепками. С внешней стороны на стенках сохранились следы сажи. Высота котелка 16,5 см, диаметр по венчику 21 см.

10. Верхняя часть большой берцовой кости человека с застрявшим в ней двухлопастным наконечником стрелы со стерженьком.

11. Лобная кость мужского черепа, сильно окрашенная в зеленый цвет, с боков сжата, очевидно, вследствие искусственной деформации. Это обстоятельство весьма важно. Оно указывает, что погребенный здесь воин принадлежал к племени алан. Диадема бесспорно принадлежала ему. Впрочем, весь комплекс мелитопольских находок, по-видимому, относится к этому же погребальному инвентарю.

⁵ Данные химической лаборатории Мелитопольского педагогического института.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ГОРОДИЩА АЛМА-КЕРМЕН

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

(Симферополь)

Городище Алма-Кермен¹ находится на западной окраине села Заветного (б. Алма-Кермен), Бахчисарайского района, на левом берегу р. Алмы. Его площадь 1,3 га (рис. 1). Плато городища возвышается над уровнем реки на 30 м, северо-восточный склон его крут, юго-западный и юго-восточный—пологи. У подножия плато с юго-восточной стороны расположено небольшое селище, второе селище меньшего размера прослеживается на небольшой возвышенности с западной стороны плато.

Раскопки на городище производились в 1954 и 1959 гг. Институтом археологии АН УССР совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем под руководством Е. В. Веймарна². Городище с прилегающими к нему селищами и могильником³ является единым археологическим комплексом, изучение которого представляет большой научный интерес. Как показали раскопки, городище Алма-Кермен погибло от пожара, вероятно в III в. н. э.

В этой статье мы остановимся на тех данных, которые свидетельствуют о занятии жителей сельским хозяйством, поскольку освещение этого вопроса представляется особенно важным для изучения сельского хозяйства у поздних скотов⁴.

В 1954 г. на городище открыты остатки большого зернохранилища с амфорами и лепными горшками, наполненными пшеницей, ячменем, просом, а также зерновая яма с остатками зерна пшеницы⁵. На глинянитном полу дома, частично раскрытоого в 1959 г., стояли амфоры и лепные сосуды, наполненные зерном мягкой пшеницы, ячменя, и, что осо-

¹ Первое упоминание о городище сделано П. П. Кепленом (см. Крымский сборник, 1837, стр. 5, 347). Упоминает о нем П. Семенов (см. Географ. стат. словарь Рос. империи, т. I, 1863). Городище включено в археологическую карту Крыма, составленную Н. Л. Эрикстом (хранится в областном краеведческом музее). Н. Л. Эрикст упомянул о нем в докладе на крымском пленуме ИИМК в 1936 г. (см. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 530). Городище упоминается также в последних работах П. Н. Шульца (см. Исследование Неаполя в 1945—50 гг., сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957, стр. 78).

² См. Отчет Е. В. Веймарна о работе борного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г., архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР.

³ Могильник расположен на юго-запад от городища; в течение пяти лет его исследованием занимается Н. А. Богданова. См. ее статью в настоящем сборнике.

⁴ Этот вопрос лишь затронут в упомянутой статье П. Н. Шульца (стр. 76 и сл.), данные о скотоводстве освещены в большой статье: В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные из скифского Неаполя, СА, № 20, 1954.

⁵ Е. В. Веймарн, ук. отчет, стр. 67.

бенно важно, одна из амфор содержала узкозерную рожь⁶. Рожь впервые засвидетельствована в предгорной части Крыма как культура; до этого она была известна на скифских городищах как сорняк. На Боспоре в стоях первых веков н. э. встречается рожь, но в очень небольшом количестве⁷.

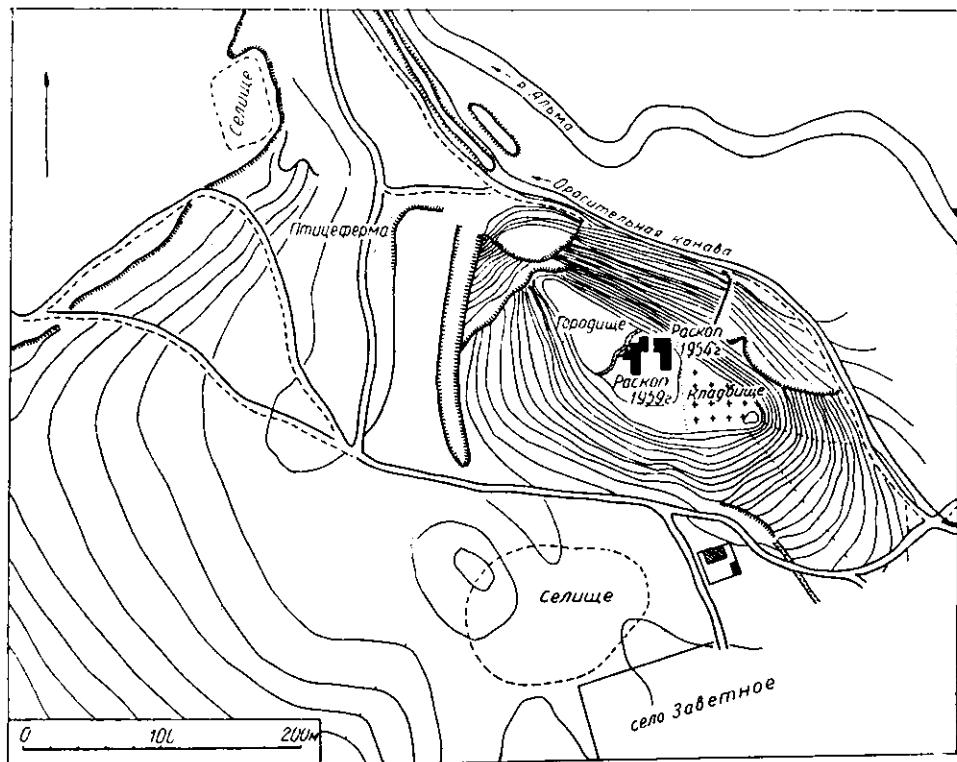

Рис. 1. План городища у с. Заветного (Алма-Кермен).

В 1959 г. вместе с сосудами, наполненными зерном, на полу упомянутого дома найдены четыре однотипные ручные мельницы, состоящие из двух пар круглых жерновов. Две сделаны из конгломерата, две из вулканической породы. Мельницы разнятся между собой лишь раз мерами. В центре каждого нижнего жернова имеется отверстие для укрепления металлического или деревянного стержня, на котором закреплялся верхний жернов. Верхний жернов вращался, тогда как нижний оставался неподвижным. Средний размер жерновов: диаметр 0,25—0,33 м, толщина 0,04—0,05 м (рис. 2). Круглые жернова такого типа известны в позднеэллинистическое и римское время на Боспоре⁸, в Ольвии⁹, на Хараксе¹⁰ и на Кубани¹¹.

Все эти данные свидетельствуют о том, что зерновое хозяйство городища было довольно интенсивным. Вполне возможно, что зерно уво-

⁶ Определение зерна сделано А. В. Кирьяновым.

⁷ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 81.

⁸ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 100; И. Б. Зеест, Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора, КСИИМК, вып. 33, стр. 99.

⁹ В. В. Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 190, рис. 148.

¹⁰ В. Д. Блаватский, Харакс, МИА, № 19, 1951, рис. 4, 2.

¹¹ Н. В. Андимов, Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья, МИА, № 23, 1951, стр. 153.

зили отсюда в Херсонес и в Неаполь скифский, так как главный путь из Херсонеса в Неаполь шел скорее всего через Алма-Кермен.

Найденные в 1959 г. сельскохозяйственные орудия позволяют в какой-то степени говорить об орудиях обработки земли и уборки урожая.

К числу таких орудий относится железная мотыга-кирка длиной 25 см. Она имеет два рабочих конца: один плоский, по-видимому, для неглубокого рыхления земли, второй — острый для разбивания комьев (рис. 3). Кроме того, были найдены два спекшихся железных серпа, со слабо изогнутым лезвием. Длина по спинке одного 19 см, другого —

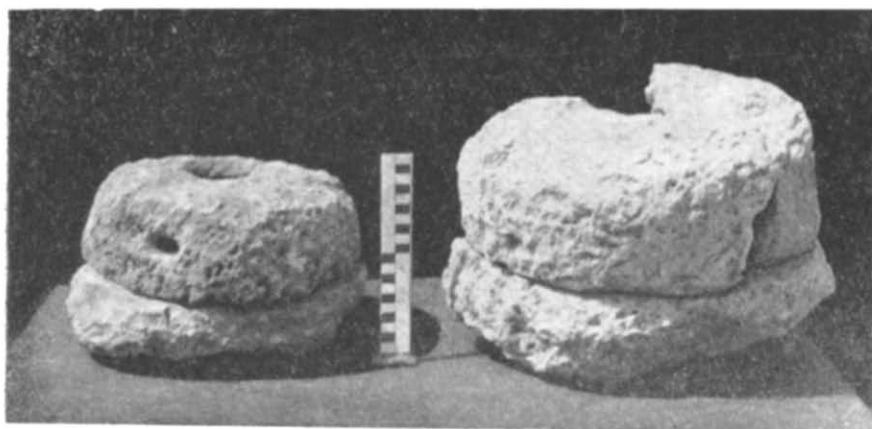

Рис. 2. Ручные жернова.

16 см, ширина лезвия 2 см. Концы, служившие основой для деревянных рукоятей, не сохранились. К серпам прикреплен обломок какого-то железного предмета (рис. 4).

Помимо зернового хозяйства, жители укрепленного поселения занимались виноградарством. В 1959 г. был найден нож для срезания виноградной лозы (рис. 5). Длина по спинке 22 см, ширина лезвия 4 см. На ноже имеется втулка для деревянной рукояти. Подобные ножи известны на Боспоре¹². О занятии жителей городища Алма-Кермен виноделием свидетельствует находка Н. А. Богдановой в 1955 г. в могильнике у городища двух обломанных каменных давилен для винограда, использованных в качестве закладных плит подбойных могил¹³. Одна из них (рис. 6, а) имеет неправильную прямоугольную форму, с грубо вырубленным углублением — площадкой для отжима винограда. В отбитой части плиты видимо был слив. Длина плиты 80 см, наибольшая ширина 50 см. Вторая давильня (рис. 6, б) почти правильной овальной формы с выступающим прямоугольным сливом и двумя выпуклыми полушиариями в передней части, предназначенными, вероятно, для того, чтобы пресс не соприкасался вплотную с дном давильни. Размер давильни: длина 1,20 м, наибольшая ширина 1 м.

В настоящее время мы располагаем весьма скучными данными о виноградарстве и виноделии у поздних скифов¹⁴, поэтому находки на Алма-Кермен очень важны.

¹² В. Ф. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре, МИА, № 85, 1958, стр. 361, рис. 5.

¹³ Н. А. Богданова, Отчет о раскопках могильника у с. Заветного в 1954—1955 гг., архив Бахчисарайского историко-археологического музея, стр. 48—49.

¹⁴ Об этом см.: П. Н. Шульц. Исследование Неаполя в 1945—50 гг., стр. 78; Е. В. Веймарн. К вопросу о виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму, архив отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР, стр. 3.

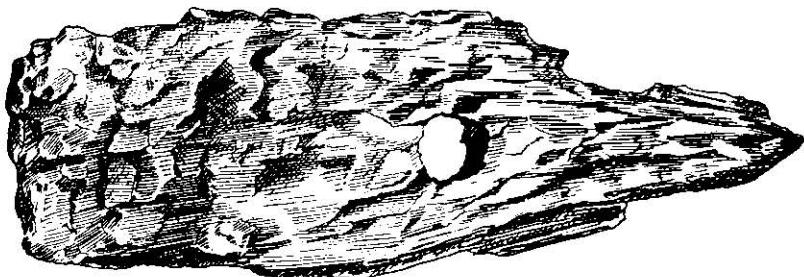

Рис. 3. Железная мотыга-кирка.

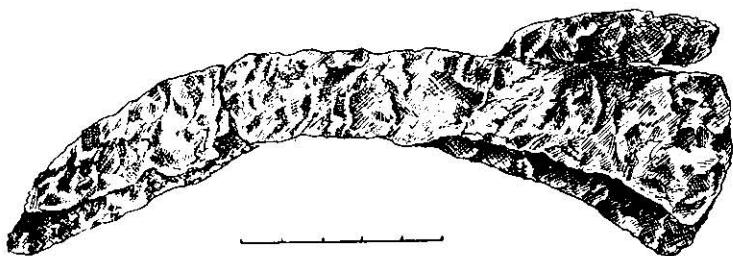

Рис. 4. Железные серпы.

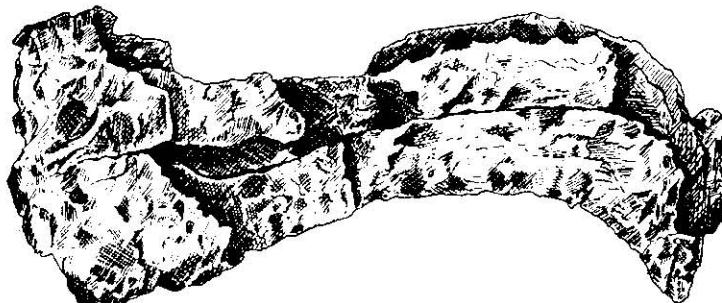
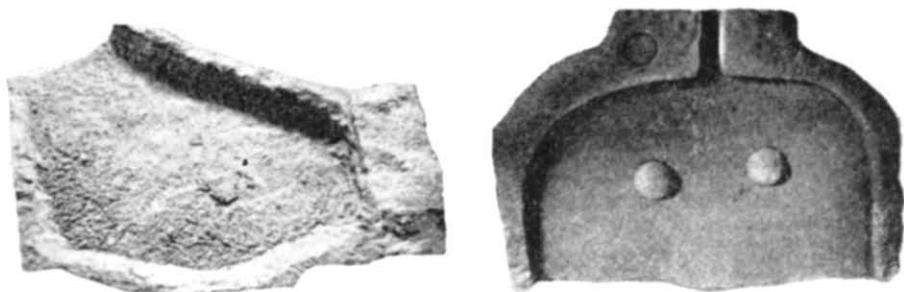

Рис. 5. Виноградный нож.

а

б

Рис. 6. Обломки каменных давилей.

Наряду с зерновым хозяйством и виноградарством жители городища занимались скотоводством. Среди костного материала преобладают кости мелкого рогатого скота — овцы и козы. Собранный за два года работ материал дает следующие процентные соотношения: овца и коза — 54%, корова — 24%, лошадь — 12%, свинья — 6%. Эти соотношения резко отличаются от данных, собранных Цалкиным по Неаполю скифскому, где преобладают кости лошади, составляющие 38,4% всех костей, собранных за пять лет¹⁵. Следует иметь в виду, что раскопки на Алма-Кермен только начаты и процентное соотношение видов животных может еще измениться, однако вряд ли лошадь у жителей небольшого поселения могла играть такую же роль, как в Неаполе¹⁶.

Дальнейшие исследования позволят полнее представить характер сельского хозяйства одного из небольших позднескифских укрепленных поселений Крыма. Вместе с данными по Неаполю скифскому и другим скифским городищам Крыма это даст возможность полнее выяснить вопрос о сельскохозяйственной базе позднескифского государства.

¹⁵ В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные из скифского Неаполя, СА, № 20, стр. 285.

¹⁶ Об этом см.: П. Н. Шульц, Исследование Неаполя в 1945—50 гг., стр. 79.

**НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ПОПОВКИ
на р. ХОРОЛЕ**

В. А. ТОВКАЧЕВСКИЙ

В мае 1957 г. на правом берегу р. Хорола, в 2 км от устья, северо-западнее с. Поповки, Велико-Крынковского района, Полтавской области, автором обнаружено неолитическое поселение.

Рис. 1. Поповка. Фрагменты керамики.

Находки собраны на узкой песчаной полосе размытого берега на высоте 3,0—3,5 м над летним уровнем воды. Здесь на протяжении 30—40 м найдено до 70 фрагментов керамики и несколько кремневых изделий.

Ниже даём характеристику материалов поселения¹.

Неолитическую керамику поселения можно разделить на две примерно равные в количественном отношении группы.

Первая группа (рис. 1, 1—4) представлена фрагментами сосудов слабого обжига с большой примесью травы в тесте. Найдено несколько фрагментов венчиков, плоское донышко (рис. 1, 4) и много обломков стенок. Цвет теста всех фрагментов черный в изломе, внешняя и внутренняя поверхности обычно гладкие, светло-желтые и темно-серые. Некоторые из венчиков имеют воротничковое утолщение, ниже которого помещалась полоса круглых вдавлений. На срезе некоторых из них заметны насечки или отиски гребенчатого штампа. Орнамент преимущественно гребенчатый, расположенный горизонтальными и реже вертикальными полосами. Донышко сосуда также орнаментировано отисками четырехзубого гребенчатого штампа в «елочку». Встречаются черепки с накольчатым орнаментом (рис. 1, 2). Несколько фрагментов с подтреугольным орнаментом отличаются от описанных выше присутствием в тесте мелкотолченой ракушки. Некоторую аналогию керамике первой группы из Поповки можно найти среди материалов днепро-донецкой культуры Украины. Она, в частности, сближается с глиняной посудой из Никольской Слободки под Киевом и Бондарихи на Сев. Донце².

Вторая группа (рис. 1, 5—7) представлена фрагментами сосудов из темно-серой глины с примесью мелкого песка. Толщина стенок от 5 до 8 мм. Обжиг сосудов хороший. Орнаментированы они глубокими ямочными композициями по всей поверхности. На внутренней стороне стенок образовались выпуклости. Заметны следы полосчатого сглаживания. Форма ямок различная: округлая, ромбовидная, овальная — в зависимости от положения штампа. Ямочный орнамент иногда чередуется с горизонтальными полосами гребенчатого штампа (рис. 1, 5). К этой группе керамики относятся также фрагменты, орнаментированные не глубокими отисками в «отступающей» манере (рис. 1, 7).

Керамике второй группы до некоторой степени отвечает посуда из поселений Скуносово на р. Сейм, Комсомольского на Сев. Донце и т. п.³

Кремневый материал поселения представлен несколькими небольшими скребками окружной и удлиненной формы (рис. 2, 1), проколкой, наконечником стрелы треугольной формы (рис. 2, 2) с выемкой в основании, небольшим кремневым сверлом и отщепами.

Изделия, как и отщепы, изготовлены из черного и пестрого кремня, вероятно, моренного происхождения.

Из характеристики описанных выше двух групп неолитической керамики может быть сделан вывод о наличии на поселении двух типов неолитической культуры — днепро-донецкой и культуры лесных племен с ямочно-гребенчатой керамикой.

¹ В описание включены находки, собранные в районе этого поселения учителем П. Г. Василенко в 1954 г.

² В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних лам'яток в районі Києва в 1949 р., АП, т. VI, 1957; Д. Я. Телегін, Неолітична стоянка в урочищі Бондариха, Археологія, т. IX, 1954.

³ Д. Я. Телегін, Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України, Археологія, т. XI, 1959, рис. 5.

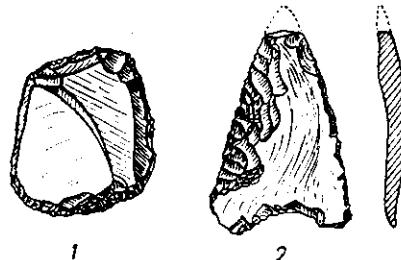

Рис. 2. Поповка. Скребок и наконечник стрелы из кремния.

ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫКА НА РАННЕТРИПОЛЬСКОМ СОСУДЕ ИЗ ОЗАРИНЕЦ

Т. Г. МОВША

Во время просмотра коллекции из раннетрипольского поселения у с. Озаринец, близ г. Могилева-Подольского, частично раскопанного в 1929 г. М. Я. Рудинским¹, внимание автора настоящего сообщения привлек обломок верхней части кухонного сосуда-корчаги с неизвестным ранее прочерченным изображением быка.

Корчага сделана из желтой глины с примесью шамота. Поверхность грубо слажена пальцами, от чего с наружной стороны имеются широкие, небрежно расположенные псевдоканнелюры. У края закругленного венчика — конусовидный налел.

Изображение быка схематично. Оно было прочерчено по сырой глине концом узкой костяной или деревянной палочки.

Фигурка небольшая (длина 2,7 см, высота 4,2 см), со слабо намеченной головкой и высокими (2,3 см), слегка изогнутыми внутрь рогами. Четко прочерчен только один рог. Туловище передано двумя изогнутыми бороздками. Длинные, широко расставленные ноги придают фигурке некоторую динамичность и создают впечатление идущего животного.

В зооморфном орнаменте трипольской керамики сюжет быка является основным. Однако, во всех до сих пор известных случаях изображения быков на сосудах выполнены в красках и относятся к более позднему времени, чем публикуемое. Таковы изображения быков, найденные на поселении Петрены², Бильче-Золоте³. Близок к ним и рисунок быка на сосуде с поселения Валени⁴ в Румынии.

Прочерченные рисунки с зооморфным сюжетом, за исключением сюжета змеи, известны только на позднем этапе трипольской культуры. К ним относятся миниатюрные рисунки животных, птиц, древа жизни, змеи на глиняных пряслицах из Райков⁵ и Паволочи⁶.

Стилистически изображение быка на сосуде из Озаринец близко к

¹ М. Рудинський, Поповогородський вияв культури мальованої кераміки, Антропологія, т. III, К., 1930, стр. 235—256. Матеріал храниться в Київському історическому музеї.

² Э. Р. Штерн, Доисторическая греческая культура на юге России, Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г., т. I, М., 1905, табл. VIII, IX.

³ С. Hadaczek, Osada przemysłowa w Koszyłowiec z epoki eneolitu, Lwów, 1914, альбом, табл. XIX, рис. 162; табл. XXI, рис. 190.

⁴ Nortensia Dumitrescu, Cercetări arheologice la Văleni (jud. Neamt), Studii și cercetări de istorie Veche, год I, т. II, 1950, стр. 40, фиг. 14, 1.

⁵ Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р., К., 1927, стр. 77, рис. XVI, табл. 3.

⁶ М. Л. Макаревич, Трипольське поселення біля с. Паволочі, АП, т. IV, 1952, стр. 100, 101, табл. II, рис. 11.

изображению оленя, высеченного на каменной плите, из Усатово⁷, а также к животным, нарисованным белой краской на черном фоне амфоры из Сэрата-Монтеору⁸.

В группе раннетрипольских памятников подобные изображения на сосудах до сих пор не были известны, хотя о широком распространении культа быка свидетельствуют глиняные фигурки, налепные головки, ро-

Изображение быка на обломке
кухонного сосуда.

га на сосудах, а также захоронения черепов домашних быков в жилищах (Лука-Врублевецкая⁹, Сабатиновка II¹⁰).

Прочерченный рисунок быка на кухонном сосуде из Озаринец является единственным. Наличие его указывает на то, что в зооморфном орнаменте трипольской керамики изображения змей и быка были наиболее древними.

⁷ А. Л. Монгайт, Археология в СССР, М., 1955, стр. 109.

⁸ Ion Nestor și Eugenia Zaharia, *Şantierul arheologic Sărata—Monteoru, Studii și cercetări de istorie veche*, т. VI, № 3—4, 1955, стр. 499, 500, фиг. 3.

⁹ С. Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевецкая, МИА, № 38, стр. 57, 266.

¹⁰ В. М. Даниленко і М. Л. Макаревич, Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипольському поселенні в 1949 р., АП, т. VI, 1956, стр. 136.

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ВОРСКЛЫ

Л. Ф. ЕВМИНОВА

(Белгород)

В течение ряда лет автором настоящей статьи производились археологические разведки в верхнем течении р. Ворсклы от с. Антоновки, Гайворонского района, до с. Стрелецкого, Тамаровского района, Белгородской области, и ее притока Готни с Локней. В ходе этих разведок в числе прочих памятников было выявлено значительное количество поселений времени поздней бронзы, представленных здесь культурами бондарихинского и малобудковского типов. Поселения этого времени расположены в речной пойме на песчаных островах в долине Ворсклы, на дюнных песках у края пойменной долины и на песчаных холмах — бывших наносных островах р. Ворсклы.

К числу памятников бондарихинской культуры относится поселение у с. Борисовка, Борисовского района, Белгородской области.

Поселение расположено на правом берегу р. Ворсклы на песчаной возвышенности, называемой Баландой, на мысе, окаймленном с трех сторон течением р. Ворсклы, впадающей в нее Гостенкой и старицей р. Ворсклы. Здесь на песках было найдено большое количество древней лепной посуды, кремневые отщепы и отбойник.

Керамика, характерная для данного поселения, сделана от руки. По составу глины и по форме сосудов она разделяется на две группы. К первой относятся обломки крупных, довольно толстостенных сосудов, сделанных из глины с примесью шамота и кварцевого песка. Поверхность шероховатая, с выступающими зернами шамота. Цвет черепков светло-коричневый с серыми и бурьими пятнами. Большинство найденных обломков принадлежит открытым горшкам крупных размеров с корпушом, слабо расширяющимся у пояса. Сужение шейки и выпуклость плеча выражены слабо. У некоторых сосудов венчик прямой, вертикальный. Днища небольшого размера.

Орнамент состоит из ямочных вдавлений, нанесенных концом косо поставленной палочки по всему сосуду горизонтальными рядами или без определенного порядка. Ямки овальные, удлиненные, полукруглые или четырехугольные.

Венчики сосудов бывают гладкие с округленным краем. Во многих случаях они украшены оттисками такого же штампа, какой имеет-ся на стенах сосуда, или косыми насечками.

На одном из фрагментов вместе с орнаментом в виде ямочных вдавлений, сделанных четырехугольной плоской лопаточкой, имеются нарезки и отпечатки гребенчатого штампа (рис. 1, 5).

Вторую, меньшую в количественном отношении группу составляют обломки сосудов из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка и небольшого количества шамота. Цвет черепков серый, поверхность хорошо заглаженная, как бы подлощенная. Стенки прямые. Орнамент состоит из врезных углубленных линий (рис. 1, б).

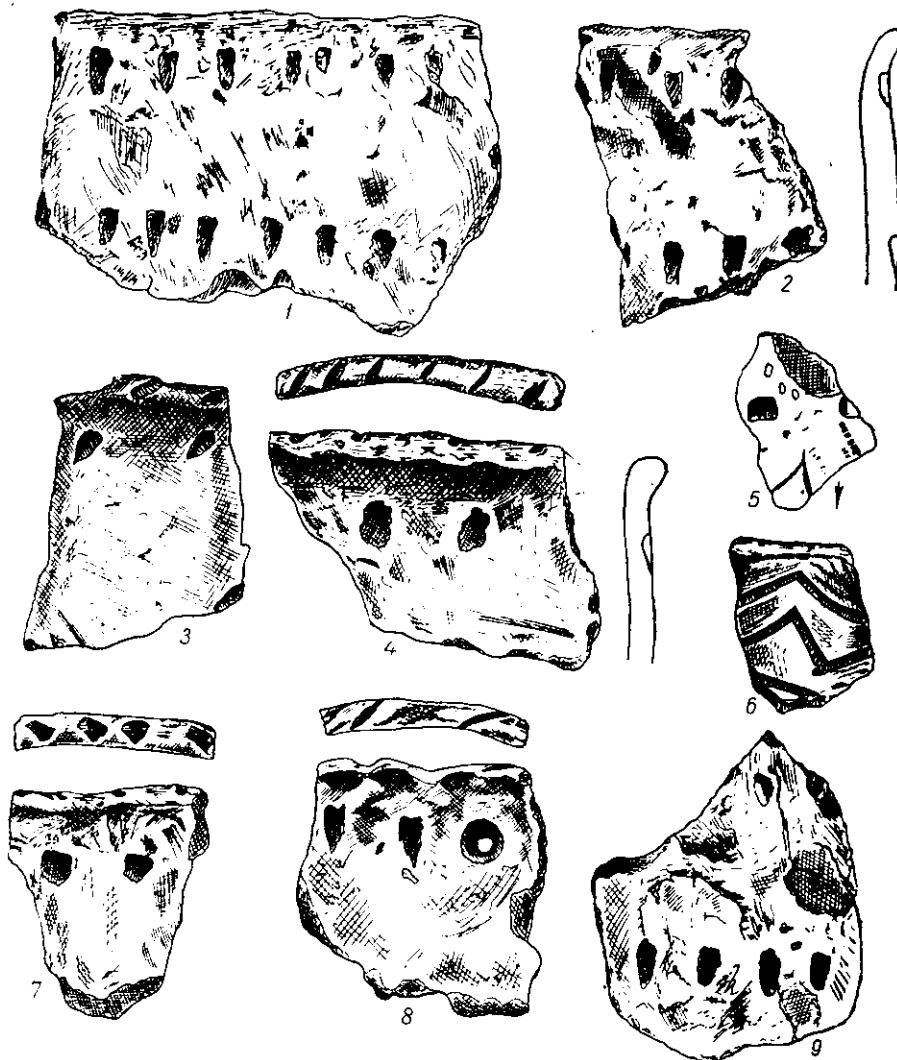

Рис. 1. Керамика бондарихинского типа из поселения в урочище Баланда у с. Борисовки.

В 700—800 м на северо-восток от поселения Баланда в урочище, называемом Междуречье, на дюнных песках берега р. Ворсклы возле впадения в нее р. Гостенки, находится поселение с керамикой бондарихинского и малобудковского типов. Черепки светло-коричневого цвета. На одном из обломков орнамент состоит из расположенных через правильные интервалы длинных рядов овальных вдавлений и вертикальных рядов мелкой зубчатой штриховки, покрывающей поверхность сосуда.

На другом фрагменте имеется три ряда глубоких параллельных зубчатых вдавлений и ряд глубоких овальных отпечатков, образующих крупные выпуклины с обратной стороны. Имеются фрагменты, украшен-

ные отпечатками мелкого зубчатого штампа, расположенного в виде пересекающихся линий или же под острым углом друг к другу, обломки, украшенные рядами зубчатых вдавлений, расположенных под углом друг к другу. Один черепок имеет треугольные вдавления под венчиком и мелкую зубчатую штриховку от венчика к днищу.

Керамика бондарихинского типа представлена в основном теми же формами и мотивами орнамента, что и на поселении Баланда. Это различные ямочные вдавления овальной, треугольной, круглой или четырехугольной формы, нанесенные концом палочки, расположенные горизонтальными рядами или в беспорядке по корпусу сосуда. Отпечатки щепочки с раздвоенным концом образуют оттиски в форме «гусиной лапки» и пр.

Поселения с керамикой бондарихинского и малобудковского типов имеются в с. Борисовке (улица Маршубовка) на дюнных песках левого берега р. Ворсклы, на земле стригуновского колхоза; в 2,5—3 км восточнее Междуречья в пункте Порубежное III, на небольшой песчанистой возвышенности, поднимающейся над заболоченным лугом правого берега р. Ворсклы; у с. Теплое (пункт Теплая III), Борисовского района, на мысу, покато поникающемуся к заболоченному лугу р. Ворсклы; в пункте Серетино II у с. Серетино, Тамаровского района, Белгородской области, на песчаном острове левого берега р. Ворсклы; у с. Пушкарного, этого же района, на песчаных холмах р. Ворсклы и во многих других пунктах, находящихся в аналогичных топографических условиях, вплоть до г. Гайворона. Густота расположения поселений свидетельствует о значительной заселенности верхнего течения р. Ворсклы в эпоху поздней бронзы. Культура племен, обитавших здесь в эпоху бронзы, очень близка культуре племен, живших в бассейне Сев. Донца (пункты Бондариха, Оскол) ¹, Ворсклы (пункты Хухры, Ницаха) и Сулы (поселения у с. Малые Будки).

Племена поздней бронзы верхнего течения р. Ворсклы были, бесспорно, генетически связаны с племенами, обитавшими позднее на деснянских городищах ².

¹ В. А. Ильинская, К вопросу о происхождении культур раннего железного века в левобережной Лесостепи, КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 14; ее же, Раскопки поселений бондарихинской культуры у с. Оскола, КСИА, вып. 8, 1959, стр. 80; Г. Т. Ковиленко, Поселения периода поздней бронзы и раннего залита поблизу Охтирки, Археология, т. XI.

² М. В. Воеводский, Городища верхней Десны, КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 67; Н. В. Трубникова, К вопросу о Юхновском городище, Труды ГИМ, VIII, 1938.

ТИГЛИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. ПЕТРОВ, Н. М. КРАВЧЕНКО

Во время раскопок поселения черняховской культуры, производившихся в 1958 г. отрядом Древнерусской экспедиции Института археологии АН УССР у с. Радуцковки, Градижского района, Полтавской области, были найдены два глиняных тигля для плавки металла. Оба тигля лежали вместе на глубине 0,4—0,5 м в черноземном слое, содержавшем культурные остатки черняховского типа, характерные для всего поселения. На расстоянии около 2 м к юго-востоку от этой находки, на этом же уровне были открыты остатки жилища черняховской культуры. К сожалению, сами тигельки не были связаны с определенным комплексом находок производственного назначения. Они были обнаружены вне сооружения, и среди сопутствующих находок не имелось остатков, относящихся к металлургическому производству.

Керамика, обнаруженная возле тиглей, представлена обломками кружальных сосудов обычных черняховских форм. Среди них фрагменты мисок черного и желтого цвета, в том числе часть стенки чернолощеной миски с проложенным ромбическим орнаментом; стенки крупного сосуда с мажущейся поверхностью, обломки горшков, среди которых следует отметить фрагмент с прямой, четко профицированной шейкой, отделенной от плеча уступом. Днища сосудов трех типов: непрофилированные, на подставной плитке, а также с кольцевой ножкой (последние от больших серолощеных мисок).

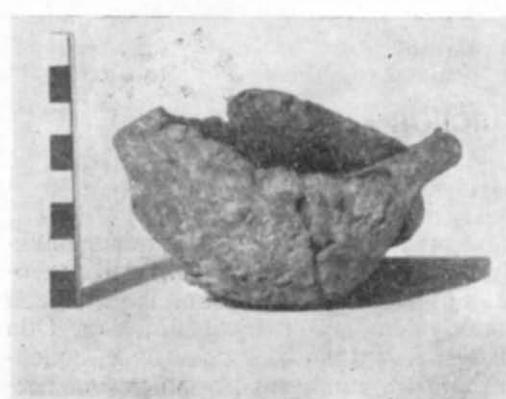
Наряду с фрагментами гончарной керамики имеется несколько обломков лепных сосудов. Один из них крупных размеров, черного цвета, с отогнутым наружу венчиком и с прямыми, расширяющимися к поясу стенками. Тут же были найдены глиняные грузила пирамидальной формы со следами от рыболовных сетей.

Описанная керамика, как и все прочие находки, позволяет отнести поселение у с. Радуцковки к памятникам черняховского типа, датируемым обычно второй четвертью I тысячелетия н. э.

Оба тигля имеют овально-продолговатую, ладьевобразную форму, с округлым днищем и двумя отверстиями. Одно отверстие, широкое и удлиненное, находится в верхней части; другое, круглое,— в вытянутом носике на узком конце тигля, на противоположной стороне имеется небольшая плоская ручка. Глина темно-серого цвета, с бугристой поверхностью, нижняя часть тигля ошлакована. Размеры обоих тиглей одинаковы: высота 6 см, длина 10 см, ширина 6 см, диаметр отверстий 0,4 и 0,8 см.

Подобные тигли для плавки металла были известны до сих пор в небольшом количестве, главным образом в памятниках времени Киевской Руси. В качестве аналогии отметим находку тиглей при раскопках 1937 г. мастерской на территории усадьбы Петровского близ Деся-

тинной церкви в Киеве (XIII в.). Эти тигли имеют такое же устройство и форму, как и найденные в Радуцковке, но они меньших размеров¹. Опубликованные Н. Н. Ворониным литейные тигли из древнего Гродно (XI—XIII вв.) несколько отличаются по форме от наших. Они похожи на чашу с яйцевидным дном и имеют всего лишь одно широкое отверстие². Близки к радуцковским по форме и устройству тигельки из Ново-Троицкого городища (IX в.), раскопанного И. И. Ляпушкиным (жилища № 18 и № 40)³. Помимо перечисленных, известны тигли, найденные на Плисненском (фонды ИА АН УССР) и Григоровском (фонды Гос. Эрмитажа) городищах⁴.

Тигель для плавки металла из с. Радуцковки.

Найдены также на смежных территориях Польши. Таковы, например, тигли в форме раковины, происходящие из с. Пивоницы на р. Просне близ г. Кашира⁵, и тигли, найденные на Замковой горе в г. Щецине⁶.

Приведенные данные говорят о том, что технические приемы и способы плавки на протяжении I тысячелетия были весьма устойчивы. В течение всего этого времени вплоть до XI—XIII вв. в плавильном деле применялись тигли тех же форм и того же устройства.

До сих пор в черняховской культуре, в результате раскопок керамических обжигательных печей, было засвидетельствовано хорошо развитое гончарное производство. В свете последних находок становится ясным, что не только гончарные изделия, но и изделия из цветных металлов (фибулы, пряжки, подвески, иглы и пр.) изготавливались на месте.

Так, постепенно накапливаясь, открываются перед нами разнообразные источники, позволяющие, с одной стороны, установить наличие местного ювелирного производства в Поднепровье в первой половине I тысячелетия н. э. на этапе черняховской культуры, и, с другой стороны, проследить отдельные звенья в развитии местного ремесла, начиная с первых столетий нашей эры вплоть до времени Киевской Руси, до XI—XIII вв.

¹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 401, рис. 92.

² Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, МИА, № 41, 1954, стр. 69, рис. 39, 1, 2.

³ И. И. Ляпушкин. Новотроицкое городище, МИА, № 74, 1958, стр. 82, 84, 118, 121, 217, рис. 54, 3 и 80, 2; табл. XC, 1—5.

⁴ Там же, стр. 218.

⁵ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность М. А. Тихановой и Э. А. Сымоновичу за любезное разрешение упомянуть здесь о находках из с. Лепесовки и с. Журавки.

⁶ Krzysztof Dąbrowski i Iwona Ślaska, Lyżka odlewnicza ze wsi Piwonice, pow. Kalisz, Wiadomości Archeologiczne, т. XXIII, 2, Warszawa, 1956, стр. 213—215.

⁷ A. Kietlińska, Lyżka odlewnicza na górze Zamkowej w Cieszynie, Wiadomości Archeologiczne, т. XXII, Warszawa, 1955, стр. 216—217.

НОВЫЕ ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ СВЕТИЛЬНИКОВ

Р. Н. ВЫЕЗЖЕВ

Судя по материалам раскопок и летописным сведениям, древнерусские жилища освещались лучиной или глиняным светильником, а в зажиточных семьях — свечами.

Железные светцы — подставки для лучин — встречаются при раскопках некоторых древнерусских городов, например в Суздале¹, но неизвестны среди одновременных памятников юго-западной Руси.

Древнерусские глиняные светильники впервые обнаружены в конце XIX в. в домонгольском слое Киева. Все они были одного типа, который получил название киевского. Встречаются эти светильники также на городищах юго-западной Руси, известны и за ее пределами. М. К. Каргер отмечает находки светильников киевского типа в Смоленске и Старой Рязани².

В результате изучения керамики, найденной при раскопках Малого городища в с. Городске, Коростышевского района, Житомирской области, в 1946—1958 гг., нами были обнаружены светильники двух новых типов, изготовленные на ручном гончарном круге.

Тип 1. Светильник цилиндрической формы, с плоским круглым дном, выступающим за пределы стенок. Известны три экземпляра таких светильников.

Два экземпляра, найденные на Малом городище, имели следующие размеры. 1-й экземпляр — высота стенок 2 см, толщина 0,8 см, диаметр устья 12 см. Дно толщиной 0,7 см имеет диаметр 15,7 см и выступает за пределы стенок на 1 см (рис. 1, 1).

2-й экземпляр — высота стенок 2,5 см, толщина 0,7 см, диаметр устья 7,2 см. Дно толщиной 0,7 см имеет диаметр 11,6 см и выступает за пределы стенок на 1,2 см.

На городище в с. Колодяжном, Дзержинского района, Житомирской области, в 1948 г. был найден светильник этого типа, но значительно большего размера, чем описанный выше. Приводим его размеры: стенки высотой 4,5 см имеют толщину 0,6 см, диаметр устья сосуда 12 см. Дно толщиной 1,5 см имеет диаметр 19 см и выступает за пределы стенок на 2,9 см (рис. 1, 2). Благодаря своей необычной форме он был опубликован без определения функционального назначения³.

Тип 2. Светильник этого типа представляет собой острореберную

¹ Н. Н. Воронин, Жилища, сб. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 231, рис. 144.

² М. К. Каргер, Древний Киев, М.—Л., 1959, стр. 451.

³ В. К. Гончаров, Роботи Волинської експедиції 1948 р., АП, т. III, 1952, табл. II, 5. Этот светильник отличался грубой обработкой и был сделан на медленном ручном круге.

мисочку небольшого размера. Известны два экземпляра этих светильников, различные по своим размерам; оба найдены на Малом городище⁴.

Одна мисочка имеет высоту 3,4 см, диаметр устья 10,3 см. Стенки пологие, толщиной 0,4 см, образовывают у венчика острое ребро, венчик прямой, высотой 1,1 см, диаметр дна 6,8 см (рис. 1, 3).

Вторая мисочка высотой 3,9 см имеет диаметр устья 7,5 см. Стенки крутые, толщиной 0,5 см, образовывают у венчика острое ребро. Пле-

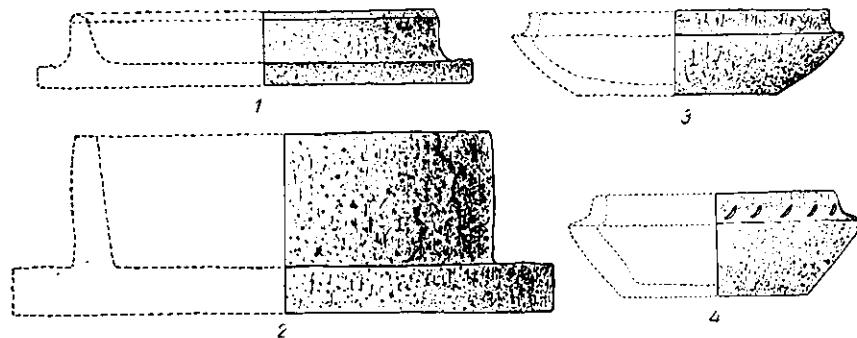

Рис. 1. Древнерусские светильники новых типов.

чики украшены косыми насечками. Венчик прямой, высотой 0,8 см, имеет следы нагара. Диаметр дна 6,7 см (рис. 1, 4).

Найденные на древнерусских городищах Городска, Колодяжного и Белополья новые типы светильников свидетельствуют о разнообразии их форм и широкой распространенности в быту городского населения древней Руси.

⁴ Близкий по форме светильник в виде мисочки был найден в 1959 г. во время раскопок летописного города Вырь, расположенного на территории райцентра Белополье, Сумской области (В. А. Богусевич, Дневник Белопольской экспедиции ИА АН УССР 1959 г., научный архив ИА АН УССР).

ДРЕВНЕРУССКИЙ МОГИЛЬНИК В с. ЗБУЖЕ

Г. М. ВЛАСОВА

(Львов)

В 1958 г. экспедицией Львовского исторического музея¹ были произведены раскопки на курганном могильнике в с. Збуже, Деражненского района, Ровенской области.

Могильник расположен на высоком левом берегу старого русла р. Горыни в урочище «Турия». Часть курганов на краю берега повреждена обвалами. Могильник разделен на северо-восточную и юго-западную части глубокой ложбиной, по которой проходит дорога Збуж—Жалев.

К моменту работы экспедиции из зафиксированных в конце XIX в. 50 курганов² сохранилось только 18, из которых 15 находилось в северо-восточной части могильника (№ 1—15), а 3 — в его юго-западной части (№ 16—18).

Большая часть курганов распахана. На нераспаханной части плато курганы имеют высоту от 0,5 до 1,3 м, диаметр от 4 до 9 м.

Исследовано семь курганов, из них шесть в северо-восточной и один в юго-западной части могильника.

Насыпь курганов ниже дернового слоя (толщина 0,2 м) состояла из серого песка, в котором встречались обломки керамики, куски железного шлака, обожженные и необожженные камни.

В шести из семи исследованных курганов засвидетельствован обряд трупоположения, в одном — неполное трупосожжение.

В погребениях с трупоположениями кости лежали на уровне древнего горизонта, на глубине от 0,6 до 0,9 м от поверхности, на спине, вытянуто, с руками,ложенными вдоль тела. В одном случае руки погребенного были скрещены на груди (курган № 1).

Все погребения находились в центральной части курганов.

В двух курганах (№ 1, 12) имелись впускные погребения.

Ориентировка костяков разная: головой на юг (основные погребения в курганах № 1, 12), юго-запад (курган № 8), северо-запад (курган № 5), северо-восток (курган № 7), на запад (впускные погребения в курганах № 1, 12 и захоронение в кургане № 17).

Трупосожжение в кургане № 4 было совершено на уровне древнего горизонта. Костяк лежал в вытянутом положении головой на юг. По бокам вдоль костяка и над ним (по линии С—Ю) лежали сильно обгоревшие дубовые и сосновые брусья длиной 1,8 м, толщиной 0,1—0,15 м, отчетливо сохранившие следы поперечных зарубок и нарезов наилой. В ногах костяка и в средней его части брусья лежали поперек.

¹ В состав экспедиции входили И. К. Свешников (руководитель) и Г. М. Власова.

² Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 44.

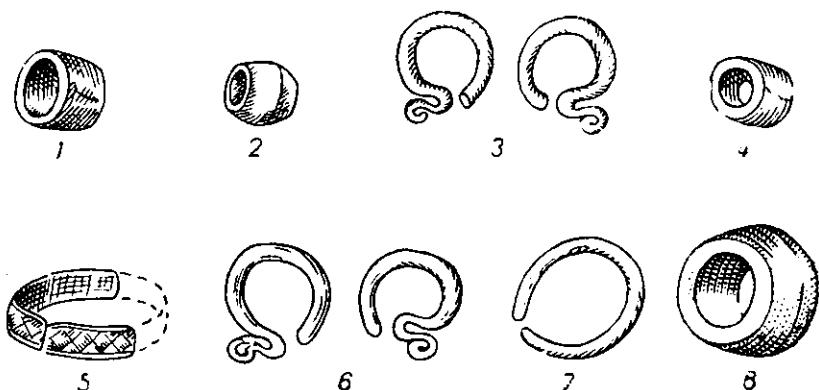

Рис. 1. Сопровождающий инвентарь из курганных погребений в с. Збуже.

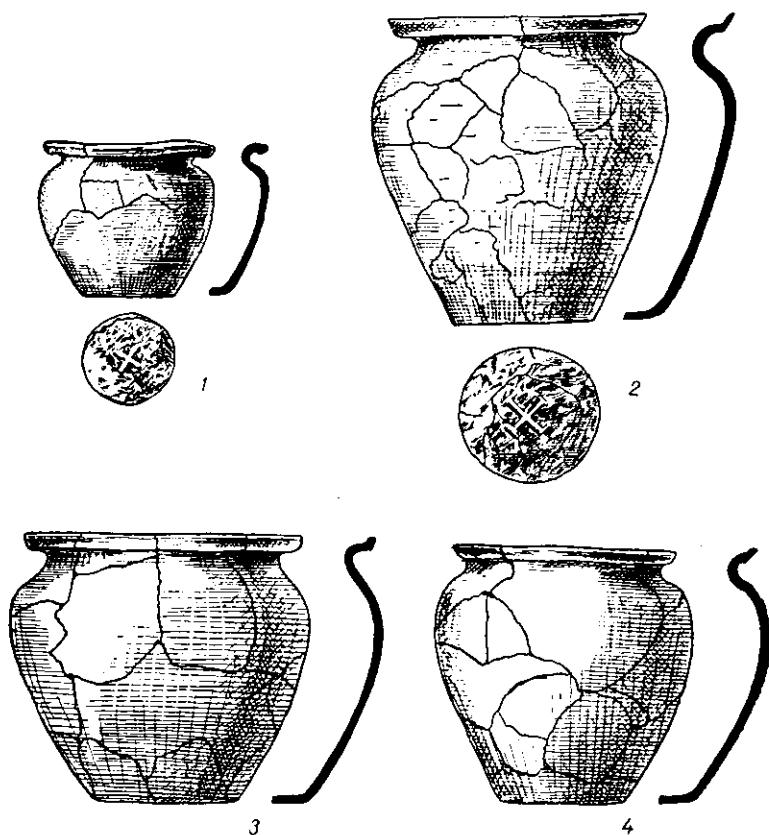

Рис. 2. Керамика из насыпей курганных погребений в с. Збуже:
1, 2, 3 — из кургана № 8; 4 — из кургана № 17.

Под костяком имелся тонкий слой древесного угля. Следы костра прослежены на площади $1,30 \times 2,85$ м, толщина кострища 0,45 м. Сохранившиеся остатки деревянной конструкции свидетельствуют о том, что после неполного сожжения тлеющий костер был засыпан насыпью кургана.

При погребении № 7 найдены: стеклянная цилиндрическая бусина, обернутая тонкой серебряной пластинкой, покрытой сверху слоем прозрачного стекла (рис. 1, 1), пастовая биконическая бусина (рис. 1, 2), два серебряных эсовидных височных кольца (рис. 1, 3); при погребении № 8 оказались стеклянная цилиндрическая бусина (рис. 1, 4), фрагмент бронзового перстня, орнаментированного рядом ромбов и точек (рис. 1, 5); при погребении № 12 — три серебряных височных кольца (рис. 1, 6, 7), из которых два эсовидных (рис. 1, 6), и шиферное прясле (рис. 1, 8).

В кургане № 12 найден железный гвоздь с широкой головкой. Два подобных гвоздя обнаружены при погребении в кургане № 17.

Керамика из насыпи представлена обломками лепных и изготовленных на круге сосудов. Четыре кружальных сосуда удалось полностью реставрировать. Они изготовлены из глины с примесью песка и представляют собой обычный тип древнерусского горшка с раздутыми плечиками и закраинкой на внутренней стороне венчика для упора крышки. Край венчика круглый или треугольный в сечении. Сосуды не орнаментированы, на днищах двух из них имеются клейма в виде вписанного в круг крестика (рис. 2, 1) и в виде крестика с поперечными линиями на концах (рис. 2, 2).

Фрагментов лепных сосудов встретилось очень мало, восстановить их форму не удалось.

Погребения в курганах у с. Збура относятся к так называемому волынскому типу, распространенному в основном на территории нынешних Волынской и Ровенской областей и встречающемуся, наряду с грунтовыми захоронениями, на территории Станиславской и Тернопольской областей³.

Горшки из насыпей збужских курганов датируются XI в.

Из сопровождающего инвентаря заслуживают внимания серебряные эсовидные височные кольца, также относящиеся главным образом к XI в. Эти украшения были распространены на территории современных западных областей УССР и в соседних, более западных славянских землях. В могильнике у с. Оршишовец на территории Польши подобные височные кольца найдены вместе с монетой польского князя Казимира I (1038—1058 гг.)⁴.

Таким образом, могильный инвентарь позволяет датировать погребения XI в. К этому же времени относится и керамика из насыпей.

Курганный могильник в с. Збуж позволяет уточнить датировку Волынских курганов, время которых определялось Е. Н. Мельник в рамках VII—X вв.⁵

³ О. Ратич, Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР, К., 1957, стр. 5—15, 32—58, 59—72. В конце прошлого века волынские курганы широко исследовались Е. Н. Мельник (Труды XI АС, т. I, стр. 479 и сл.), В. Б. Антоновичем и рядом других археологов (Труды XI АС, т. I, стр. 35, 66, 135).

⁴ F. T o g c z y n s k i , Groby rzędowe kamienne w pow. Płoskim, t. III, Swiatowit. 1901, стр. 30—32, табл. XI, 1, 5, 6.

⁵ Е. Н. Мельник, Раскопки в земле Лучан, Труды XI АС, т. I, стр. 512.

*A. GARDAWSKI, PLEMIONA KULTURY TRZCINIECKIEJ
W POLSCE, MATERIAŁY STAROŻYTNE, t. 5, Warszawa, 1959,
стр. 7—190, 76 табл.*

В последние годы среди советских и зарубежных археологов широко распространена теория, согласно которой в носителях тишинецкой культуры видят праславян.

В связи с этим вполне понятен интерес к недавно вышедшей работе польского археолога А. Гардавского, посвященной монографическому исследованию этой культуры.

Находясь в центре одной из самых важных и злободневных проблем древней истории Восточной Европы, тишинецкая культура уже давно привлекала и привлекает сейчас внимание многих археологов. Среди них в первую очередь следует назвать таких исследователей, как И. Костржевский, В. Антоневич, К. Язджевский, Т. Рейман, С. Но-сек и ряд других.

Однако в большинстве случаев их работы носят либо публикационный характер, либо посвящены более или менее частным вопросам и не дают о культуре цельного впечатления.

Работа А. Гардавского выгодно отличается от такого рода исследований. В ней впервые сведены воедино все имеющиеся в настоящее время в Польше памятники тишинецкой культуры, как уже опубликованные, так и не известные ранее. В этом смысле работа представляет собой довольно полный свод, снабженный к тому же значительным количеством хороших иллюстраций.

И все же главная заслуга автора не в этом. Она состоит прежде всего в том, что в его исследовании тишинецкая культура впервые рассмотрена на широком историческом фоне среди многих синхронных культур. Автор ставит и по мере возможности пытается ответить на такие вопросы, как распространение, датировка, сложение и дальнейшая судьба тишинецкой культуры.

Работа состоит из пяти глав, вступления и заключения.

Первая глава посвящена краткому описанию памятников. Во второй главе дается анализ археологического материала по группам: а) поселения, б) могильники, в) керамика, г) иной инвентарь. В третьей главе рассматривается хронология тишинецкой культуры. Четвертая и пятая главы посвящены вопросам сложения, этнической принадлежности, хозяйства и общественной организации тишинецких племен.

Большой интерес вызывают представления автора о территории распространения тишинецкой культуры (табл. II). Как известно, прежними исследователями эта культура в основном локализировалась в северных районах Польши между Одером и Зап. Бугом. При этом памятники, встречающиеся на территории Украины, рассматривались как результат проникновения отдельных племен с запада или с юга (из области Поднестровья), где была распространена близкая тишинецко-комаровская культура.

Знакомство с материалами, хранящимися в музеях Украины и в фондах Института археологии АН УССР, привело А. Гардавского к выводу о их близости с соответствующими материалами Польши и заставило признать существование тишинецкой культуры также и в северных районах Украины (в Поднепровье и бассейне Припяти). В результате восточная граница распространения тишинецкой культуры проведена им вдоль левого берега Днепра, что, кстати, соответствует представлениям о ней украинских исследователей¹.

Изучение большого количества памятников, имеющихся в настоящее время в Польше, и в первую очередь анализ керамики, привело автора к мысли о возможности выделения здесь четырех территориальных вариантов: 1) любинского, 2) онатовского, 3) люблинского, 4) мазовецко-подлянского (стр. 19—83).

Кроме того, в работе намечены хронологические различия, данные также главным образом на основании изменений в керамике.

Оценивая эту часть работы, нужно сказать, что если отличия в керамике просле-

¹ І. К. Свешніков, Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Полісля, Львів, 1958, стр. 21.

живаются отчетливо и свидетельствуют о существовании различных культурных вариантов на территории Польши, то попытка подчеркнуть их на основании различий погребального обряда выглядит в работе недостаточно убедительно. Из приведенных автором данных яствует, что для люблинской группы характерны курганы и плоские могильники, для опатовской — курганы, плоские могильники и обряд трупосожжения, для лублинской — также курганы и плоские могильники, а для мазовешко-подляской группы — обряд погребения остался невыясненным. Таким образом, по существу, погребальный обряд всех групп близок и на всей территории распространения тишинецкой культуры характеризуется одними и теми же чертами.

В данной связи необходимо отметить, что и на Украине, в районах распространения памятников тишинецкой культуры имеет место близкий погребальный обряд, для которого также характерны захоронения в курганах и трупосожжение². Очевидно, именно близость погребального обряда, а не различия в нем, предстаивает в данном случае особый интерес. Учитывая эту общность, можно говорить об этническом родстве этих племен, хотя они, естественно, и имели определенные различия в быту, в частности, в керамике.

Говоря о хронологических различиях, автор высказывает интересную мысль о том, что наиболее ранние памятники тишинецкой культуры связаны с восточными районами ее распространения, то есть с Украиной, прежде всего с Поднепровьем.

В связи с описанием различного типа погребальных обрядов, характерных для тишинецких племен в Польше, А. Гардавский рассматривает вопрос возникновения у них обряда трупосожжения.

Критически относясь к гипотезе, согласно которой обряд трупосожжения исходит якобы из одного источника, автор все же считает, что обычай сжигать покойников проник в среду тишинецких племен откуда-то со стороны, вероятнее всего из района средней Вислы, где он якобы был распространен в более раннее время (стр. 88—89).

В решении данного вопроса должно быть учтено еще одно обстоятельство, игнорируемое автором.

Как уже отмечалось, в восточных районах, занятых тишинецкой культурой, и прежде всего в Поднепровье, обряд трупосожжения был также широко распространен. Вместе с тем для его появления здесь нет необходимости в каких-либо заимствованиях, так как на данной территории обычай сжигать покойников имеет давние и устойчивые традиции, связанные с такими культурами предшествующего времени, как софиевская и среднеднепровская. Таким образом, очевидно, нет никаких оснований отдавать предпочтение южному, а не восточному центру, из которого, возможно, в тишинецкой культуре и распространился обряд трупосожжения.

Одним из удачных мест работы представляется раздел о хронологии тишинецкой культуры (стр. 102—143).

Автором проделана большая работа по установлению абсолютной и относительной датировки культуры. Для этого им привлечены и использованы самые различные доказательства: стратиграфические данные, датирующие вещи, взаимоотношения с более ранними, более поздними и синхронными культурами. При установлении абсолютной хронологии автор использует датированные археологические комплексы побережья Эгейского моря, Малой Азии и Месопотамии, привлекая в качестве связующего звена материалы Балканского полуострова. В результате предложенная А. Гардавским датировка тишинецкой культуры (1650—1250 гг. до н. э.) выглядит вполне обоснованной (стр. 146—147).

Особенно важно установление им нижней хронологической границы тишинецкой культуры, в определении которой до сих пор существуют различные и притом достаточно противоречивые суждения. Однако автор не учитывает при этом того, что сдава ли исчезновение рассматриваемой им культуры на всей территории относится к одному и тому же времени. Очень вероятно, что процесс исчезновения, как и процесс сложения тишинецкой культуры (о чем много пишет сам автор), продолжался длительное время и на отдельных территориях, в частности в Поднестровье, особенно затянулся.

Автор много места уделяет проблеме сложения тишинецкой культуры, и все же сдава ли этот безусловно очень сложный вопрос можно считать удачно решенным. А. Гардавский подходит к нему в плане выяснения взаимоотношений тишинецкой культуры со всеми культурами, занимающими данную область в предшествующий период. Так, детально рассмотрены связи с культурами: воронковидных кубков, шаровидных амфор, унтицкой, жуцевской, гребенчатой и многими другими. Автор приходит к выводу, что между ними и тишинецкой культурой имеются сходные черты, дающие основание полагать, что последняя сложилась в результате развития целого ряда культур. Если в принципе такой подход к пониманию сложения археологической культуры вообще и возможен, то в отношении удивительно однородной на всей территории распространения — тишинецкой культуры трудно представить, что она возникла из подобного конгломерата различных по своему облику и, очевидно, этническому составу культур.

Чувствуется, что и самого автора предложенное им решение не вполне удовлетворяет, поэтому из многих культур он пытается все же выделить одну, которая могла бы служить основой для сложения тишинецкой культуры.

² О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. Археологія, т. II. 1948

Таковой А. Гардавский считает культуру гребенчатой керамики, на связях с которой он подробно останавливается и в данной работе, и особенно в другой статье, специально посвященной культуре гребенчатой керамики³.

Для того чтобы представить себе, что предлагает автор считать основой тишинецкой культуры, необходимо кратко остановиться на этой его статье.

Сущность ее заключается в том, что на обширной территории от Эльбы до Днепра автор выделяет культуру, датируемую 2000—1500 гг. до н. э. и названную им эльбоднепровской.

Выделение этой культуры произведено на основании материала 250 дюнных стоянок, на которых, по словам самого автора, всегда встречалась керамика самого различного типа⁴.

Автор выделяет в этой культуре две фазы: 1) раннюю и 2) позднюю. Ранняя фаза представлена очень небольшой группой керамики в основном с гребенчатой орнаментацией, находящей себе полные аналогии в украинских памятниках так называемого днепро-донецкого неолита⁵.

Автор, по-видимому, совершенно прав, настаивая на близости старшей фазы выделяемой им культуры с украинским днепро-донецким неолитом, как прав и в том, что связывает появление этих немногочисленных памятников в Польше с проникновением их с востока, из района Поднепровья, где выделенная и уже достаточно хорошо изученная украинскими археологами культура днепро-донецкого неолита насчитывает сотни памятников, занимающих обширную территорию лесостепной Украины⁶.

Однако культура днепро-донецкого неолита достаточно обоснованно датируется концом IV—началом III тысячелетия до н. э. К этому же времени должна также относиться и старшая фаза выделяемой А. Гардавским культуры. Таким образом, хронологический разрыв между этими памятниками и памятниками тишинецкой культуры настолько велик, что какая-либо непосредственная связь между ними представляется мало правдоподобной.

Что же представляет собой вторая, младшая фаза культуры гребенчатой керамики, которая, по мнению А. Гардавского, играет основную роль в сложении тишинецкой культуры? Ее выделение автор начинает с того, что по фрагментам реконструирует восемь типов посуды, которые должны составить основу керамического комплекса. Однако буквально все названные типы посуды имеют аналогии в керамике культуры шаровидных амфор, воронкообразных кубков, линейно-ленточной культуры и т. д. Таким образом, отсутствует основная и ведущая керамическая форма, которая бы доминировала в количественном отношении и не находила бы для себя прямых аналогий в других культурах (стр. 292—299).

В орнаментации посуды, так же как и в ее формах, отсутствует какое-либо заметное своеобразие и специфика. В частности, узор, нанесенный гребенчатым штампом, вовсе не составляет здесь преобладающего или даже значительного орнаментального мотива.

Среди других керамических изделий, которые автор считает характерными для младшей фазы гребенчатой культуры, он называет глиняные фигурки животных и очень своеобразные изделия, напоминающие «маленькие рогатые» булавы или прядла. Однако едва ли эти предметы можно считать характерными для гребенчатой культуры. Достаточно хорошо известно, что фигурки животных часто встречаются в культуре воронкообразных кубков и в особенности в ее малопольской группе. Учитывая возможность смешанного состава культурного слоя на дюнах, не исключено, что упомянутые фигурки должны быть отнесены именно к этой культуре. Такое же положение и с «рогатыми» булавами. На Украине они встречены на двух поселениях и при одном погребении тишинецкой культуры (Теклино, Народичи, Мошны)⁷.

Судя по этим фактам, «рогатые» прядла нужно связывать и в Польше не с гребенчатой, а именно с тишинецкой культурой.

В отношении металлических, кремневых и каменных изделий А. Гардавский пишет, что их специфику для выделяемой им культуры уловить не удалось. Как исключение он называет каменные топоры в форме сапожной колодки. В доказательство их принадлежности к культуре гребенчатой керамики автор говорит, что якобы такие топоры во многих случаях встречены на Украине совместно с подобной керамикой. Но, во-первых, нам не известно ни одного случая, когда бы на стоянках гребенчатого неолита были встречены подобные топоры и, во-вторых, в Польше они действительно ширококо распространены, но в культуре линейно-ленточной керамики.

³ A. Gardawski, Zagadnienia kultury «Ceramiki grzebykowej» w Polsce, Wiadomości archeologiczne, t. XXV, z. 4, Warszawa, 1958, стр. 287—313.

⁴ Там же, стр. 287—288.

⁵ Д. Я. Телегін, Неолітичні пам'ятки Києва та його околиць, Вісник АН УРСР, 1956, № 3.

⁶ Нариси стародавньої історії Української РСР, К., 1957, стр. 41 и сл. (Здесь она называется культурой гребенчато-накольчатой керамики).

⁷ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ мелкотечка Смели, г. III, СПб., 1901; Ф. Левицкий, Стация в урочищі Піщаному біля Народич, Антропологія, т. IV, К., 1930, стр. 191—232; В. А. Ильинская, Комаровское поселение у с. Мошны, КСИА, вып. 10, 1960.

Таким образом, из данных, которыми оперирует автор, становится ясно, что выделенная им культурная группа позднего этапа гребенчатой керамики не имеет достаточно четких признаков, которые бы сделали ее выделение закономерным. Во всяком случае с полной уверенностью можно сказать, что на территории Украины, где автор распространяет ее до Днепра, такой культуры нет.

В связи с этим, естественно, трудно говорить о ее близости к тшинецкой культуре и еще труднее представить эту культуру в виде той генетической основы, на которой сложилась тшинецкая культура. Таким образом, возвращаясь к содержанию рассматриваемой работы, нужно сказать, что, на наш взгляд, вопрос о происхождении тшинецкой культуры остался в ней неразрешенным.

В заключение разбора этой части исследования следует сказать, что в нем не учитывается одно обстоятельство, позволяющее подойти к сложению этой культуры с совершенно новых позиций.

Как уже отмечалось, по мнению самого автора книги, наиболее ранние тшинецкие памятники связаны с восточными районами территории ее распространения и, прежде всего, с Поднепровьем⁸. В настоящее время количество обнаруженных и исследованных памятников на этой территории все увеличивается. Уже сейчас совершенно ясно, что сравнительно небольшое количество памятников тшинецкой культуры на территории северной Украины объясняется только недостаточной исследованностью этих районов.

Еще в 1948 г. Т. С. Пассек была высказана мысль⁹, впоследствии поддержанная и развитая В. Д. Рыбаловой¹⁰, о связи всей или отдельных вариантов тшинецко-комаровской культуры на Украине с поздним трипольем, иными словами, о ее местном происхождении. Сказанное дает основание ставить вопрос о продвижении тшинецкой культуры не с запада на восток, как об этом принято писать в польской литературе, а в обратном направлении, то есть с востока на запад.

В последних двух главах автор, привлекая и анализируя имеющиеся в его распоряжении материалы, характеризует различные стороны хозяйства и общественной жизни племен тшинецкой культуры.

Однако сдва ли всякое археологическое исследование должно и, главное, может ответить на все вопросы хозяйственной и социальной жизни общества, материальной культуры которого посвящено исследование. Этот вопрос, в частности, возникает при чтении работы А. Гардавского.

Крайне незначительное количество стационарно исследованных памятников и, прежде всего, поселений не дает возможности достаточно убедительно говорить о доминирующих отраслях хозяйства, о преобладании скотоводства над земледелием, о характере ремесел и т. д. По этой же причине простираемые рассуждения о производительных силах и производственных отношениях, о том, в чьем владении находились средства производства и т. д., основанные, главным образом, только на материалах памятников тшинецкой культуры, едва ли вносят в эти сложные и большие вопросы много нового.

Последний раздел посвящен выяснению отношения тшинецкой культуры к славянскому этногенезу.

Автор исходит из господствующей в современной польской археологии точки зрения о славянской принадлежности лужицкой культуры.

Он оспаривает мнение ряда польских археологов, полагающих, что роль тшинецкой культуры в сложении лужицкой была крайне незначительной и ограничивалась более или менее внешним влиянием. В результате подробного сравнения этих двух культур А. Гардавский приходит к выводу, что лужицкая культура возникла из двух культур — долужицкой и тшинецкой, сыгравших в ее сложении одинаковую роль (стр. 174—175). В заключение автор развивает мысль, что последние данные языкоznания и, прежде всего, расшифровка критского линейного письма, доказывающая, что еще в первой половине II тысячелетия до н. э. в Европе существовал вполне оформленный индоевропейский язык, свидетельствует о значительно более древнем, чем это принято думать, образовании языковых групп. В частности, автор полагает, что с достаточным основанием можно говорить о том, что в эпоху ранней бронзы уже не существовало балто-славянской общности.

По мнению А. Гардавского, можно предполагать, что древнейшими племенами, говорящими на праславянском языке, были именно племена тшинецкой культуры.

Характеризуя работу в целом, нужно признать, что она безусловно является ценным вкладом в исследование тшинецкой культуры и в проблему славянского этногенеза вообще. Б значительной степени этому способствует та объективность и непредвзятость, с которыми автор подходит к археологическому материалу. В этом смысле характерно, что хотя сам автор как будто придерживается традиционного для польской

⁸ A. G a r d a w s k i , ук. соч., стр. 308.

⁹ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 224.

¹⁰ В. Д. Рыболова, К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины, Доклады VI научной конференции Института археологии, К., 1953.

археологии взгляда на славянизацию украинских земель с запада, его исследование вносит заметные противоречия во внешне стройную систему таких построений.

Ведь если праславянская общность в лице тишинецкой культуры еще в середине II тысячелетия до н. э. занимала Волынь и северную часть Среднего Поднепровья, то отпадает необходимость в «лужицкой экспансии», с которой связывается продвижение славян на восток. Как известно, эта экспансия абсолютно не подтверждается археологическими фактами, что достаточно убедительно показано в одной из последних работ А. И. Тереножкина¹¹.

В связи с этим радует, что новое польское исследование будет способствовать устранению одного из явных, но почему-то очень устойчивых археологических недоразумений.

C. C. Березанская

¹¹ А. И. Тереножкин, Лужицкая культура и Среднее Поднепровье, КСИИМК, вып. 67, 1957.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ГІМ	— Государственный исторический музей
ЗООІД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ІАІ	— Известия на Българския археологически институт
ІАК	— Известия Археологической комиссии
ІА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР.
ІРАІМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
КСІІМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСІА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и доклады

С. Н. Бибиков, О первичном заселении Восточной Европы	3
А. И. Тереножкин, Прадорина славян и лужицкая культура	7
А. П. Манцевич (Ленинград), Рельеф из городища Скельки близ Ольвии	10
Д. Я. Телегин, Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье	20
Г. П. Зиневич, К палеоантропологии Никольского могильника	27
А. В. Бодянский, Лысогорский неолитический могильник	32
О. Г. Шапошникова, Новые данные о Михайловском поселении	38
В. В. Лапин, Раскопки поселения на острове Березань 1960 года	43
П. Д. Либеров (Москва), Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе	53
В. А. Ильинская, Позднескифский слой Басовского городища	59
В. М. Маликов (Севастополь), Жертвеник из пригородного здания Неаполя скифского	64
В. Ф. Пешанов (Запорожье), Мелитопольская диадема	70
Т. Н. Высотская (Симферополь), Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен	75

Заметки

В. А. Товкачевский, Неолитическое поселение у с. Поповки на р. Хороле	80
Т. Г. Мовша, Изображение быка на раннетрипольском сосуде из Озаринец	82
А. Ф. Еминова (Белгород), Поселения поздней бронзы верхнего течения р. Ворсклы	84
В. П. Петров, Н. М. Кравченко, Тигли черняховской культуры	87
Р. И. Выезжев, Новые типы древнерусских светильников	89
Г. М. Власова (Львов), Древнерусский могильник в с. Збуже	91

Рецензии

С. С. Березанская.—A. Gardawski, Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce, Materiały stareżytne, t. 5	94
--	----